

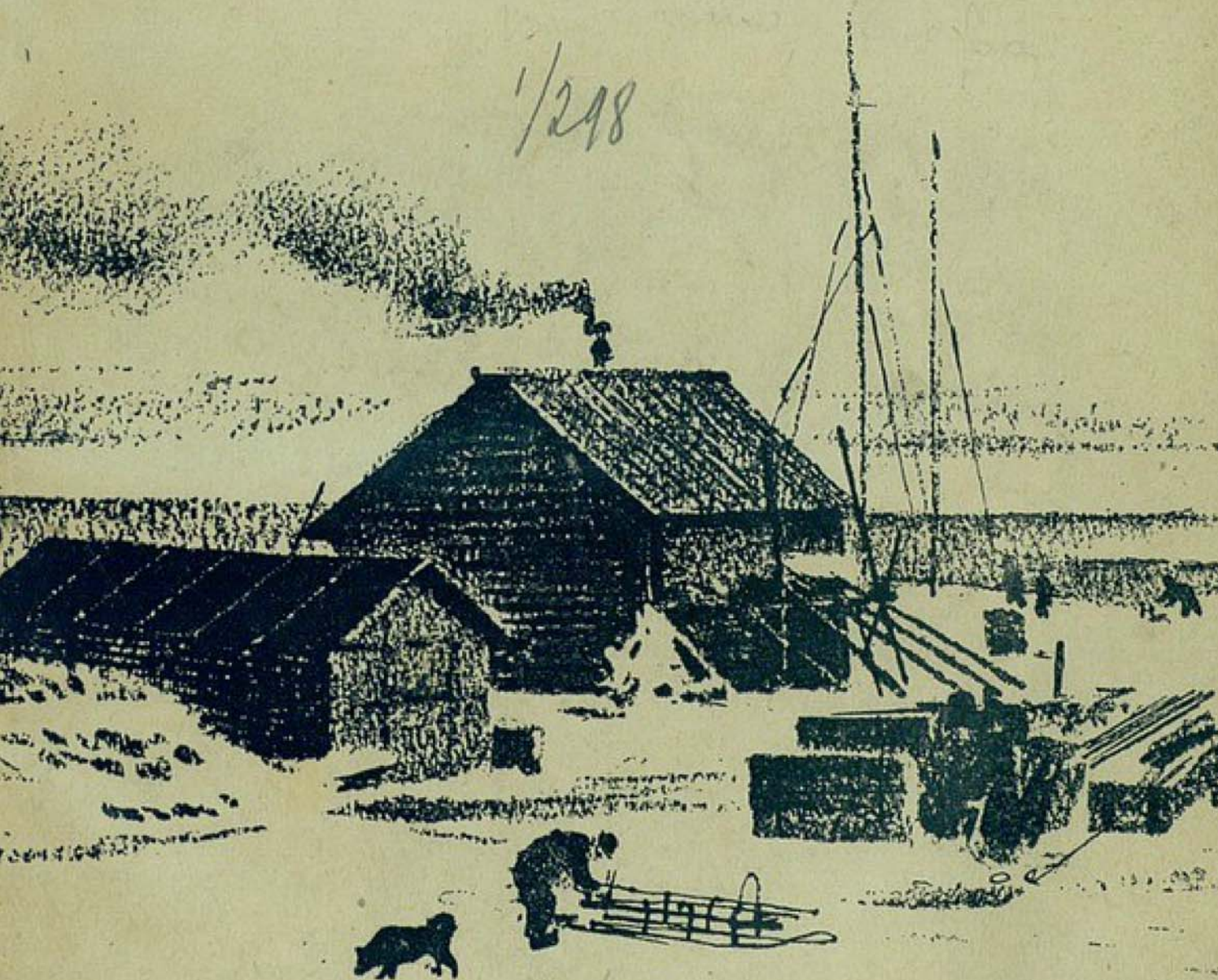
34-2

КОНСТАНТИН ЗВАНЦЕВ

2195

ЗИМОВКА

1/298

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. 1934

Посвящаю Джон

Константин Званцев.

34-2
2195

КОНСТАНТИН ЗВАНЦЕВ

ЗИМОВКА

Г.П.Б. в Лнгр.

Ц. 1935 г.

Акт № 20

МОЛОДАЯ

ГВАРДИЯ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1934

Обложка — М. Разулевича

Ответственн. редактор *Г. Гриф.*
Технич. редактор *В. Никонова.*
Книга сдана в набор 6/XI-1934 г.
Подписана к печ. 22/XII-1934 г.
Инд. Д-04. Огиз № 1031. Ти-
раж 25 000. Ленибллит № 35782.
Заказ № 2236. Формат бумаги
72×110 см. 5¹/₈ печ. л. авт. 6,9.
(129792 тип. знак. в 1 бум. л.).
Бумажных листов 2⁹/₁₆.
2-я типогр. «Печатный Двор»
треста «Полиграфкнига», Ленин-
град, Гатчинская, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Комсомолец Константин Михайлович Званцев, автор «Зимовки», находится сейчас за полярным кругом. Он — начальник первой комсомольской полярной станции в одном из уголков Таймырского полуострова.

Это третья его зимовочная поездка и пятая зима, проведенная в Арктике. Первый раз Званцев поехал зимовать в 1925 году на станции в Маре-Сале на полуострове Ямал. Зимовка была тяжелая, но трудности не сломили его. В 1929 году он поехал метеорологом на о. Врангеля и в труднейших условиях провел там три года. За эти три года он показал себя человеком, вполне пригодным для работы в трудных полярных условиях. Для человека, любящего Север и стремящегося на Север, это самая высокая оценка, т. к. не всякий человек может быть вполне подходящим для этого.

В ближайшее время, вероятно комсомолия хлынет массами на освоение наших бескрайних северных пространств. Им будет значительно легче вести эту трудную и героическую работу. Теперь целина полярных просторов уже нарушена: в бескрайних снежных просторах и в диком нагромождении льдов видны пути и тропы, проложенные отважными людьми нашей великой социалистической родины. В этом заслуга людей, имена которых прозвучали из края в край земного шара. Но еще больше в этом труда малоизвестных, незаметных

тружеников, испещривших полярную карту своими упорными следами.

Трудами этой славной плеяды, под руководством нашей партии и гениально-великого Сталина, сделано многое. Результатов этих трудов не в силах замести никакие полярные пурги, перед ними беспомощна стихийная мощь полярных льдов.

Комсомолец Званцев — один из таких незаметных героев нашей Арктики.

Книга т. Званцева, страдая рядом недостатков, характерных для первого литературного опыта автора, заслуживает того, чтобы ее прочел каждый комсомолец и, крепко подумав, определил, не следует ли ему перевести подошвы своих сапог с асфальта городов на бездорожье тундр, горных хребтов или зыблущуюся палубу судов, отправляющихся в ледовые плавания.

Жизнь за полярным кругом трудна, но за труды она вознаграждает и обогащает человека такими впечатлениями, такими переживаниями, которых в низких широтах и в десять жизней не испытаешь.

Все события, изложенные т. Званцевым, в той или иной форме произошли. Многие из них изображены Званцевым не всегда верно, но изложение, художественное в особенности, не всегда можно согласовать с фотографической передачей событий или людей. Не избежал т. Званцев и некоторого субъективизма в своих оценках людей и их отношений между собою.

Но изображаемое им основано на хорошем знании обстановки, условий, людей. Он сам многое пережил и принимал участие во многих событиях, показанных в книге.

О Севере издается много очерковой литературы, и не всегда она удачна, т. к. очень часто авторы не имеют и приблизительного представления о том, что они пишут. Этого недостатка в книжке Званцева нет.

Надо думать, что книжка найдет своего читателя.

Бывший Начальник острова Врангеля А. МИНЕЕВ.

ВВЕДЕНИЕ

Автор книги «Зимовка» комсомолец К. Званцев, несмотря на молодость, принадлежит к числу заслуженных советских полярников, обогащенных значительным опытом. Званцев обладает стажем четырех зимовок в полярных областях, причем все эти зимовки протекали в исключительно тяжелых условиях.

Книга «Зимовка» представляет собой заметки, веденные в течение трех последних зим, проведенных автором под-ряд на научной полярной станции в одной из самых суровых и отдаленных местностей всего Советского Союза — на острове Врангеля, в Чукотском море. Читатель из книги Званцева вынесет живое представление о трудных условиях жизни станции, выстроенной в отрезанной от мира стране; на этой станции, несмотря на географическую изолированность и первобытность острова так же, как всюду в Стране советов, ведется напряженная работа, в полном контакте со всеми Советскими республиками.

Условия жизни на острове Врангеля во время зимовок Званцева, как увидит читатель, сложились слишком неблагоприятно для маленькой советской колонии на этом острове как со стороны жизненных удобств, так и со стороны личного состава в европейской части колонии. Тем интереснее отметить, что тяжелая обстановка не отражается нисколько ни на привязанности автора

к прекрасной природе Арктики, ни на его желании продолжать свою деятельность в трудных условиях полярных зимовок. В лице автора мы имеем настоящего «полярника», который искренне полюбил суровые, но привлекательные и богатые страны дальнего Севера. В настоящее время Званцев проводит в Арктике пятую зиму.

Что самое привлекательное в этой книге? Несомненно — разлитая по ней юношеская бодрость, не покидающая автора в самые тяжелые минуты, и хорошая комсомольская искренность; автор в своих записках весь нараспашку: смотрите, — вот что я думал, что переживал в тяжелые и необычайные минуты жизни на Севере; судите сами.

Эта, присущая Званцеву искренность выдвинула в записках одну из сторон жизни в изолированных людских коллективах, сторону, которую авторы, описывавшие свои личные зимовки, в большинстве случаев обходили или совсем замалчивали. Это — вопрос о ссорах во время зимовок на крайнем севере. В кругу полярников прежнего поколения трения и ссоры между людьми, находящимися в необычной обстановке, считались чем-то неизбежным, присущим зимовкам. Одни объясняли такое предрасположение к ссорам влиянием полярной ночи, будто бы обостряющей нервную возбудимость; другие считали нелады чем-то свойственным жизни на Севере людей, оторванных от привычной обстановки, от семьи и круга прежних товарищей, людей, потерявших свободу непосредственного общения с другими людьми по собственному выбору. Пытались объяснять ссоры частными причинами: неумелым руководством, несходством характера отдельных лиц, вынужденных иметь постоянное тесное общение и пр.

Едва ли указанные причины каждая в отдельности могут быть взяты в качестве исчерпывающего объяснения всех случаев недружного сожительства. Опыт наших полярных станций указывает, что в самых высоких ши-

ротах, где полярная ночь длится особенно долго (Земля Франца-Иосифа, Северная Земля), крепко спаянные коллективы жили в течение нескольких лет в полной дружбе. С другой стороны, тот же опыт говорит, что случаи недружного сожительства, вплоть до самых нелепых и диких склок, были особенно часты в ранний период жизни наших полярных станций, когда их личный состав комплектовался различными учреждениями по принципу набирания «с бора и сосенки», без малейших попыток к подбору однородного коллектива, и когда совсем не уделялось или мало обращалось внимания на поддержание постоянной связи работников Арктики со всей общественностью СССР. В этих условиях зимовщики действительно чувствовали себя отрезанными, словно находящимися где-то за пределами Союза.

В настоящее время условия совершенно иные. Подбор персонала для работы на наших северных окраинах строго централизован, и полярные станции получили крепкое партийно-комсомольское ядро и руководство. Работники полярных станций и экспедиций непрерывно имеют самую тесную связь не только с семьями, но со всей общественностью СССР и, постоянно получая информацию о происходящем в Союзе, сами рапортуют о своей жизни и работе, иначе говоря — включились полностью в общественную жизнь. Вот почему сейчас — ссоры и склоки первого периода должны исчезнуть, как один из пережитков старого быта. И самые последние годы показали, что те коллективы из работающих на крайнем Севере, которые полностью приняли для себя принципы организации работы, общие для всего Советского Союза и сумели наладить ее на основе указаний т. Сталина, — полностью освободились от этих пережитков и могут считаться образцами спаянности и дружбы.

На примере зимовок, описываемых Званцевым, отчетливо видно колоссальное значение сплоченного ядра в организме коллектива работников на крайнем Севере. Несмотря на исключительные обстоятельства (сумасше-

ствие одного из сотрудников), на лишения, вызванные стихийными причинами (тяжелое состояние льда в Чукотском море в течение трех лет) и общие суровые условия жизни в течение последних зимовок, — немногочисленное, но сплоченное партийно-комсомольское ядро советской колонии на о. Врангеля сумело не только сохранить колонию от развала и избежало трагических происшествий, но в такой тяжелой обстановке добилось перевыполнения научной программы.

Н. ПИНЕГИН

Р Е Й С
НА ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

«ЕСЛИ ТЫ УХОДИШЬ В ПЛАВАНЬЕ»

Утром за кофе я прочел в газете на первой полосе крупным шрифтом отпечатанное извещение:

«Сегодня в 14 часов дня назначен отход полярного экспедиционного судна «Литке» в рейс на остров Врангеля».

Сегодня... Сжалось сердце.
И вот приказ:

«Собратся окончательно и быть на борту «Литке» к 12 часам дня. Отход назначен на 14 часов. Вам будет предоставлено место в каюте начальника научной экспедиции Березкина. В Петропавловске на Камчатке получите отдельную каюту».

Прибыл на судно. Нас пригласили в кают-компанию на прощальный завтрак. На палубе я познакомился с нашим островным радистом Богановым, молодым толстяком. Его провожала худенькая брюнетка — жена. Здесь же меня представили какому-то небритому, запыленному субъекту, который назвался доктором Синодским; он приехал из Средней Азии, чтобы попасть на остров Врангеля. Начальника острова Минеева и его жену Власову я уже знал.

Прощальный обед, напутственные пожелания, советы,

тосты и теплые взгляды провожающих. Вахтенный штурман объявляет:

— Снимаемся с якоря. Провожающие, будьте любезны...

На набережной собрался весь Владивосток — комсомольцы, моряки всех стран и красноармейцы. Над толпой плыли полотнища знамен. Оркестр играл грустные вальсы Шопена. Жены наших моряков были бледны, некоторые плакали. Я проводил Джен на берег.

На летучем митинге выступали представители от ряда организаций. Последним говорил начальник экспедиции Константин Александрович Дублицкий. Говорил он коротко и решительно:

— Что бы там ни было, а мы сделаем все, что может сделать человек...

Митинг окончен...

Два поворота ручки машинного телеграфа, звонки, и мы отрываемся от берега. Отходим задним ходом, чтобы удобнее развернуться. Между кораблем и набережной заплескалась взбудораженная винтами вода. Оркестр играет морской марш.

Толпа следит за нами.

Даем первый гудок, второй, третий... Гудим — «Прощайте!»

Красиво разворачиваемся и идем полным ходом к выходу из «Золотого рога» в море.

Когда мы проходили мимо кораблей на рейде, они гудками послали нам прощальный привет, а один американец, «купец», выкинул сигналы: «Особенный привет. Счастливого плавания!»

Мы отвечали флагами и гудками.

Шлюпки и катера провожали нас.

Прошли маяк, судно замедлило ход. К борту подошел катер и забрал последних пассажиров: почетных гостей и лоцмана.

Матрос, работавший на палубе, запел грустную морскую песенку.

«...Если ты уходишь в плаванье,
То о счастья в море не грусти.
Счастье там осталось в гавани,
А сердце спрятано в груди».

Мерно стучали машины, ветер крепчал, надвигался туман серыми клочьями...

ГРАЖДАНИН «ЗАЯЦ»

В камбузе я с удивлением заметил, что картошку чистит не наш корабельный забияка — кастрюльник Миша Тельнов, комсомолец, весельчак и сорванец, а какой-то другой паренек.

Что за чудеса! Оказалось — парень проскользнул на борт «Литке» за два дня до выхода в море.

В разгаре погрузки на него не обратили внимания. Паренек спрятался в спасательную шлюпку и пролежал в ней два дня, не евши ничего, кроме плитки шоколада и яблока, которые он предусмотрительно взял с собой. По ночам паренек дрожал от холодного тумана, днем — от страха, что его найдет боцман.

Вероятно, он представлял себе нашего боцмана страшилищем.

Велико же было его удивление, когда ласково расспрашивавший его матрос сказал: «Я боцман». Паренек недоверчиво его осмотрел и радостно улыбнулся.

Капитану он объяснил, что он хочет стать моряком и попасть на остров Врангеля. Он обещал чистить картошку, весь рейс быть самым дисциплинированным, только бы на остров.

Во Владивосток полетела радиограмма:

«Во время обеда на судне был обнаружен «заяц». Он назвал себя Ивановым. Ему 18 лет. Пять дней назад он приехал из Туркестана с целью попасть в Арктику на остров Врангеля.»

13-го спрятался в одной из шлюпок, находящихся на борту ледореза».

В ответ пришел приказ властей: «Сдать «зайца» в Петропавловске».

Мне было жаль парня, я зазвал его к себе в каюту, угостил шоколадом и посоветовал действовать не Луи-Буссенаровским способом:

— Вступи-ка, парень, в союз водников, да поплавай матросом, а еще лучше — прямо в штурманские классы...

Он недоверчиво улыбнулся.

Спустя три года, возвращаясь с острова Врангеля, в числе прибывших на борт «Совета» случайных пассажиров с Командорских островов я узнал его.

За это время «заяц» Иванов выучился на радиста и зимовал на Командорских островах. Встрече со мной он сильно обрадовался, и мы вдоволь поболтали.

ЯПОНИЯ

Глубокой ночью мы вошли в Сангарский пролив, отделяющий крайний северный остров Иезо от острова Нипон.

По обеим сторонам пролива, точно нарисованные красками, стояли японские конусообразные сопки, покрытые густыми лесами и освещенные луной. Из голубого мрака ночи как светлячки мерцали огни рыбачьих деревень, по проливу плыли пароходы и сампаны. На мачтах сампанов горели огромные бумажные фонари.

Скоро мы увидели светлое зарево. Хокодате. В третьем часу ночи мы вошли на рейд Хокодате. Город и порт были залиты светом луны и электрических ламп. На рейде — суда со всех концов мира, по заливу снуют катера, яхты, сабуне.

Прошли мол, длинный, с маяком на конце. Около мола стоял большой океанский экспресс. Этот экспресс курсирует между Хокодате и Амори — большими портовыми японскими городами.

Хокодате находится на острове Иезо, а Амори на

отрове Нипон. Острова разделяет пролив, соединяющий Японское море и Тихий океан. Пролив очень широкий и не имеет железнодорожных мостов. Поэтому поезда, курсирующие из одного конца Японии в другой, через пролив перевозят пароходы-экспрессы. Пароход-экспресс похож на вокзал с крытыми платформами, имеет яруса палуб и каюты для пассажиров экспресса-поезда. Пароход-экспресс пересекает пролив в три часа.

Пройдя Сангарский пролив, мы вышли в Тихий океан. 23 июля прошли последний остров Курильской гряды. Мертвая зыбь покачивала наше судно.

Самым приятным из наших занятий была переборка апельсинов и лимонов, которые мы брали на зимовку в Арктику. Часть из них мы нарезали ломтиками вместе с кожурою, укладывая слоями в бочку, пересыпая сахаром и забивая наглухо. После такой заготовки мы имели прекрасные засахаренные лимоны и апельсины три долгих полярных года. Особенно хорошо сохранились лимоны.

Во время этой работы по всему кораблю плыл аромат лимонов и апельсинов. На вантах гирляндами висели бананы. Вдали на горизонте дымились вулканы Курильской гряды.

СЫН СОЛНЦА

К вечеру 23 июля мы вошли в Авачинскую бухту.

У подножия вулканов, вершины которых были скрыты облаками, раскинулся маленький прелестный городок: изящные домики, сверкающие крыши, утопающие в зелени.

С вершин вулканов поползли сумерки, и городок стал тонуть в синеве, а мы все еще двигались к «угольной». Вот скрылись «ворота», а за ними и океан. В бухте уже стоял транспорт «Якут», который нам вез уголь для создания баз, и «Ставрополь», шедший в регулярный ежегодный рейс на Колыму.

Мы подошли и опшвартовались у угольной пристани.

На берегу лежало сорок волкоподобных собак. При подходе «Литке» они яростно зарычали, вскочили и, взъерошив шерсть, подняли неистовый лай.

Эти свирепые на вид звери, оказалось, были предназначены для нашей зимовки на острове Врангеля. Они прибыли из Пенжинского района. Собаки пенжинских коряков — лучшие ездовые собаки Камчатки. Эти собаки, запряженные в четыре нарты, в упряжке совершили трудный переход вдоль Охотского побережья, перевалили через хребет Камчатских сопок и пришли на восточное побережье в Петропавловскую бухту.

К борту подошел катер с властями и представителями местной общественности. Мы пригласили гостей в кают-компанию и принялись угощать их южными фруктами. К фруктам гости отнеслись равнодушно, так как их довольно часто подкармливают заходящие пароходы, а яблоки у них не переводятся круглый год.

Как только закончилась официальная часть, мы пошли в город, где пестрели плакаты: «Привет острожитянам», «Привет Литке», «Добро пожаловать». Тихо полоскались флаги в вечерних сумерках.

Я хотел пойти в парикмахерскую. Туземцы-камчадалы мне указали, где она, но предупредили, что сегодня меня «сын солнца» не обработает, так как у него всегда полно с приходом пароходов.

Я все же решил попытать счастья. На крыльце сидело много моряков с «Литке», «Якута», «Ставрополя». Белоснежные воротнички, синие костюмы с наутюженными складками, ярко сиявшие пуговицы и нашивки как-то не увязывались с небритыми «разбойничьими» загоревшими лицами.

Все с вождением смотрели на стеклянную дверь парикмахерской, которая иногда приоткрывалась, выпуская гладко выбритого джентльмена, в котором приятели едва узнавали боцмана или машиниста. Вслед за

ним мелькала приветливая рожица «сына восходящего солнца», поклоном приглашая заморского гостя в свое святилище. Японец — один из лучших парикмахеров от 45 градуса до северного полюса. «Сын солнца», как его зовут на Камчатке, был бы вполне на месте в самых комфортабельных гостиницах Ленинграда или Москвы. Это художник. Он, как жрец великого культа красоты и гигиены, священнодействовал в своей уютной парикмахерской.

Сам маленький, тонкий, в белоснежном халате, серьезный и в то же время любезный, он тщательно моет руки, кипятит инструменты. Накрахмаленные чистые салфетки, аккуратная работа, умелый массаж — и вы из «пирата» превращаетесь в юношу. Вы изумлены, а «сын солнца», кланяясь и улыбаясь, сует вам визитную карточку: это значит, вы избранный, и вам улыбается светлое будущее быть постоянным его клиентом. «Сын солнца» на Камчатке так же знаменит, как любой известный профессор-хирург.

Счастье мне улыбнулось, мне уступил свою очередь мой приятель Тим, которого внезапно начала мучить жажда; он сломя голову бросился в местное кафе, где можно было достать какое-либо питье.

До сих пор я храню память об этом парикмахере-чароднее, хотя карточку его я подарил, как лучший сувенир, дорогой Джен. От японца я тоже пошел в кафе, там во-всю гремело пианино, и в освещенные окна буйно рвалась к вершинам вулканов матросская песня.

Здоровенные глотки рвали сумрак, удивляли спокойных камчадалов и пугали в тайге медведей. Где-то были напуганные шумом большие собаки.

Через час в клубе началась торжественная встреча. Сцена была декорирована в полярном стиле: темное небо, покрытый льдом океан, среди льдов заперто судно... на высоком торосе стоит хозяин полярных просторов — белый медведь... картина, полная величавой торжественности и покоя,

После заседания — концерт. В концерте выступали моряки со всех кораблей и петропавловцы. Потом были танцы и угощение.

ПЕТРИК

Три дня шла погрузка на «Литке». От угольной горы осталось немного.

В кают-компании за обедом капитан сказал:

— Сегодня пора уходить, в четырнадцать снимаемся, на берег без моего разрешения не сходить.

Нетерпеливая и любопытная корреспондентка Зинаида Рихтер задала свой обычный вопрос:

— Что нового в мире, капитан?

Дублицкий усмехнулся.

— С утра ждал этого вопроса от вас, Зинаида Владимировна, и уже заскучал, думал — забудете сегодня спросить. А нового много. Пароходы стоят в Анадыре во льдах, нам, может быть, придется им помочь выйти из льдов. В Анадыре, вероятно, и мягкую рухлядь, пушнину, заберем. Если же на это потребуется много времени, пройдем мимо, Льды Севера готовят нам серьезную встречу. Петропавловцы рассказывают, что не помнят такой суровой зимы, как прошлогодняя. Пловучие льды подходили к самым воротам Авачинской бухты, а часть льдов проникала даже в бухту и удивила жителей своими громадными размерами. В ста километрах от Петропавловска к северу убили белого медведя. «Ставропольцы» вероятно опять зазимуют, они даже все капканы на песцов скупили в фактории.

Обратившись ко мне, капитан сказал:

— Ну, а для вас каюта сегодня освободится, — пассажиры съезжают на берег; каюта хорошая — красного дерева, уютная, — отдыхайте.

Над нашим судном развернулся отходной флаг. Погрузка угля закончилась. «Литке» взял в бункера 320 тонн угля.

Погода стояла прекрасная. Ясный солнечный день. У подножия сопки зеркальная гладь воды. Дымящиеся вулканы, зелень тайги и крик чаек... Не верилось, что где-то ждут полярные пурги, льды, лишения...

У пристани собралась большая толпа провожающих петропавловцев. Взяли последние грузы, затем первый гудок, команда: «Отдай кормовой», «Выбирай кормовой». Мы отходим... сейчас уберут сходни...

Вдруг я увидел бегущего по пристани худенького человека в синей американской матросской тужурке и в шапке, какие носят китобои. Он тащил громадный узел и сундук с такою легкостью, точно это маленькие свертки.

Капитан с мостика гаркнул: «Принять на борт пассажира!»

Минеев кричал этому странному парню:

— Скорее, скорее, Петрик! Уходим, поднажми!

Петрик поднажал и влетел по сходням на борт ледореза. Сбросив узел на палубу, он вытер вспотевшее лицо и сказал:

— Ну, вот в самый раз попал, не опоздал. Не люблю рано приходить да ожидать.

Я подошел к нему и узнал, что он повар, нанятый по нашей коллективной просьбе Минеевым на зимовку, что есть он не хочет, так как только-что выпил и закусил, что можно-де отходить, чего же ждать.

Я улыбнулся. Мне понравился этот подвижной, веселый матрос. Петрик десять лет служил на маяке матросом и старшиною. Мне он сказал:

— Рад я, что бросаю Петропавловск, — вот только детей да огород свой здорово жалко.

Сын Петрика, взрослый парень, служил в милиции, а дочь училась. Зимовать Петрик поехал, чтобы помочь им деньгами с острова Врангеля.

С Петриком я как-то сразу сошелся. Никто из нас не подозревал тогда, сколько бед нам причинит этот веселый парень.

«Литке» медленно развернулся. На пристани толпа махала шапками и платками. Мы прощались с людьми, с городом, с белоснежными вершинами вулканов.

Океан встретил нас прекрасно: легкий свежий бриз, солнце.

В ЗАЛИВ ЛАВРЕНТИЯ

28 июля наш «Литке» резал уже воды Берингова моря.

Мы шли в густом тумане. У самого борта со свистом проносились стаи нырков, топорков. Несмотря на туман, шли средним ходом, давая сигналы. Капитан эти дни хмурился: все капитаны хмурятся, когда в море туман.

На четвертые сутки туман стал редеть, с левого борта над пепельной полосой тумана показалось заходившее солнце, и открылся мыс Наварин — мрачные скалы, у которых билось море.

Еще не успело зайти солнце, как к борту крадучись подошли льды. В воздухе посвежело, упала температура верхнего слоя воды.

— Первый лед, — проворчал штурман Стехов, — рано он нас встречает. Обычно в это время Анадырский залив свободен от льда.

Всю ночь шли вдоль кромки льда. В Анадырском заливе зажало льдами пароходы «Ляховский», «Астрахань», «Симферополь». Дублицкий решил не терять времени и не заходить в Анадырь.

28 июля получили телеграмму от начальника разведочной авиагруппы Красинского:

«Сегодня утром закончили сборку аппарата и провели пробный полет. Сейчас идут последние приготовления к перелету. Утром в залив Лаврентия вошел лед, сопровождаемый туманом. Туман начал отодвигаться. Ждем возможности вылета.

Красинский».

Из телеграммы же мы узнали, что «Ставрополь» спешит в Колыму.

30 июля подошли к бухте Провидения. Туман рассеялся совсем, и наш кинооператор Родзиховский готовился снимать, ходил по палубе и шумно бормотал:

— Завертится... Завертится...

Солнце зашло, в небе горели вечерние зори, а входа в бухту Провидения все еще не было видно. Маячил только высокий обрывистый скалистый берег. Бухта Провидения прекрасно загородилась от морских ветров и волн круто-извилистым барьером.

Капитан получил какую-то телеграмму, и заход в «Провидение» не был совершен. Глубоко было разочарование нашего оператора.

На заре 31-го мы вошли в залив Лаврентия. На берегу я увидел разбросанные домики культбазы, а на рейде стоял наш угольный транспорт «Якут».

Молча, без гудка, чтобы не будить население приполярного форпоста, «Литке» подошел и ошвартовался у борта «Якута». Сейчас же началась перегрузка угля из трюмов «Якута» в наши бункера. Экипаж разбили на две смены. В ту ночь никто не спал. Да и как спать, когда началось такое чудесное утро: солнце вот-вот взойдет, вода залива розовая, спокойная, на поверхности тихо плывут льдины причудливой формы.

На льдинах сидели чайки, нырки и другие птицы. Начинаясь день обещал массу впечатлений. В кают-компанию вошел гость — капитан «Якута», гладко выбритый, надушенный и элегантно одетый старик.

Наш капитан шумно его приветствовал и все время называл «графом». Это шутливое прозвище дали капитану «Якута» за изящную внешность и тонкое остроумие.

Подали кофе, бисквиты, и в кают-компании загремел смех.

ГОСТИ

Наше веселье оборвалось от возгласа: «Гости едут!» Мы вышли на палубу. Из-за мыса показался парусный вельбот, переполненный чукчами. Подойдя к борту, чукчи нерешительно смотрели на нас: примут ли их или прогонят, как от некоторых пароходов?

Посещение пароходов, проходящих летом в навигацию, — большое, интересное событие в скудной впечатлениями жизни береговых жителей. Большинство моряков всегда поддерживали хорошие отношения с береговыми чукчами и эскимосами, которые, в свою очередь, всегда оказывали помощь кораблям в случае несчастья. Береговое население делится последним куском с потерпевшими аварию экипажами, дает им корм и даже отвозит на собаках на материк. Береговые чукчи привыкли к радушному, искреннему приему на всех кораблях. Долго-долго в длинные зимние ночи, под вой пурги, у светильника в юрте вспоминают они эти дни, делятся в сотый раз уже давно устаревшими новостями, скрашивающими их бедную событиями жизнь.

Чукчи были приглашены на «Литке», а после и на «Якута», так как «граф» никогда не изменял друзьям, а особенно дяде Косте Дублицкому.

Весть о приходе «Литке» быстро облетела все побережье, и гостей было много.

На корме чукчей угощали чаем, сахаром и белым мягким хлебом.

Они разбрелись по всему пароходу, влезли на мостик, в машинное отделение, все рассматривали, всему дивились. Многие из них хорошо говорили по-русски, некоторые по-английски, — те которые ходили на американских зверобойных и китобойных шхунах.

На груди некоторых чукчей красовались значки, полученные ими за участие в экспедиции Давыдова на «Красном Октябре» к острову Врангеля в 1924 г. Один

эскимос был в экспедиции Бартлэта на трагически погибшем «Карлуке».

«Карлук» был раздавлен льдами к северу от острова Геральда. Часть экипажа успела спастись, пройдя к острову Врангеля. С ними вместе спасся и этот эскимос.

ФАКТОРИЯ

После бункеровки «Литке», «Якут» оставил для нас еще уголь на береговой угольной базе.

В восьми кабельтовах от места якорной стоянки «Литке» на открытом берегу, под склоном горы, раскинулся маленький поселок культбазы. Несколько разбросанных домиков стандартного северного типа и фактория АКО.¹ Я решил съездить на культбазу и посмотреть, как живут люди этого советского очага культурного просвещения туземцев.

Я сел в байдарку из моржовой кожи и поехал на берег. Через три минуты умело управляемая чукчами байдара подошла к галечному берегу. На берегу нас поджидали чукчи. Они вытащили байдару и положили ее в длинный ряд байдар чукчей, приехавших к пароходам издалека.

По берегу горели костры, у которых чукчанки готовили свой несложный обед; бегали чумазые детишки, укутанные в меха, напоминавшие медвежат. Дети обступили меня и с любопытством разглядывали мою форму и нашивки. Я угостил их взятыми с собой конфетами, и мы стали друзьями.

Около детей вертелись с веселым визгом собаки.

Гористый берег залива, вершины гор, покрытые снегом, разбросанные домики, голубое небо, на рейде — корабли, пришедшие из далеких стран.

---

¹ Акционерное камчатское общество.

Вошли в факторию. На полках пусто, несколько ящиков консервов и шоколаду, да немного табаку — «Делос-Махра» из Кременчуга. Мы удивились, почему нет товаров. Заведывающий объяснил: «Все раскупили, с

нетерпением ждем пароход со снабжением. Чукчи просто одолели, мы обещали им взамен пушнины вельботы, рульмоторы «Эверунда», огнестрельные припасы, охотничье снаряжение, а вот пароход запоздал. Это затрудняет работу нам — низовым работникам, и влияет на поступление пушнины».

ЛЮБЯЩАЯ РУКА

За обедом в кают-компании один из врачей рассказал, что в течение зимы в районе культбазы зарегистрировано три смерти от «любящей руки».

В Чукотском краю еще сохранился обычай убийства «любящей рукой». Туземцы крепко верят, что родственник, умерший от «любящей руки», попадает прямо в рай. Заболевает чукча или чукчанка, и вот, не желая страдать, больной выражает свою волю умереть от «любящей руки». Это желание является законом... Совершается ритуальное убийство.

В школе на культбазе в должности няньки жила старая чукчанка Панай. Захворав, она отпросилась к своему сыну Таюю в Яндогай. Старуху ждали в школе несколько дней, но так и не дождались. Запрягли собак, поехали узнать, что случилось. Оказалось — ее уже нет в живых. Сын рассказал подробно, как произошло убийство.

У Панай сильно заболел живот. Вместо того, чтобы обратиться к врачу, она решила, что это пришла «тень» (смерть), и поспешила в родную ярангу. Прийдя в Яндогай и собрав родственников, она объявила свою волю умереть от «любящих рук». Устроили пир, как полагается по ритуалу. Во время пира старуха раздарила все, что имела, дала всем советы; потом старший сын любовно обернул ей шею куском мягкой оленьей шкуры, набросил петлю из ремня, родные взялись за концы, затянули...

Вторую няньку тоже чуть не постигла та же участь. На культбазу примчался молодой чукча и рассказал, что готовится убийство. Поспешили к месту пира, схватили старуху и вкатили ей дозу касторки... Старуха вскоре поправилась и была довольна, что осталась жить.

Был еще такой случай. В тундре заболела девушка. К врачу ехать шаман запретил, а мучиться тяжело. И

вот в присутствии семьи и любимого жениха она изъявила волю умереть от «любящих рук».

Родные согласились. Жених в отчаянии бросился к оленям, чтобы ехать на культбазу и сообщить, но его схватили и не пустили. Начался пир, затем ритуал прощания, и девушку начали душить. Но вдруг лопнул ремень, и пока готовили новую петлю, девушка пришла в себя и начала просит не убивать ее, так как ей очень хочется жить. Несмотря на ее крики и мольбы, ее задушили.

Старший в семье после объяснял, что оставить ее жить нельзя было, так как, если бы она умерла своей смертью, то увела бы с собой под землю всех из поселка, и молила о жизни не она, а чорт ее голосом, чтобы погубить всех за неисполнение воли умирающей.

Эти рассказы из кают-компаний через буфетчика Ванюшу быстро перешли в кубрик, и вскоре по кораблю несяся здоровый хохот.

Забияка Мишка Тельнов ел компот, собираясь на берег с винчестером Власовой пострелять уток. Прислушавшись к рассказам Ванюши, он перестал есть и заявил, что один на берег не поедет, а то не только задушат, а еще и сожрут, так как у него после компота всегда схватки в животе. Неровен час — заметят и захотят оказать услугу. Над этим-то и хохотала команда.

Наш гость врач рассказал, что если кто-нибудь из чукчей ложится в больницу, с ним является вся семья и располагается в палате около постели на шкурах и живет до тех пор, пока больной не поправится. Что делать, приходится соглашаться, другого выхода нет, иначе больные перестанут к нам обращаться.

ЯНДОГАЙ

После обеда к борту подошел катер. Нас сопровождал культбазовец, знающий чукотский язык. Отойдя от

борта, мы вышли из залива и, идя вдоль берега, взяли курс на Яндогай.

Подойдя на катере к берегу, мы поднялись в гору к селению.

Как только мы оказались в виду яранг, нам навстречу бросились худые чукотские собаки, шерсть на них торчала клочьями, они выли и рычали, роняя на землю пену. Я невольно потянулся за револьвером... Окрик какого-то старика-чукчи заставил собак умолкнуть и поджать хвосты. Чукчи сидели около яранг и, заслонив глаза рукою, рассматривали море.

Так как я люблю детей, я занялся исключительно ими, предоставляя взрослым рассматривать море. Я роздал детям все привезенные с собою сладости, сунул в рот старику чукче, спасшему нас от собак, японскую сигару и начал играть с ребятишками.

Чукчи очень любят детей. Увидев, что я вожусь с ними, взрослые заулыбались и подошли к нам. Мы разговорились. Нас пригласили в юрту и угостили. Угощение подали на деревянном блюде. Пышки, сваренные в моржовом сале, и крепкий кирпичный чай. Пышки из белой прекрасной американской муки «Сноп», не имели никакого специфического запаха. Пока мои спутники угощались, я проглотил наспех чай и занялся изучением этнографии Яндогая.

Все яранги на побережья Чукотки имеют одинаковую конструкцию. Они двойные: состоят из наружной яранги — шатра — и внутренней яранги — полога. Наружная яранга больших размеров, а внутренняя спальня много меньше.

Снаружи яранга обтягивается наружным чехлом, который состоит из моржовых, лахтажьих шкур или из крепкой парусины. Крыша яранги покрыта сетью ремней, к концам которых привязаны тяжелые камни или китовые позвонки, чтобы полярные штормы не разрушили ярангу и не сорвали чехол.

По внутренним стенам яранги развешаны оружие,

гарпуны, копыя, ножи, лыжи, рыболовные и тюленьи сети. На перекладинах стоят нарты, повыше: от собак, чтобы голодные звери не съели ремней, связывающих нарты.

Яранги в большинстве случаев содержатся в порядке. Утварь вся на месте. Плотный убитый пол чисто выметен птичьим крылом. Пол в пологе из моржовой шкуры,

под которой настелен мох, чисто вытерт. На нем в порядке разложены меха, спальные мешки и расставлены ящики и мешки из выделанных и расшитых шкур тюленя с мелким женским хозяйством чукчанок.

Главный способ освещения и отопления — моржовый и тюлений жир. Если имеется плавник, которого на Чукотском побережье мало, так как направление морских течений редко заносит его сюда, то из добытого плавника раскладывается костер в большой яранге для

приготовления пищи и чая. А в пологе всегда горят зимой несколько жировых ламп с ворванью.

В пологе очень жарко, так как нагревается он не только от ламп, но и от людей, которых всегда бывает много. Стоит ли говорить о том, как тяжел воздух в такой спальне.

Лампы горят всю ночь, и за ними следят поочередно младшие члены семейства, на обязанности которых лежит подливать жир и поправлять фитиль. В спальне настолько жарко даже в самую свирепую пургу, что все сидят голые, даже европейцы, пользующиеся широким гостеприимством чукчей.

КЛАДБИЩЕ

Погостив в Яндогае, я решил перевалить через горы и вернуться на культбазу сухопутным путем. Со мною был фотоаппарат, я решил поснимать. Расспросив о дороге, я ушел, простившись с хозяевами, которые были сильно удивлены тем, что я решаюсь идти через горы один.

Меня привлекало кладбище, которое по рассказам было где-то в горах. Чукчи покойников не хоронят, они бросают трупы в «страшном месте» в поселке мертвых прямо на камни, за невысокую загородку из камней, где их находят собаки, вечно голодные, дикие эскимосские собаки, на которых даже волки не решаются нападать. Вот это-то я и хотел посмотреть и заснять.

Незаметно для всех я ушел в горы...

Эскимосское кладбище представляет собой гору с плоской вершиной.

На кладбище, кроме обглоданных костей и черепов, сломанных нарт, собачьей упряжи, копий, гарпунов ничего не было. При моем приближении с кладбища сорвалась туча ворон и с криком начала кружиться. «Где-то есть труп», подумал я. Вороны продолжали кружиться.

Внезапно наступила тишина. Вороны уселись кругом и смотрели на меня умными глазами.

Кладбище на меня не произвело никакого впечатления.

На культбазу я пришел к вечеру.

КРАСАВИЦА МЭРИ

На другой день с утра сильное волнение заставило на несколько часов прервать погрузку. Из-за волны пришлось снять мостки трапика, соединявшие палубы «Литке» и «Якута», так как борта качались. Болнение усиливалось. Остаться на якорной стоянке у самого выхода в море было опасно. Было решено перейти вглубь залива под защиту островка Беннет.

Еще днем у нас на борту появилась красавица Мэри — падчерица грузина Добреева и дочь симпатичной эскимоски Ункаун.

Это был чудесный ребенок, — девочка-эскимоска. Маленькое личико, смуглые щечки, тоненький с горбинкой нос.

Я весь день возился с девочкой, кормил ее фруктами, шоколадом, подарил ей японскую куклу и флакон одеколона.

Подошел вечер, отправить Мэри на берег было невозможно из-за сильного волнения. Мэри осталась ночевать на ледорезе.

На следующий день ее нельзя было отправить домой, опять разыгрался шторм... ключьями несло туман. За обедом капитан получил с берега телеграмму с радиостанции золотоискателей. Телеграмма была от отчима Мэри. Отчим был в отчаянии, просил скорее вернуть Мэри, говоря, что «на Чукотке детей не воруют».

Капитан хохотал:

— Похитители детей! Литковцы детей воруют!

Минеев предложил капитану, чтобы избежать конфликта, отправить Мэри на берег. Капитан подумал, со-

гласился и дал нам в помощь Чепко — старого боцмана; с ним было не страшно.

Пошли одеваться. Я одел штормовое платье, взял бинокль и «наган». Долго возились с посадкой; волны лизали борта, высоко подбрасывая шлюпку, которая ускользала из-под ног, как только кто-нибудь собирался спуститься в нее по шторм-трапу.

Как только уселись в вельбот, застучал мотор, мы отошли; сейчас же опустился густой туман.

— Ну, будет полундра, — сказал Чепко, — теперь и к борту не подойти.

Вельбот высоко бросало волной. Шли по компасу, держа курс Зюйд-Ост, рассчитывая упереться в мысок против культбазы. Я стоял около Чепко на корме, готовый каждую минуту помочь ему. Сталкивающиеся с грохотом волны окатывали нас ледяной водой. Были моменты, когда над нами вырастала волна. Рухни эта волна в вельбот, море схоронит нас навсегда.

Вдруг вельбот рвануло, и он понесся куда-то в сторону.

— Руль! Руль! Лови руль! Руль потеряли! — закричал Минеев. Его отчаянный крик покрыл грохот и плеск волн...

Волной вышибло руль, нас несло прямо на скалу, около которой кипела вода. Вельбот кренило на борт. Чепко руль заменил веслом, но вельбот плохо его слушал. Я и Минеев перегнулись за борт, пытаюсь поймать руль, но волнами нас отбрасывало и несло на рифы. Мы оба промокли, вельбот сильно осел, наполовину наполнившись водой.

— Отливайте воду.

Трублаини начал отливать воду. Моторист Шатинский спасал от воды мотор, закрывая магнето. Руль исчез, мы несколько раз видели его мелькающим на гребне волн, но не могли поймать.

Вдруг он появился с правого борта почти вплотную. Я хотел схватить его, но вывалился за борт, и если бы

не Минеев, ухвативший меня за руку, я конечно утонул бы, так как был в штормовом платье, сапоги были полны воды. Вельбот то и дело становился лагом, т. е. поперец волны, и если бы не опытность Челко, мы все погибли бы. Особенно тягостно было, что с нами была Мэри. Трублаини надел на нее спасательный пояс и помогал нам ловить руль и отливать воду.

Наконец Минеев поймал руль, но тоже окунулся в воду. Теперь я его зацепил, руль он не выпустил. Мы получили управление как раз во-время. На нас вплотную надвинулась скала с бурунами на рифах. Быстро приладив руль, мы ловко развернулись и пошли прежним курсом.

Шторм начал стихать. По времени мы должны были бы быть на базе, но сквозь рассеивающийся туман ничего похожего на берег не было видно. Мотор начал «чихать», капризничать, это было еще неприятнее.

— Не прошли ли мы базу, не заметив ее в тумане? — сказал Трублаини.

Прошло еще два часа в грохоте постепенно стихающего океана. Ветер спадал, и вот с правого борта открылся скалистый берег, о который разбивались громадные волны, высоко взметая пену и брызги.

Нас несло на берег. Шатинский бледный, трясущийся, возился с мотором. Вот мотор «чихнул» и опять затакал. Мотор капризничал, грозя совсем перестать работать.

К нашему счастью, открылся заливчик с мыском и отлогим галечным берегом. Мы вошли в залив и, высадившись на берег, принялись бегать, чтобы хоть немного согреться.

Берег был пустынный, мертвый, не было ни плавника, ни сухой травы для костра. Ветер стих совершенно, и мы, подлечив мотор, к позднему вечеру все же добрались до культбазы, измерзшие, мокрые и измученные борьбой со штормом.

На берегу нас встретили чукчи, которые, узнав, что

мы привезли Мэри, радостно приветствовали ее возвращение в родные яранги.

Я с Чепко пошел на факторию поискать спирту; нашли у золотоискателей и согревались, сидя за длинным столом в столовой базы. Перед нами стояли большая сковорода с поджаренными мясными консервами и кружки со спиртом. Согрелись быстро, и под звуки патефона были забыты невзгоды.

Ночью погода утихла. Мы, отдохнувшие и согретые, зарядили мотор и, распростившись с хозяевами, пошли в обратный путь. Туман стал еще гуще, волны шли нам в форму, подгоняя. Мы боялись, чтобы не пройти в тумане мимо ледореза.

Чтобы подбодрить себя, мы начали орать песни сменяясь на руле через полчаса. Напряженно всматривались в туман, не мелькнет ли огонек на борту «Литке». Наконец, мое терпение лопнуло, и я начал стрелять из нагана. Чепко предложил Минееву повернуть обратно, как вдруг из тумана засветились огни «Литке», слышался унылый звон склянок и вой сирены.

Дома! Дома! Быстро подошли к борту и поднялись на палубу мокрые и дрожащие. Наше долгое отсутствие вызвало большую тревогу. Все время выла сирена, и звал унылый звон «рынды». Мы ничего не слышали из-за шума волн.

В ЧУКОТСКОМ МОРЕ

Погрузка окончилась. Мы погрузили 1160 тонн угля. Закрепили палубный груз, подняли на борт шлюпки, кунгасы и на рассвете вышли в открытое море.

Крепко проспав остаток ночи, я проснулся рано от необычного шума. Нас сильно трепало, бросая с борта на борт.

Вещи ожили и весело гонялись по палубе друг за другом, как разыгравшиеся котята. Бутылка из-под рома «Негритянка» гонялась за ботинком Березкина;

сапог зоолога Ушакова насадал на мою фуражку, а щетка, счеты, зеркальце, осколки чашки, вывезенной из Японии, книга по океанографии и бинокль беспорядочно кружились на полу. В задраенный наглухо иллюминатор плеснула волна, и в каюте на миг наступил зеленый полумрак.

Сегодня торжественный день: «Литке» открывает новую страницу своего рейса. Сегодня мы входим в Север-

ный Ледовитый океан, сегодня проходим северный полярный круг. Торжественный момент в жизни полярника.

Я быстро вскочил с койки и побежал прямо в баню под душ. Окончив туалет и гимнастику, я поднялся в кают-компанию. У нас были пассажиры, гости до мыса Дежнева — председатель рика из Уэлена Пономарев и какой-то инструктор. Они сидели и пили чай, велся общий оживленный разговор. Только Пономарев сидел молчаливый, опустив голову. У него большое горе.

Получив задание партии идти работать за полярный круг, Пономарев взял с собою двух мальчиков сыновей. Жены у Пономарева не было, он был вдовцом, в своих детях души не чаял.

Однажды при переходе из Уэлена в залив Лаврентия в свежую погоду мальчики играли на палубе. Отец сидел в каюте и работал над материалами задания. Старший сынишка, убегая от младшего на капитанский мостик, сорвался и упал за борт. Его, едва успевшего вскрикнуть, подхватило волной, другая набежавшая волна похоронила его. Всю свою любовь отец перенес на младшего сына, который заболел. Больной ребенок остался в Уэлене, а отец должен был делать переходы на судах из одного пункта в другой.

5 августа вечером прошли мыс Дежнева. Сед, туманен и неприветлив старик Дежнев. Дики отвесные скалы, вершины которых теряются в низких облаках. Высоко на скалах большое эскимосское селение морских промышленников Наукан. На скалах снег.

Когда поровнялись с Науканом, замедлили ход, но шла большая волна, и науканцы не рискнули выплыть навстречу пароходу.

Обойдя мыс Дежнева, стали на якорь с нордовой стороны. Здесь на низком, ровном, удобном для высадки берегу раскинулась эскимосская деревня Уэлен. С борта спустили моторный вельбот, мы простились с Пономаревым.

ЛЬДЫ У КОРАБЛЯ

Против Уэлена простояли до вечера.

В 23 часа с минутами снялись с якоря и пошли своим курсом. Вначале капитан решил произвести ледовую разведку в востовом направлении. Но, как и ожидали, пролив Лонга оказался совершенно забитым тяжелым льдом, и мы взяли курс к острову Геральд.

Остров Врангеля был недалеко, он расположен срав-

нительно близко от Чукотского полуострова. Но, к сожалению, кратчайший путь к острову является самым трудным путем, потому что он пролегает по району, где наблюдается постоянное скопление движущихся тяжелых льдов. Наименее трудным является путь, ведущий к острову Врангеля от мыса Дежнева с направлением на остров Геральд. Последнее направление, наиболее длинное, но и наиболее выгодное, мы и выбрали. Этим путем были совершены почти все походы к острову Врангеля, начиная с 1881 г.

Вечером 5 августа наш судовой радист Мешалин принял радио с «Колымы»:

«Лед движется, медленно продвигаемся к чистой воде, надеемся скоро выбраться».

«Колыма» выходила из льдов, она целый год зимовала у мыса Северного.

Утром 6 августа всех разбудил страшный скрип и визг. Я быстро вскочил, догадавшись: лед. Вошли во льды.

Вечером с левого борта небо осветилось. Это было ледяное небо, хорошо знакомое полярным морякам. Над большим скоплением льдов всегда белый отблеск на небе.

Светлое небо не радует моряка полярного плавания: его сердцу милее темное зловещее небо, которое говорит о том, что море, если и не свободно от льда, то по крайней мере проходимо.

Войдя еще дальше в лед, «Литке» пошел тигше. Сначала льдины легко расступались перед ледорезом, как бы заманивая его все дальше и дальше. Потом они стали яростно сжимать судно, но «Литке» спокойно лавировал среди полярного старого пакового льда.

С мостика капитан крикнул:

— Моржи на льду с правого борта!

В пяти саженях от борта на большой льдине лежало голов сорок моржей. Без страха, с большим любопыт-

ством смотрели они на невиданное животное, которое с грохотом шло во льдах.

Вот огромный морж скользнул в воду и поплыл в нашу сторону к ледорезу. Подплыв, он долго и удивленно рассматривал судно.

На спине моржа мы заметили детеныша — значит самка.

Обходить ледяные поля, торосы, становилось все труднее и труднее. Лавировать стало сложнее, льды сжимали «Литке», закрывались полыньи, лед торосило.

Вечером получили по радио извещение, что пароход «Ставрополь» затерт льдами у мыса Северного и продвигаться сам не может.

Ночью опять радио «Ставрополя»:

«Красинский вылетел на остров Врангеля и вернулся, был на Врангеле в бухте Роджерса. Весь состав колонии жив. Все здоровы, состояние льдов тяжелое, пролив Лонга забит сплошными льдами, второго августа вылетел в Средне-Колымск».

9 августа на рассвете начали медленно-медленно двигаться. В состоянии льда произошли перемены, во многих местах синели полыньи. Туман рассеялся, за бортом слышалось шуршанье раздвигающихся льдов.

Солнце припекало все сильнее, на палубе постепенно собрались все свободные от вахты. Судовой поинтер «Милорд» нежился на палубном настиле.

Объявили премию тому, кто первый откроет землю, и все на баке, на носу ледореза напряженно всматривались в горизонт. Каждому хотелось первому открыть землю. Даже «Милорд» — и тот бессменно торчал на баке, лая на каждую пролетающую чайку.

Часа через два с бака зазвучали крики: «Земля, земля!» Перед утомившимся зрением наблюдателей земля открывалась и слева, и справа по борту, и прямо по курсу. Виновников ложных криков под громкий хохот команды отсылали выпастись перед трудной вахтой.

В 12 часов на горизонте показалась синяя полоска. Вахтенный крикнул:

— Земля слева по борту.

Посмотрев в большую трубу, капитан произнес дрогнувшим от радостного волнения голосом:

— Геральд открылся.

Переменили курс, пошли в сторону земли. Постепенно контуры Геральда выступали над горизонтом все яснее и яснее. Со стороны острова тучами летели птицы — кайры, чайки, бакланы. Настроение бурное, радостное, в кают-компании наш доктор Шатров гремел на пианино марш.

ДРЕЙФ

В 18 часов 15 минут вахтенный штурман открыл остров Врангеля. Мы медленно пробивались сквозь льды. Вследствие сильной рефракции (отражения) вершины гор острова Врангеля казались повисшими в воздухе над водою. Казалось, что это не один большой остров, а архипелаг маленьких островков.

Подшли ближе, рефракция исчезла, с юга на север тянулась полоса земли. В бинокль были видны ущелья гор. На горах лежал снег. Наши собаки, почуяв близость земли, подняли дикий вой.

Мы, зимовщики, собрались около нашего начальника Минеева на мостике; маленькая группка островитян была молчалива. Разные мысли проносились в голове.

Неприятно поразил всех нас радист Шатинский, который, при виде открывшегося острова, порывисто подошел к борту и, глядя на остров со злостью, выругался.

Мы невольно переглянулись.

Шатинский, понурившись, ушел; последние дни он нервничал, и было видно, — рвался домой. На север Шатинского погнали деньги.

В час ночи льды застопорили машину, ледорез лег в дрейф. За эти дни работы во льдах наш капитан Дуб-

лицкий почти не сходил с мостика. Этот могучий старик спал два-три часа в сутки, штурманам тоже сильно доставалось. Работа шла без перебоя, хорошо налаженный темп работы захватывал.

Поход был трудный; нельзя было сказать с уверенностью, что мы достигнем острова, а не зазимуем во льдах; лед за нами смыкался в сплошную торосистую массу, из которой не было выхода.

Мы упорно пробивались вперед. Началась молчаливая борьба экспедиции с арктической природой.

Всюду, куда хватал глаз, льды и льды.

10 августа я проснулся от тревожного крика корабля. Стонала сирена. Я торопливо оделся и вышел на палубу. Утренний морозец, с востока шел клочьями туман. На траверзе — очертания скал острова Геральд. Мы не могли ни на шаг уйти от этого острова.

В полдень немного прояснилось. Появились разводья. Мы воспользовались этим и немедленно пошли. Но, пройдя с большим напряжением 8 миль за вахту, снова вынуждены были стать на ледяные якоря. Все поняли, что достигнуть острова Врангеля, который был отчетливо виден, не так просто. Предстояло выдержать бои и блокаду льдов.

Настроение у всех было как на фронте, только радист Шатинский ходил быстрыми шагами по палубе, хмуро оглядывая всех. Лед, окружавший ледорез, был толщиной от 4 до 6 метров. Поднимался северо-восточный ветер.

Была надежда, что ветер разредит льды. По вечерам мы собирались в кают-компанию. Минеев играл с кем-нибудь в шахматы, кое-кто баловался чайком с вареньем и печеньем, радуя сердце гостеприимного буфетчика Дрозда.

Уютная кают-компания, нежные звуки шопеновского ноктюрна. За открытыми настежь иллюминаторами — ледяная пустыня, хаотическое нагромождение льдов, голубой полумрак. Стонет сжимаемый течениями и вет-

ром лед. Густыми хлопьями начинает падать снег, и все скрывается в вьющихся снежинках.

11 августа в ночь начался сильный ветер. Нас сильно дрейфовало в плотно сжатом льду на юго-восток. Поднялась сильная пурга. Снежные шквалы налетали на корабль и завывали в снастях. Льдины старались подняться на палубу корабля. Ледорез сильно накренился на борт.

Положение было очень серьезное, нас дрейфовало по неисследованному пути, и кто знает, где торчат предательские камни мелей.

Начали готовиться на случай, если судно раздавит и нам придется спастись на лед. Капитан приказал готовить вещевые походные мешки. В кают-компании закипела работа.

«ВСЕ ЛЮДИ, ВСЕ ЧЕЛОВЕКИ...»

Во время работы в кают-компанию влетел старпом Стехов. Увидя меня за укладкой, он заорал:

— Что? Волчонок мешком спешит запасться?

Все расхохотались, я отчаянно покраснел и почему-то закричал:

— Это ошибка капитана. Я никуда не собираюсь уходить, ведь мы решили с вами до конца вместе быть.

И бросил мешок. Стехов подобрал его и отдал Ваничке, спешно совавшему в мешки рационы:

— Возьми себе, Иван второй, а мы с ним и так не пропадем.

Обнял меня за плечи, шепнул на ухо:

Пойдем к ревизору, пожрем шоколаду.

Все очень любили «Шамана», — так прозвали Стехова, отец которого был рыбаком на Байкале, дед — бурятом, а прадед — шаманом.

Я ушел в каюту и только лег читать «Записки командора Беринга», как в каюту постучали:

— Войдите.

Вошел уборщик — маленький, плечистый, с русыми кудрями, мой любимец Ванюша. Сказал мне, сияя глазами:

— Знаете, Константин Михайлович, я пошел на «Литке» не из-за денег. Просто из-за интереса и смены врангельцев, ведь наши они, советские.

Глядя на его открытое, простое лицо, в серые, честные глаза, невольно улыбнешься и подумаешь: «Славный ты. Советский. Наш».

Убрав каюту, Ванюша мечтательно сказал:

— Эх, если бы зазимовать на обратном пути, уж пострелял бы я белых медведей. А кто знает, может, и мы продрейфим как «Мод» Амундсена.

Я улыбался этим наивным, но могущим сбыться мечтам. Ванюша ушел.

Опять стук в дверь.

— Войдите.

Влетел возмущенный, весь обмякший Ваничка второй — длинный, худой, с хитрыми глазами. Два Ивана почему-то меня избрали поверенным своих сердечных невзгод и тайн.

— Что с тобой? — чуть не расхохотавшись, спросил я. Ваничка передохнул и выпалил:

— Константин Михайлович, да што же это, чучело-то немытое — Ванька белобрысый, мечтает об зимовке, чтоб он лопнул со своими ведьмедами. Говорит — и вы так думаете. Леший меня дернул! Не видать больше Настьки-то, бегаешь, поди, там без меня по парням.

— Успокойся, Ваничка, в ноябре будешь есть пироги у своей зазнобы. Ванюша пошутил.

Ваничка облегченно вздохнул.

И длинная несуразная фигура его зашлепала в буфетную.

Я вышел на палубу. По палубе в пурге бегал Шатинский, мрачный и неразговорчивый.

По кораблю пронесся хохот и любимая шутка механика Козореза: «Все люди, все человеки».

ГИБЕЛЬ «ЭЛЕЗИФ»

Вечером мы сидели в кают-компании и слушали музыку. Наш судовой радист Мешалин вошел в кают-компанию и глухо сказал:

— «Элезиф», шхуна Свенсена, погибла. Сейчас замолчала, все время давала сигналы.

Мы невольно смолкли. Эта страшная новость ошеломила всех. Так близко от нас разыгралась жуткая трагедия, и мы не можем помочь людям, высадившимся на лед. Мы скованы. Наш радист, сидевший на вахте в радио-будке, первый поймал сигнал бедствия.

Сам американец Свенсен со своею дочерью, штурманом и журналисткой находится на шхуне «Нанук» и тоже зажат льдами. Наш капитан послал ему извещение о гибели «Элезиф».

Стемнело — пурга усилилась, ветер завывал в снастях, заметая судно снегом; казалось, и мы зазимовали и никогда нам не вырваться из тисков полярного моря.

Доктор тихо наигрывал на пианино.

В ЛЕДЯНОМ ПОЛЕ

15 августа перемен не было. Мы оказались в центре большого ледяного поля. Миль за десять по радиусу видна была чистая вода, но выбраться невозможно, — лед многолетний, паковый. Во время дрейфа мы описали замкнутый круг.

По вечерам падал крупными хлопьями снег, небо темное, на корабле зажигались огни.

Я любил по вечерам выходить на лед и издали смотреть, прислонившись к ледяной глыбе, на наш освещенный корабль.

Мне казалось, что это не судно, затертое во льдах полярного моря, а кем-то воздвигнутый прекрасный, сияющий гнями дворец.

На лед из салона доносилась музыка. Молчание арк-

тической ночи будила мелодия о четырех временах года Чайковского. И казалось, что льды пришли с северного полюса.

Изредка раздастся всплеск в полынье, вынырнет морж, шумно выдохнет и устанет на огни, на сияющий корабль. Прислушается к звукам музыки и опять нырнет в холодные глубины моря.

18 августа с правого борта на огромном ледяном поле появилась трещина. Края трещины быстро стали расходиться. От этой трещины появилась еще одна, еще и еще. Ледяное поле точно расступалось перед волей экспедиции. Образовались полыньи. Лед трещал и скрипел. Всех охватило радостное возбуждение: лед расходился — неужели свобода? Начали пробиваться к чистой воде.

Вечером туман вынудил остановить машину до утра. За несколько часов работы машин «на полный» нам удалось отвоевать у льдов около двух миль. На рассвете начали пробиваться опять, но к обеду снова заклинились, да так, что, пожалуй, уж и не думали выбраться.

Машины работали на полный ход, а судно ни с места. Не помогли ледяные якоря. Ледяной якорь — якорь с одной лапой. Такой якорь выносят на лед, делают во льду лунку для захвата льда лапой и, зацепив лапой лед, лебедками выбирают якорный канат. Таким образом помогают судну, работающему на «полный» продвигаться во льду.

21 августа ночью вырвались из льда, прошли полторы мили, освещая прожектором путь. Но опять зажалю. Скорость дрейфа равнялась 12 милям в сутки. Положение осложнялось.

22 августа было очень холодно, туман, снег; началась полярная короткая осень. Ночи были длинные, темные. Образовался уже и молодой лед. Мы вмерзли. Второй помощник капитана, Бессмертный, ежедневно определял, где мы находимся, и наносил на карту. По карте было видно, что мы шли по кругу вместе со льдами. По ночам

около корабля ходили медведи, и собаки, зачуяв зверя, поднимали дикий вой.

Перемен не было никаких. Днем — работа, вахты, книги; вечером — отдых в салоне, музыка и шахматы, радио-новости. Все были здоровы, бодры.

Заболела только «Дэзи» — такса нашего капитана. У нее болели уши и зубы. Лечили ее два врача — корабельный и наш островной.

22 августа состоялся «консилиум». Врачи поставили диагноз: «Чепуха, пройдет».

В знак полного презрения к ледяным полям, «Дэзи» аккуратно сходила по трапу два раза в день на лед и делала то, что ей полагалось. Никого из нас «Дэзи» не любила и не доверяла. Симпатией «Дэзи» пользовалась только Власова.

25 августа убили медведя, близко подошедшего к судну. Снова медленно пробивались к острову. Когда надоедало сидеть на судне, слезали на лед и пешком далеко обгоняли ледорез, который с грохотом врезался в ледяные поля.

26 августа после упорной борьбы наконец попали в полосу разреженного льда, но дальше идти не рискнули, так как опять опустился густой туман.

28 августа туман рассеялся, мы попали на восточную сторону острова Геральда. Было решено не возвращаться обратно, а попытаться пройти с северной стороны — в пролив между островами Геральд-Врангель, затем, пройдя к мысу Уэринг на острове Врангеля, взять курс на юг, идя проливом до мыса Гавайи.

В 6 часов вечера 28 августа берег острова Врангеля совсем близко.

Берег. Подошли к острову. Ура!

Дали гудок. Впереди очертания низкого галечного берега, вдали мрачные горы. На берегу на косе виднелись юрты эскимосов. Людей не видно. Мы узнали потом, что эскимосы давно заметили дым на горизонте и поспешили на южную сторону острова предупредить советский фор-

пост о появлении неизвестного корабля. Ведь судно могло быть и иностранное, а может быть и хищники в погоне за богатой добычей пушнины и мамонтовыми клыками решились высадиться на остров. В таких случаях всем нужно держаться вместе на советском форпосте.

Расталкивая льдины, «Литке» шел малым ходом. Дойдем ли? Как встретит южная сторона острова?

Небо было ясное, кричали чайки, скрежетали бес-
сильные льдины.

Как мы и думали, льды отошли от юго-восточного берега острова Врангеля, а дальше держались сплоченными торосистыми массами. Если бы мы не рискнули пройти необычным путем севернее острова Геральда, нам в тот год было бы не достичь острова Врангеля.

Наступила ночь, пошел сильный дождь, за бортом заплескалась вода в разреженном льду.

В полумиле виднелся гористый пустынный берег, вблизи белели сидящие на мели огромные торосы, точно часовые, охраняющие покой неприветливого острова.

В эту ночь никто не спал, все собрались в кают-компании. Под утро открылся мыс второй Гавайи. До Роджерса недалеко, погода прояснилась, небо краснело на востоке.

Нужно пойти поздравить капитана.

Мы прошли в салон Дублицкого. Капитан, заметно взволнованный, крепко пожал нам руки, благодаря за приветствие, и усадил пить кофе.

**ПЕРВЫЙ
ГОД ЗИМОВКИ**

ВСТРЕЧА С ГРУППОЙ Г. А. УШАКОВА

Подходим к бухте Роджерса. Пять голых гор, трехглавый Аттернон на западе, гора Покойников на севере, и Красный Камень на востоке. Берег казался необитаемым. С волнением ощущаем в бинокли берег, — ничего не видно. Но вот в объективе обрисовался маленький домик и рядом — склад фактории, сигнальная мачта, три яранги эскимосов.

Штурман включил гудок. «Литке» гулко загудел. Первый гудок — не видно ничего. Второй гудок — опять ничего. Третий гудок — открылась дверь домика, выскочил человек, быстро сбежал с крыльца и, стреляя на ходу из винтовки, побежал к сигнальной мачте.

На мачте взвился флаг, одновременно на берегу вспыхнул костер, указывая место выгрузки и подхода вельбота. С берега донесся вой собак, наши собаки тоже завывали.

Стрельба, крики радости, вой собак, плеск моря и красный салютующий советский флаг.

От берега сразу отошло несколько байдарок и вельбот.

На борт поднялся высокий мужественный человек в туземном наряде, в очках. Лицо, тонкое, загорелое, поражаало своей решительностью; ясные карие глаза внимательно и вдумчиво оглядывали нас; сильная рука больно тискала в крепком дружеском пожатии. Это пожатие

мужественного человека — начальника острова — Ушакова, было красноречивее слов. Вместе с Ушаковым приехал и лучший его товарищ и спутник во всех поездках по исследованию острова — Иосиф Павлов, или просто Ивась, как его звали чукчи и врач Савенко.

Гостей пригласили в кают-компанию. Потом Ушаков,

Минеев и капитан поднялись наверх в капитанский салон на совещание. В кают-компании остался Иосиф.

Он рассказал:

От прилетевшего на остров Врангеля Красинского они узнали, что на остров идет ледорез «Литке». Льды долго держались около острова. Ушаков пошел на разведку льдов на мыс Гавайи и увидел: льды блокировали остров так, что вряд-ли мог добраться ледорез до гавани.

Тогда колонисты стали готовиться к четвертой зимовке. Разбуженные на рассвете гудками ледореза, они сильно встревожились, не иностранное ли судно подошло к острову, и, только увидя советский флаг и звезды на трубе, успокоились.

Ушаков для всех был личным примером, он выходил в море на промысел, не боясь непогоды, так как в Арктике каждый день дорог. Видя, что начальник острова, несмотря на бурную погоду, собирается на морской промысел моржа, эскимосы тоже присоединялись к нему, хотя и не без страха.

К обеду на «Литке» приехали жены колонистов: жена начальника Зинаида Афанасьевна Ушакова — маленькая живая, интересная женщина; жена доктора Савенко — Антонина Сергеевна — бледная, худенькая, с грустными глазами; жена промышленника Скурихина Евдокия Евграфовна — пожилая, очень полная, говорливая, и жена Иосифа — эскимоска Асенто. Эти женщины мужественно переносили все трудности трехлетней зимовки на неприветливом острове.

Зимой домик заносило доверху снегом, и, чтобы попасть из занесенного домика наружу, вылезали через чердачный лаз, потом откапывали двери, делая туннель в снегу. Окна не откапывали, — все равно за окнами мрак полярной ночи.

Женщины стирали белье, растапливая груды снега на воду, готовили обеды из моржового и медвежьего мяса, мыли полы, чинили одежду, кормили собак и еще находили время читать. Читали очень много в долгие полярные ночи.

ВЫГРУЗКА

От «Литке» к берегу и обратно засновали маленькие байдары, вельботы, кунгасы. На берегу закипела жизнь. В разгрузке участвовал весь экипаж и эскимосы острова. Работали без перерыва в две смены.

Почти немедленно же с прибытием на берег первых балок стройматериала началась постройка дома радиостанции.

С выгрузкой надо было спешить. Льды, кольцом окружившие остров, могли каждую минуту сомкнуться и

захватить в западню корабль. Они точно сторожили, белея на горизонте, спокойно проплывая мимо ледореза по течению.

На третий день выгрузки началось медленное наступление льдов. Поднялась тревога. Уезжающим на берег корреспондентке и кинооператору капитан запретил далеко уходить от гавани Роджерса. «Литке» мог каждую

минуту сняться с якоря и уйти, чтобы не быть выжатым наступающим льдом на берег.

Между берегом и ледорезом пныряло много байдарок с ездившими в гости на пароход эскимосками в нарядных комбинациях из штанов, куртки с широкими рукавами и открытым воротом. Лица эскимосок были татуированы. Эскимоски налегали на весла, и легкие байдарки из моржовой кожи скользили легко и плавно по воде.

Выгруженные с ледореза собаки сидели на привязи, отдельной от островных собак группой.

Они еще не совсем оправились после долгого плавания, на земле они блаженствовали — их стали подкармливать мясом, а не юколой¹, которой кормил их наш повар Петрик на корабле.

На берегу два матроса под руководством Березкина установили футшток для систематических ежесуточных наблюдений над приливами и отливами. Наблюдение за колебанием уровня воды в этом районе представляло большой научный интерес. Ночью я должен был сменить Березкина. Поэтому я переехал на берег, распростившись с уютной каютой.

Временно я поместился в комнате врача, пока отстраивался новый дом радиостанции. Комната врача находилась в старом доме фактории и была превращена в лагерь новых полярных пионеров; в ней все спали вповалку, кто где.

Я помню ночи вахты у футштока. Темные-темные ночи, в небе слабо полыхает осеннее полярное сияние. В нескольких кабельтовах² от берега сияет огнями ледорез, по черной воде идут волны прилива, стучат лебедки, слышна команда, токанье моторов и журчанье воды под килем плюшек. А за спиною — высокие черные горы. В кабельтове от меня — груды ящиков, мешков, тюки с оленьей рухлядью, бочки с солониной, с калустой, с

¹ Сушеная рыба.

² Кабельтов равен 100 морским саженьям.

сахаром. Канаты, кирпичи, гора каменного угля — все, чем мы должны снабжаться три года.

Наконец выгрузка закончена, построен дом для радиостанции, избушка-баня, костяк склада. Поднята мачта радиостанции.

Дом радиостанции состоял из двух половин, разделенных коридором. В одной половине из двух комнат — аппаратной и моторной — помещалась радиостанция. Во второй была общая кухня и две маленькие комнатки. В одной из комнат должен был поместиться метеоролог со своими приборами, а в другой радисты — Шатинский и Боганов.

Дом, в котором жил Ушаков со своей группой, был некрасив на вид, но очень уютен и тепел внутри. Особенно комната Ушакова, в которой была поставлена им самим маленькая плитка из кирпича, настолько хорошо сделанная, что вряд ли сделал бы лучше профессиональный печник.

Комната Иосифа Павлова тоже была очень теплая и обогревалась маленьким переносным американским камбузом. Теплой была и кухня.

Но комната врача Савенко была очень холодна. Причина этого выяснилась в первую же зимовку. Во-первых, врач поленился оконпатить стены, а, во-вторых, он сделал нелепую печку — груда кирпичей и на-верху какой-то чугунок. Это было некрасиво, неумело и непрактично, но врачу нравилось его творение, и он мерз три года. Наш врач оконпатил стены, переставил печку, и всю зимовку у него было не меньше $+22^{\circ}$ по С. В полярных странах весьма важно уметь самому себе создать уют и сносные условия зимовки.

Вот выгружены последние ящики патронов для винчестеров на берег. С берега отправлены последние тюки песцов, медвежьих и моржовых шкур, клыки мамонтов и моржей, перевезена богатейшая коллекция Ушакова, геологическая и орнитологическая. Наконец, на корабль переехали и «спасенные» от четвертого года зимовки

колонисты. С острова уезжали жена промышленника Сергея Скурихина с дочерью, доктор Савенко с женой и сам Ушаков с женою. Ушаков был расстроен, ему не хотелось уезжать с острова, где он начал большую работу, которой отдал много сил и здоровья.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

5 сентября вечером ледорез должен был уйти

К борту приставали один за другим вельботы и байдары эскимосов и чукчей, приехавших проститься с любимым начальником. Разговоров было мало: все остро чувствовали тяжесть предстоящего прощания. Во время плавания об этом как-то не думалось, а вот, когда пришел этот момент, стало грустно.

В последний раз печальный Дрозд напоил нас чаем, кофе, подал конфеты, бисквит, вино и сам обносил каждого. За чаем не было обычных шумных речей, все было сосредоточено. У нас впереди три года зимовки на ледяном острове, а у них трудный ледовый обратный рейс.

На палубе началось прощание. Добрые пожелания, салют.

Нас сопровождала целая эскадра эскимосских каяков и байдар. Эскимосы плакали, расставаясь с Ушаковым.

Когда мы отошли от борта корабля, с палубы прокричали троекратное ура, загревели выстрелы, осенний сумрак прорезали огни фейерверка, и разноцветные огни рассыпались над темной гладью моря.

Мы шли на тихом ходу, мотор стучал: «Надолго, надолго, надолго»...

До нас долетели слова с сияющего огнями корабля:

— Прощайте... Счастливо зимовать...

Вплотьмах мы подошли к берегу новой нашей родины, высадились и стали отвечать на салют выстрелами из винчестеров и револьверов.

Гудок, — и ледорез пошел к мысу Говай на восток от Роджерса. Мы просигнализировали вспышками электрического фонаря: «Счастливого пути...» С корабля ответили: «Благодарим — прощайте».

Шумел прибой, в небе полыхнуло полярное сияние, надвинулись черные горы ледяного острова.

ПОДГОТОВКА К ЗИМЕ

Корабль ушел, связь с миром порвана. Радиостанция еще не смонтирована. Радио молчало. Глухое и немое радио. Скорее, скорее налаживать радиосвязь!

Ночь после ухода корабля я провел без сна, стоя на вахте, наблюдая колебания воды по футштоку. Я мог заснуть только утром, когда меня сменила Варя Власова.

На другой день после ухода «Литке» мы начали достраивать новый дом. Близились холода, пурги, нужно было спешить. Были мобилизованы все сильные чукчи и эскимосы острова, которые за плату начали перетаскивать снаряжение, выгруженное на берегу бухты Роджерс, в склад фактории.

На берегу было сложено все — горы ящиков, несколько сот мешков муки, множество мешков, мешочков, бочек, ящиков, тюков. Все это нужно рассортировать, сложить, учесть, сохранить. Было ясно, что старого склада фактории недостаточно; спешно принялись за постройку нового.

Радисты и я монтировали станцию, закладывали цементный фундамент для мотора, динамо и альтернатора, вкапывали столбы для противовесов, делали заземление. 7-го радисты обещали принять первые вести.

Окончив помогать в монтаже станции, я, по приказу Мйнеева, стал помогать Петрику класть печи — огромные «индийские гробницы», а в перерыв поднимать гальку и песок на чердак, чтобы сохранить тепло в воздушных коробках двойного потолка.

За обедом хохотали над враньем доктора.

Он рассказал о том, как делал опасную операцию хорошенькой девушке и как хирург Оппель, отказавшийся от операции, жал ему руку и произнес. «Вы талант».

Здорово мы хохотали. За умелое вранье нашему доктору можно было многое простить. Скоро и эскимосы заметили талант доктора и друг другу говорили: «Ты врешь совсем как русский доктор».

7-го вечером наше радио заговорило. Мы получили первое известие по радио с «Литке». С корабля сообщали, что в пути убили белого медведя, а 7 сентября из-за густого тумана легли в дрейф. В районе острова Геральд были тяжелые торосистые льды, к острову подойти невозможно. С корабля передавали приветы. Связь с внешним миром нас сильно обрадовала, и по вечерам после работы мы с трепетом слушали сообщения по радио. Собираясь в радиорубке, затаив дыхание, мы слушали, как в наушниках у радистов что-то трещало, попискивало, следили, как из хаоса звуков радисты выхватывали нужное.

РАДИОГРАММЫ

8 сентября «Литке» вырвался из тяжелых льдов. Но транспорт «Ставрополь», шедший из Колымы обратным рейсом во Владивосток, оказался зажатым льдами у мыса Северного. Капитан Дублицкий, командир «Литке», предлагал помощь по выводу из льдов «Ставрополя» и Свенсеновской шхуны «Нанук». «Литке» пошел через льды, пробиваясь и спеша на помощь. Но... мы перехватили радио от капитана «Ставрополя» Миловзорова.

В ночь на 9 сентября капитан Миловзорov передавал радиogramму:

«Литке», капитану Дублицкому.

*Поздравляю благополучным выходом из льдов.
Желаю счастливого плавания. Привет группе Уша-*

кова. В настоящий момент стою якорю западной стороны мыса Северного. Тяжелые льды окружили массив мыса, не пропускают к востоку. Штиль. Надеюсь при появлении ветра любого румба льды придут в движение. Перегруппируются, пропустят судно. Дальнейший проход, повидимому, будет хорош, судя по сведениям, которые сообщил Свенсену полистер, проходивший этот путь. Помощи пока не нуждаюсь. Понятно, было бы целесообразно устранение непроизводительной стоянки, иметь лед около мыса Северного разбитым. Миловзоров».

Неопределенный, изворотливый ответ, — понимай как хочешь, нужна в конце концов помощь или нет. С одной стороны, помощь отвергается, с другой — капитан «Ставрополя» рекомендовал разломать лед вокруг парохода и дать возможность судну вырваться из льдов. «Литке» повернул и пошел к мысу Дежнева.

Из других телеграмм и разговоров радиста «Ставрополя» мы узнали, что на борту «Ставрополя» имеется около 40 пассажиров, среди которых беременные женщины. Странно, почему Миловзоров ни слова не сказал об этом Дублицкому.

Когда «Литке» пришел к мысу Дежнева, т. е. был в расстоянии двухсот морских миль, с борта судна «Ставрополя» была подана радиотелеграмма, в которой «Ставрополь» прямо просил помощи, но между строк сквозило недоверие к «яхте Литке» — имя, которым презрительно называли «Литке» полярные моряки, никогда не видевшие прекрасной работы этого ледореза в тяжелых льдах Чукотского моря.

Была перехвачена ответная телеграмма Дублицкого. Дублицкий сообщал:

«Стою Дежневе. Ледорез имеет серьезные повреждения. Помощь «Ставрополю», «Нануку» предложил, не считаясь с трудностью оказания таковой на поврежденном судне. Помощь теперь может

быть вам оказана в зависимости от выяснения повреждений «Литке» и после пополнения запасов угля и воды, на что потребуется не меньше двух недель».

Потом поднялся свирепый Норд-Вест, «Литке» вынужден был отстаиваться. К этому времени водолазы выяснили повреждения. Они были серьезны: «Литке» потерял лопасть винта. «Ставрополю» было сообщено с борта «Литке»:

«Осмотренные повреждения исправить судовыми средствами невозможно. Идти в настоящем тяжелом положении ледореза в полярные льды бесполезно».

Таким образом, «Ставрополь» остался зимовать у мыса Северного. Кроме «Ставрополя» в том же районе зазимовала шхуна «Нанук». Зимовка в этом районе была очень тяжела.

12 сентября «Литке» пришел в бухту Лаврентия и 7 октября, после многих штормовых дней, вошел в родной порт Владивосток.

ЧУЖДЫЙ НАРКОМПОЧТЕЛЮ ЭЛЕМЕНТ

Мы тем временем работали. Минеев, доктор и Иосиф Павлов достраивали второй склад для фактории. Радисты монтировали набело радиостанцию, повар Петрик достраивал «индийские гробницы», а я занялся отделкой комнаты, в которой мне нужно было прожить три года.

Европейскую колонию на острове Врангеля посылали три учреждения: начальника острова, врача и повара посылало Акционерное камчатское общество (АКО); радистов — Наркомат почт и телеграфов, а меня — метеоролога — Убеко Дальвост.¹

¹ Управление безопасности кораблевождения по морям Дальнего Востока.

Материально лучше всех обеспечены были сотрудники АКО. Меньше всех получил я от своего морского «хозяина».

С первого же дня, как только повар вступил в свои обязанности, по весьма приблизительному подсчету оказалось, что паек обходится на каждого по 120 рублей плюс оплата повара, которого мы взяли в Петропавловске по общему соглашению. При моем окладе это было тяжело, так как были расходы на патроны, винчестер, теплое белье, собак, байдарку, гарпуны, ножи, палатку и пр. Кроме того, нужно было высылать жене.

Еще на корабле Березкин просил Минеева поддержать меня, так как он по приезде в Ленинград должен был поднять вопрос об увеличении мне оклада до уровня радистов. Было очевидно, что мой оклад в условиях острова Врангеля совершенно не достаточен.

Минеев меня всячески поддерживал, давая деньги взаймы.

На почве этой неодинаковой обеспеченности зимовщиков произошли у нас некоторые недоразумения.

Однажды после небольшой пурги радисты пришли в старый дом не в духе, и я невольно услышал фразу одного из радистов:

— Почему Званцев вносит только свой паек и платит повару, а не доплачивает денег? Почему мы обязаны платить больше?

Второй радист поддержал:

— Ведь этак на десять рублей лишних в месяц платить, мы не виноваты, что ему паек дали маленький.

Я незаметно вышел. Стало очень тяжело. После этого я ушел из состава кают-компании, стал сам себе готовить и жить на 75 рублей, подчас отказывая себе в некоторой роскоши. Ушел я еще и потому, что некоторая часть европейцев начала нервничать и произошло еще несколько мелких ссор.

Еще до отъезда на остров Врангеля в Хабаровске какой-то политически безграмотный чиновник Нарком-

почтеля сообщил радистам, что никакой другой власти кроме той, которая в Хабаровске в Наркомпочтеле, они не должны подчиняться, что на острове они совершенно самостоятельные люди, и никто не смеет им указывать. Кроме того, сообщил им «конфиденциально», что в дом радиостанции собираются вселить в одну из комнат «чуждый Наркомпочтелю элемент», т. е. метеоролога, — так чтобы они не допускали посягательства на их право пользоваться всем домом одним.

Что же получилось? На острове имелось два колониальных дома — старый и новый. В старом доме было три комнаты и кухня. В одной из комнат жил врач, в другой — старший промышленник Иосиф Павлов, в третьей — Минеев и Власова. В кухне была кают-компания, в клетушке — товар Петрик.

В новом доме во второй половине радиостанции в жилых комнатах должны были поселиться радисты и метеоролог. Но старый радист хотел занять одну, второй — вторую, а третью под столовую, отделив ее от кухни положенной по плану и сложенной около дома перегородкой.

Когда же начальник острова, несмотря на их протесты и угрозы жаловаться на самоуправство, вселил в одну из комнат меня, началось глухое недоброжелательство.

В знак протеста радисты поселились на второй половине дома — в аппаратной радиостанции, а жилую половину дома не стали даже конопатить, отделявать, вставлять стекла. Я оконопатил изнутри свою комнату и кухню, а стекла помог вставлять мне Минеев.

ЗНАКОМСТВО С ННОКО

10 октября установился санный путь. Выпавший снег плотно покрыл горы и тундры острова. Реки и лагуны замерзли, смолкли метели, наступила тихая морозная погода. К вечеру впервые приехали на собаках эскимосы с северной стороны острова.

В сумерки завыли все наши колониальные упряжные собаки. Иосиф оживленно крикнул:

— Гости приехали.

Мы вышли из склада и увидели три нарты. Впереди ехал Таянна — лучший охотник на острове, у него были прекрасные ездовые собаки. За Таянной — Нноко, а за Нноко катил Кмо. Наши собаки бесились на привязи,

К. Званцев и Нноко.

их подмывало сорваться с цепи и вступить в бой с чужаками.

Гости приехали на факторию торговать. Вернее, торговать приехал Таянга, а Нноко и Кмо приехали просить в долг, так как пушнины у них еще не было, а с моржовым мясом в этом году было туго, запасов было сделано мало.

Окончив торговлю, эскимосы пошли пить чай. Таянна пошел вместе с Кмо к Иосифу, а Нноко пошел ко мне

играть в шахматы и ужинать. Собак гостей накормили, и они зарылись в снежные ямки.

В тот вечер я крепко сдружился с Нноко. Сидя в кресле, я разговаривал с ним до глубокой ночи. Нноко сидел на оленьей шкуре у печки. Сидеть на стуле он не любил.

Говорили мы о том, что идут большие трудности, моржового мяса очень мало, была слабая надежда на осенний промысел медведя, но ведь и это не спасет.

Говорили о том, что этот год будет хороший на песца, так как в тундре много лемингов, тундровых мышей, которыми питается песец.

Нноко помог мне связать нарту, обещал дать хорошую суку для потомства, так как собаки, которых я купил, были неважные. Первый год у меня была неважная упряжка, второй год улучшилась потомством, а на третий год у меня была уже очень хорошая упряжка молодых, сильных, прекрасно тренированных собак.

Нноко обучал меня своему языку, и я через год мог говорить и понимать по-эскимосски.

Кроме того, Нноко дал мне много хороших советов, которые всегда могли пригодиться. Впоследствии я всегда был благодарен ему за эти советы. Я усвоил ценный в Арктике принцип — взять все ценное, что привито тысячелетней культурой, и сочетать это с богатым опытом жителей ледяных просторов. Раскаиваться мне не пришлось никогда.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

В конце октября европейцы стали готовиться к охоте на песцов, закупили капканов и строили планы. Ведь охота и радио — единственные развлечения в Арктике.

Еще во время плавания предполагалось, что охота будет коллективная. Охота должна была начаться с 1 ноября. Минеев, видя, что у туземцев попадаетса много недопесков (песцов, еще не вполне отлинявших),

решил рационализировать промысел, и начало охоты особым приказом по острову разрешалось с 15 ноября. Таким образом, песец сохранился и был полноценен.

Подошло время охоты. Вдруг доктор заявляет:

— Я не стану охотиться для кого-то в коллективе; я буду охотиться сам для себя, а затем пушнину продам.

Из-за него и не состоялась коллективная охота с начала зимовки, не состоялась она и впоследствии. У врача были неплохие собаки, и он начал успешно ставить капканы и ловить песцов, изредка выезжая в становища эскимосов. Минеев и Иосиф охотились вдвоем. Минеев пушнину безвозмездно сдавал в фонд Акционерного камчатского общества и охотился ради развлечения, — это еще больше повысило его авторитет в моих глазах.

В конце ноября наступила полярная ночь. Северные сияния полыхали в холодном небе. Сонные горы давили и тушили в ущельях отблески света. В полыньях призрачный свет отражала вода.

Долгая ночь иногда нарушалась дикой песней пурги, криком полярного ворона.

Кричит ночью ворон; не спится, голодно, холодно. Чуткая птица, полярный ворон, услышит легкий бег тундровой мыши, сидя на скале, увидит зорким глазом на залитом луною снегу мелькнувшую тень, сорвется с выстуна скалы, тяжело, со свистом замашет крыльями и бросится в погоню. Зачует смерть мышью, юркнет в первую попавшуюся норку, в снег, перепугается, столкнувшись с другой мышкой, обе пискнут испуганно и в страхе смолкнут. Каркнет ворон, и в его хриплом крике послышится вопль голодной вороньей тоски.

Изредка рывкнет медведь, хозяин ледяных полей. Рывкнет от злости, что песец, юркий и хитрый, из-под носу у него стащил кусочек мяса из туши убитого им, хозяином, тюленя. Жаден и злобен зимний медведь.

Жизнь моя шла обычным полярным темпом. Я вста-

вал в 6 часов, занимался гимнастикой, делал холодное снежное обтирание, массаж и одевался. Потом производил научные наблюдения, отсчет барометров, термометров, общие атмосферные наблюдения, измерял толщину и состояние льда и, записав в журнал, начинал составлять радиосводку для Бюро погоды и Управления кораблевождения. Затем топил печь, готовил завтрак.

После сытного завтрака запрягал собак, брал винчестер, бинокль и уезжал в горы или на море, скованное льдом, осматривать калканы на песцов или искать отдушину нерпы. Днем готовил себе обед и читал, или играл в шахматы, если приезжал Нноко.

ЭКСПЕДИЦИЯ СЛЕННЕВА

Мы узнали по радио, что пароход «Ставрополь» затерт льдами в районе мыса Северного. Американская шхуна «Нанук» из Сеатля зазимовала почти рядом со «Ставрополем».

Капитан «Ставрополя» Миловзоров тяжело заболел гнойным плевритом. Зимовка шхуны «Нанук» приносила Свенсону убытки из-за невозможности продать пушнину на зимних аукционах 1929 — 1930 года. Свенсон решил перебросить груз пушнины со шхуны на американский берег воздушным путем. Выполнение воздушной переброски взяло на себя авиационное общество «Аляска-Эйруейс», во главе которого стоял знаменитый американский полярный летчик, спутник Амундсена во время перелетов в Арктике — пилот Эйельсон.

Положение парохода «Ставрополь» внушало серьезные опасения. Поэтому Совет народных комиссаров Союза срочно организовал спасательную экспедицию для снятия и переброски пассажиров со «Ставрополя». Во главу экспедиции был назначен командир ледореза «Литке» — Дублицкий, наш дядя Костя. Кроме того, отправлялись самолеты с пилотами Сленневым и Га-

лышевым. Ремонт, бункеровка и погрузка задержали выход «Литке». Ледорез вышел в рейс 7 ноября. Шестнадцать суток он шел до бухты Провидения в штормах, в тумане. От бухты Провидения до стоянки «Ставрополя» и шхуны «Нанук» было расстояние больше тысячи километров. Выгрузив самолеты, которые были собраны при помощи команды и чукчей, «Литке» ушел.

Летчики с самолетами остались зимовать, так как в пургу нельзя было вылететь.

ГАМИЛЬТОН 100002.

Начальником экспедиции был Слепнев. 25 января, несмотря на пургу, И. М. Дьячков выехал на камчатских собаках из бухты Провидения в далекий, трудный путь через снежную пустыню к зимующему «Ставрополю», взяв с собой запас лекарств.

28 января вылетели, несмотря на пургу, два «Юнкерса».

Мы на острове сначала не поняли, чем вызвано такое безумие. Нужно было переждать светлых дней. Только позже мы узнали, что исчез мировой полярный летчик Эйельсон и его механик Борланд.

Все радиостанции Чукотки и Северной Америки передавали жуткую весть о новой трагедии во льдах Арктики. Бесследно исчез полярный пилот Эйельсон с борт-механиком Борландом.

«Эйельсон! Эйельсон! Эйельсон!» — звали все радиостанции, — Сообщите, кто знает о судьбе самолета «Гамильтон 100 002». Сообщите о Эйельсоне».

Из Провидения вылетели «Юнкерсы», из многих пунктов выбежали, собачьи упряжки, в Аляске снаряжалась экспедиция, собирались лететь летчики Ионг, Гильон и Кроссэп.

Я получил из Аляски радио: из Нома сообщал председатель комиссии по спасению летчиков мистер Ломен, что он крайне нуждается в моих радиограммах о состоянии атмосферы и прогнозах.

Через два часа Аляска получила от меня первую сводку, затем я стал давать сводки регулярно через два часа круглые сутки.

На острове состоялось совещание, чем помочь в поисках летчиков. Было серьезное предположение, что они могли снизиться вблизи острова, — ведь мы отделились только проливом Лонга от Чукотки.

На совещании решили, что с острова на большой лед пойдут четыре упряжки от гавани Сомнительной на юг — Минеев, врач, младший радист и проводник эскимос Тагью.

На другой день упряжки вышли из гавани Роджерс в гавань Сомнительную, где после ночевки должны были повернуть на юг.

29 января мы перехватили радио:

«Москва. Добролет. 29 января оба самолета Слепнева и Галышева достигли мыса Северного, покрыв расстояние бухта Провидения — Пинкегней — Лаврентий — мыс Северный 9 часов».

9 часов пробыть в воздухе на сильном морозе, в пургу, — что за герои идут в Арктику! Американцы с «Нанука» в свою очередь телеграфировали:

«Фербенкс. Аляска-Эйруейс. Два советских самолета прибыли».

Радио сообщило, что американский летчик Кроссэн, прилетевший на Чукотку, видел торчащее из снега крыло самолета в районе устья реки Ангуэмы.

До прилета наших летчиков американцы не сумели наладить раскопок и поисков, а это было нужно сделать, чтобы можно было выяснить причину гибели самолета «Гамильтон 100 002».

Американцы думали еще, что Эйельсон и Борланд живы и после аварии пошли на берег Чукотки, к ближайшим населенным пунктам и к зимовьям охотников.

На материк полетела радиограмма:

«Всем. Всем. Всем. Самолет Эйельсона и Борланда «Гамильтон 100 002» разбился в 50 милях от мыса Северного, в районе жилища охотника, в девяти милях от берега. Летчики пока не найдены. Пилот Слепнев».

По заданию Арктической комиссии под председательством С. Каменева было предложено продолжать розыски и объединить работу парохода «Ставрополь», шхуны «Нанук» и американских летчиков. Наши летчики, выполняя задание правительства, ночевали на морозе и руководили работами. О группе Минеева, ушедшей с острова, сведений не было.

Я продолжал давать сведения Аляске и нашим летчикам; я не мог бросить пост, хотя и рвался на большой лед, на поиски. Мой долг привязывал меня к приборам. Из сводок и частных переговоров радистов по радио мы на острове ясно поняли причину гибели Эйельсона и аварии «Гамильтона 100 002».

Эйельсон, подлетев к реке Ангуэме, попал в сильную пургу и потерял ориентировку. Ему пришлось сильно снизиться. Определившись над зимовьем охотника, он взял прямой курс на мыс Северный, пробиваясь к нему сквозь снег и ветер. Лагуну Ангуэмы он перелетел очень невысоко и за лагуной ударился колесом о тундровый берег. Снесло колесо и шасси. Машина, подкинутая вверх, пронеслась на двести метров вперед и со страшной силой ударилась о землю. «Гамильтон 100 002» погиб.

Было ясно, что летчики погибли. 13 февраля после раскопок и многих дней бесплодных поисков матрос «Ставрополя» Джекобсон нашел торчащую из-под снега ногу в меховом сапоге. Когда откопали дальше, обнаружили труп человека, лежавшего лицом вниз. Летчик Гильсон, прилетевший из Аляски, опознал в трупе механика Борланда.

18 февраля после долгих и упорных раскопок был

найден труп Эйельсона. Задача была выполнена. Летчики найдены.

Летчик Галышев взял пассажиров со «Ставрополя», женщин и детей и повез их в бухту Лаврентия. На месте страшной аварии остались Слепнев и Фарих.

Из Аляски прилетел самолет капитана Рида «Ферчальд». При посадке самолет разбился. Капитан Рид остался жив. Выйдя из обломков, он вручил Слепневу радиограмму из Вашингтона с просьбой, чтобы Слепнев и механик Фарих сопровождали тела погибших летчиков в Америку до Фербенкса.

22 февраля при 50-градусном морозе летчик Слепнев с мертвыми пассажирами вылетел из «Ставрополя», его сопровождал летчик Гильом. Прилетев к «Ставрополю», Слепнев передал трупы американцам. Трупы были помещены в избушку фактории, украшенную звездными флагами Америки.

Тела, после оттаивания, были осмотрены смешанной комиссией из представителей Советского Союза и США. 27 февраля мертвые летчики Эйельсон и Борланд были захиты в полотно и перевезены на шхуну «Нанук», где летчик Слепнев передал трупы американскому летчику Ионгу. Вечером пришло радио из Аляски:

«Мистер Ломен благодарит за сводки мистера Званцева и сообщает, что комитет по спасению свою работу прекращает».

Благодарность председателя комитета по спасению летчиков я принял как благодарность нашей советской общественности и выразил свое соболезнование по поводу трагической и преждевременной гибели полярных летчиков Эйельсона и Борланда.

ПРАЗДНИК

— Нависягнет нойгойя яранги таге, таге...¹ Я проснулся от бодрой эскимосской песни. Ко мне врывались

¹ Розовая чайка (свобода, революция) в юрты пришла.

золотые лучи солнца. Кто-то пел под окном моей хижины. Я стал одеваться.

Окончательно одевшись, выскочил к Нноко, пристегивая на ходу кобур с кольцом.

Пожали друг другу руки:

Семья чукчей.

— Поздравляю, Нноко.

— Тебя, друг, тоже.

Эскимос церемонно поклонился. Собаки, бегавшие на воле, увидев меня, с воем кинулись к нам, сбили с ног, и вся стая принялась облизывать нас с ног до головы. Нноко рыкнул по-звериному, собаки отскочили, но я был безжалостно измят и весь выкатан в собачьей шерсти.

— Звансин, весна, солнца много. На льду много

нерпы, греется на солнце. Чайка едет. — И вдруг Нноко схватился со мной бороться.

Я сгрел его, поднял на плечо и понес на горку к фактории, где у начальника уже собрались гости. Под громкий смех я сунул Нноко в пустую бочку из-под табаку, он чихал и смешно дрыгал ногами в меховых саноггах. Выбравшись из бочки, он еще долго чихал и смеялся.

— Начальник, скоро начнем состязание?

— Сейчас, вот только подъедет Таянга. Да вот он и едет.

Зоркие глаза начальника быстро отыскивали на горизонте черную точку, которая росла, и скоро к фактории подкатила последняя упряжка собак. Приехал нарядный Таянна с мехами — первый охотник на острове. Эскимосы помогли ему распрячь собак и снять меха. Женщины повели Таянгу поить чаем. А мы стали готовить мишени, винчестеры, гарпуны...

Началось состязание в стрельбе...

Захлопали выстрелы, слышались шутки и смех...

От мишеней летели щепки. Полярные советские снайперы показывали настоящий класс стрельбы.

Состязание закончилось метанием гарпунов, которые со свистом врезались в мишени.

«Готовы к обороне и промыслу» — вот лозунг, который выбросил для молодежи острова Врангеля мой друг Нноко.

Праздник закончился в кают-компании за угощением, под звуки американского патефона.

Вечером у нас были игры, эскимосские танцы под бубен и охотничьи песни.

ГУСИ

22 мая прилетели гуси. Это был теплый солнечный день. Собаки, игравшие с детьми, кинулись к горам по следу за гусями, которые летели очень низко. Лохма-

тые псы с радостным визгом и воем прыгали вверх, стараясь поймать отстающих гусей.

Гнездоваться гуси начали с конца мая. Уже было совершенно тепло, с гор вот-вот должны были побежать речки. В колонии стали готовиться собирать яйца гусей. Нарты поставили на железные подполозки, так как снег стал рыхлым и на деревянных подполозках стало трудно ездить. Собаки, отощавшие за зиму, заразились общим волнением и, худые, с топорщившейся шерстью, весело лаяли.

В начале июня Минеев, Иосиф, Скурихин и врач выехали собирать яйца. Дни стояли чудные, солнце уже не заходило, снег оседал, местами под снегом журчали ручейки. На море, на льду, на солнце нежились нерпы, морские зайцы-лахтаки.

Убить нерпу или лахтака трудно. Спят они сторожким сном, ежеминутно поднимая голову, оглядывая и обнюхивая пространство вокруг, и стоит им почуять опасность, как они прыгают в лунку под лед. Лунок у них несколько, и напуганный зверь в той же лунке вторично в эти сутки не покажется.

Мясо нерпы и лахтака очень вкусно; жир туземцы употребляют в пищу, а шкуры на обувь, одежду и ремни. Веселая пора июнь в Арктике.

Я жил уже в палатке на берегу. Слушал по утрам разговоры гаг, тюликанье куликов, журчание воды и полной грудью дышал прозрачным полярным воздухом.

От уехавших Минеева, Павлова, Скурихина и врача не было вестей, а прошло уже несколько дней. Все ли благополучно? Мог кто-нибудь временно ослепнуть снежной слепотой от нестерпимого солнца и, отстав в тумане, свалиться в ущелье на камни. Могли провалиться на снежном мосту, переходя бурную горную речку, упасть в клокочущую кашу снега, воды, камней и утонуть.

В середине июня они вернулись здоровехоньки, при-

везли тысячу свежих гусиных яиц. Привезли гусей, подкормили собак, сами загорели, поправились.

Яиц в июне в тундре на острове много. Гуси гнез-

К. Званцев на охоте.

дуются на тундре по берегам речушек, озер, заливчиков. Гнездуются они стаями и обязательно в центре — полярная сова. Для гусей сова — защитник и покровитель. Совы, самка и самец, посменно оглядывают горизонт, не покажется ли где песец, белая полярная лиси-

ца, хищник и враг гусиной деревни. Беда, если такой хищник попадет в когти разъяренной совы: она терзает его, бьет крепким клювом, и израненный, обливающийся кровью хищник едва уходит, а если попадется молодой, то и погибает.

Заметя опасность со стороны песцов, гуси поднимают крик и с шипением бросаются в центр к гнезду совы. Сова взлетает и камнем кидается на песца.

Эскимосы и чукчи очень почтительно называют сов — большой гусиный начальник. При приближении человека совы бросаются и на него, летают бесшумно над головой и щелкают клювами, издавая по временам пронзительный крик. Человек сов не трогает и стреляет их только тогда, когда шкура совы нужна для коллекции.

Гуси же, видя приближающегося человека, ложатся плашмя на мху, вытягивают шею и стараются слиться с окружающей обстановкой, спасая гнездо, и взлетают внезапно тогда, когда на них чуть не наступаешь ногой.

В июле появляются птенцы — маленькие, серенькие пухлые комочки. Они стайками ходят за гусями, кормятся, плавают и крепнут.

В июле гуси линяют, они собираются огромными стадами около озер, бухт, и вода скрывается под гусиными крыльями. Линных гусей бьют сотнями, а иногда ловят на воде сетями. На двух байдарках заезжают с сетью, растягивают ее поперек бухты, а с берега и с тылу гусей гонят криками в сети. Сети полукругом замыкают. В них бьются гуси. Тогда начинается избивание гусей, — их бьют палками, сворачивают шеи и десятками нагружают байдары. Если же линные гуси попадают в тундре, их травят собаками.

Мясо гусей прекрасно сохраняется на зиму, а пух используется для экспорта на материк.

В июле несутся гаги. Гнездуются гаги на гальке берегов бухт, заливов; для гнезда гага выщипывает с

брюшка самый нежный, самый теплый пух и им устилает уютную колыбельку для птенцов. Яйца гаги размерами не уступают гусиным, но расцветка не белая, а нежно-зеленая. Гага — очень осторожная птица и искусно маскирует гнездо, устраивая его где-нибудь в выемке, около камня, под бревном выброшенного морем на берег плавника. Чайки гнездуются на скалах, кулики — во мху на тундре.

ТРЕВОГА

В середине июня побежали с гор ручьи, и нас постигло бедствие. Под продовольствием, сложенным на берегу и накрытым брезентом, с шумом бежала подснежная река. Этот шум услышал Иосиф. Бросились откапывать снег, лежавший трехметровым пластом, спасать муку, крупу, сахар, табак, патроны. Работали день и ночь и наконец, когда сняли брезент, услышали, как шумит вода под грузами.

Начали спешно перетаскивать продукты с затопленного места в другое, более высокое и сухое.

Этого несчастья никто не мог предвидеть, так как, по словам Павлова, ручьи в этом месте никогда не бежали, они шли лощинками в лагуну и в бухту. Никогда на берегу бухты так не заносило, как в этом году.

Объяснялось это тем, что в прежние годы берег бухты был открыт и обдувался всеми ветрами, а когда его застроили, рельеф изменился, поэтому и намело колоссальные сугробы.

Конечно, ни Минеев, ни Иосиф Павлов в этом деле не виноваты. Вина была исключительно моя, — я, метеоролог и наблюдатель, обязан был это предвидеть.

Свою ошибку отчасти я искупил тем, что энергично помогал спасать и переносить снабжение. За несколько дней мы перетаскали около двухсот тонн груза, муку, бочки с рыбой, сахар, ящики патронов, канаты и веревки.

Когда мы кончили работу и увидели, что у нас испорчено, успокоились: ущерб был невелик, убытки настолько малы, что о них не стоило и говорить.

Запасов оставалось еще на четыре года смело.

ПОДГОТОВКА К ОХОТЕ

Летом 1930 года было решено, что охота на моржа будет коллективная вместе с эскимосами северной стороны. В коллективе же должен был охотиться и Скурихин. На северной стороне острова по всем признакам было видно, что льды в эту навигацию будут тяжелые. Чтобы не остаться без мяса, туземцы северной стороны переехали в Роджерс и поселились в палатках на берегу.

Это был веселый лагерь. Чукчи и эскимосы беспечны, когда сыты.

На полыньях бухты было много птиц, гаги, чайки, шилохвости. В небе яркое солнце, тепло. Эскимосы били целыми днями в барабан, пели охотничьи песни, говорили сказки, танцевали, боролись.

Мы с тревогой думали, каков будет промысел, сколько уьем моржей, будут ли сыты люди и собаки в эту зиму.

Наш повар Петрик часто выходил в тундру и грозил кому-то в горах кулаком, прислушивался к чему-то, точно слушая, что происходит под землей. Кому-то отвечал: «иду, иду» и уходил за реку. Это нас смущало, но как-то думалось: ничего, пройдет.

Минеев в свободное время обрабатывал собранный за поездки в марте и апреле по острову научный материал.

Иосиф Павлов в ясные солнечные дни вывешивал проветривать песцовые шкурки, вымененные за зиму у охотников. Торговля на острове была меновая. Денег на острове не было. Нам всем, европейской части колонии, был открыт кредит, расчет на материке.

Подошло и короткое полярное лето. Задули теплые ветры, солнце светило круглые сутки, не заходя за горизонт. Лед, сковывающий море, начал подтаивать, на поверхности льда появились пресные озера воды от стаявшего снега и выпавших дождей. Таяние льда хорошо слышно. Вода, просачиваясь в мельчайшие трещинки и пазы, издавала шипящие, булькающие звуки. Лед таял все громче и громче.

Налетел свирепый шторм, природа пришла на помощь людям, ожидающим с нетерпением подвижки льда, чтобы начать моржовую охоту.

Шторм бушевал несколько дней, мы лихорадочно готовились к предстоящей охоте. На вельботе «Константин Дублицкий» № 1 проверялся мотор, исправлялся гребной вал. На вельботе № 2 «Роальд Амундсен» чинился такелаж и паруса. Мы просыпались рано и, вылезая из хлопающих как паруса палаток, спешно принимались за работу. Делали гарпуны, точили ножи, эскимосские женщины шили паруса. По острову хлопали выстрелы, — это туземцы тренировались в стрельбе из винчестеров.

Прошло еще несколько дней, шторм не стихал. На наших глазах в состоянии льда происходили резкие перемены. На горизонте уже чернела узкой полосой чистая вода. Потом эта полоса стала расти, шириться. Ветром отрывало огромные ледяные поля и уносило в море. Собаки сидели на высоком берегу острова и, глядя умными глазами, как ветер рвет и ломает ледяные поля, возбужденно лаяли на море.

Шторм стих. Проснувшись однажды ночью, когда солнце светило с севера, я вышел из палатки и закричал от радости:

— Море чисто! Моржи! Моржи!

Мой крик разбудил эскимосскую деревню, из палаток выскакивали эскимосы и кричали радостными голосами:

— Кай! Айвок! Пинехтак!¹

Радость была большая. Зима была тяжелая, голодная, много собак подохло от голода, люди давно сытно не наедались мяса и моржового жиру. Теперь недалек момент, когда можно будет есть мясо, не считая куски, и не нужно будет думать, чем подкормить собак, чтобы они могли дотянуть до весны.

Море синело спокойное, штилевое; кое-где белели пловучие льдины, покрытые черными, колющимися моржами. Тишину штилевой ночи нарушал рокочущий рев прибывших гостей: моржи дрались за место на льдинах, в воздухе слышалось «рох-рох, рох-рох».

Лагерь ожил: спешно гудели примуса, кипятили чай зверобоям. Минеев, Иосиф и я готовили к походу вельбот № 1. Синодский, Скурихин, Боганов возились с мотором вельбота № 2.

Женщины сносили на берег ящики с запасом провизии на случай шторма или тумана, если зверобой пробудет долго в море; винчестеры, гарпуны, поплавки-поки, запасные ножи, ремни и пр. Лагерь суетился, радостно волновался.

Незаметно солнце перешло с севера на восток. Весело застучал мотор, и вельботы вышли в море на первый промысел.

Ласково журчала под килем вода, слегка покачивало на мертвой зыби, лицо ласкал легкий бриз. Было так хорошо! Хотелось петь веселые эскимосские песни, но в море петь нельзя, — морж очень сторожкий зверь.

МОРЖИ

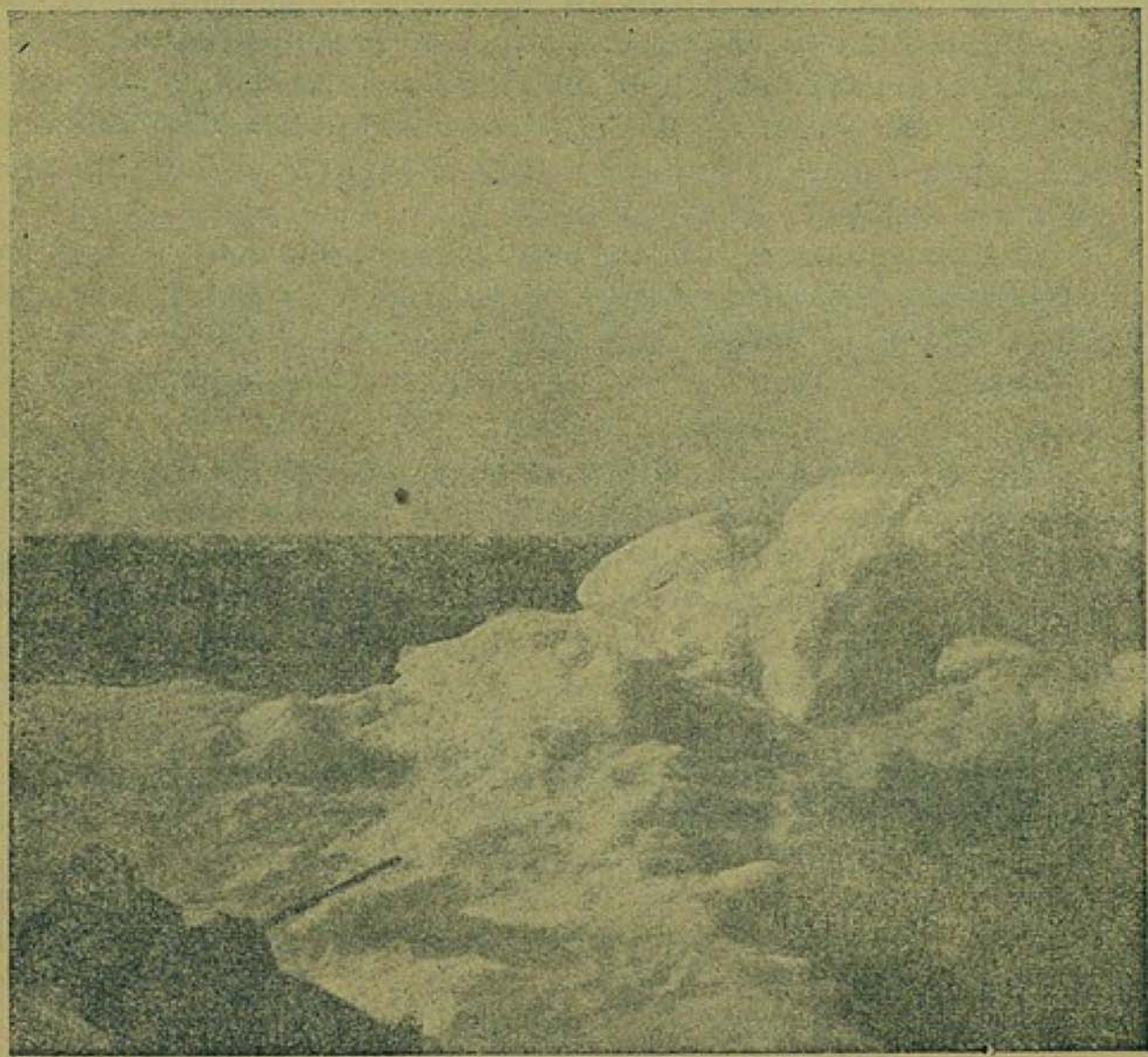
Моржи всегда стремятся держаться около берегов. В ясные летние дни можно видеть моржей целыми стадами на льдинах, нежащимися под лучами солнца, лежащими в сонливом состоянии.

---

¹ Ой, моржи! моржи! хорошо!

Ложатся моржи всегда на краю льдины, чтобы в случае опасности моментально броситься в воду. Когда моржи обсохнут на льдине или на берегу, они стано-

Выслеживают моржей.

вятся сонливыми, менее наблюдательными и осторожными.

Часовой морж не спит, он поворачивает голову во все стороны и нюхает воздух (смотрит носом, как говорят эскимосы).

При малейшем намеке на опасность часовой ревом и ударами клыков будит крепко уснувших и сопящих собратьев, стадо всполошенно ревет, пыхтит и бросается с гневными стонами в воду. Вода кипит от нескольких десятков плескающих и ныряющих зверей.

Морж очень свиреп и опасен на воде. Он с безумной отвагой и диким ревом бросается на преследователей. Ударами клыков моржи могут разнести любой промышленный вельбот.

Клыки моржей не только боевое оружие, — они необходимы для добывания корма со дна моря, для проделывания отдушин во льду.

Клыков моржа боятся не только белые медведи, но и акулы и касатки-одиночки.

Часто клыки являются и помехой во время сна, так как животные вынуждены класть голову на бок.

На суше моржи производят впечатление беспомощных, неповоротливых животных, но это на самом деле далеко не так. Морж может делать неуклюжие, но большие прыжки, может взбираться на высокие скалы до 60 метров.

Маленький морженок, потерявший мать, целыми днями плавает и ныряет около того места, где погибла матушка. Отыскивая свою мать, он издает глухие плачущие звуки. Особенно горестно кричит детеныш в воде, когда, нырнув в глубину моря, он не может найти кормилицы.

Врагов у моржей много: человек, белый медведь, а самый страшный — касатка, которую эскимосы называют «хозяином морей».

Касатки почти всегда ходят стаями, и при их грозном появлении все животные и моржи в ужасе выбрасываются на берег. Но если касатка — одиночка, морж вступает с нею в бой и часто выходит победителем.

В июне месяце ежегодно проходит спаривание моржей. В это время между самцами происходят страшные бои со смертельными исходами из-за самок, которые тес-

ным кольцом обступают дерущихся или лежат в стороне, нежась под лучами весеннего полярного солнца. Морж-самец победитель ревниво охраняет свой «гарем» и если на свою беду приблизится неосторожный неопытный молодой самец, победитель с ревом бросается на него, клыками наносит несколько глубоких ран, и неудачник, обливаясь кровью, со стоном уползает прочь.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Пока мы собирались, льдины течением прилива унесло, опустился туман. Погода в Арктике меняется очень быстро.

Мы услышали, как в тумане заревели моржи: «рох-рох, рох-рох», выключили мотор и пошли тихонько на веслах, идя против ветра, чтобы моржи не хватили запаха.

Вельботы держались вместе. Где-то близко в тумане фыркало большое стадо, громко ревели самцы, стонущим ревом звали детенышей самки. Эскимосы притихли, мы тоже молчали. Старейшие в вельботах отдавали приказание готовиться стрелкам и гарпунерам. Приходилось бить моржей на воде, а это серьезная и опасная игра.

Судя по звукам, моржи пошли в сторону. Чтобы привлечь их внимание и вернуть, эскимос Нноко, мой друг, сложил руки рупором и, ловко подражая зову детеныша морженка, закричал: «рох-рох, урх-урх, хок-хорт-рох».

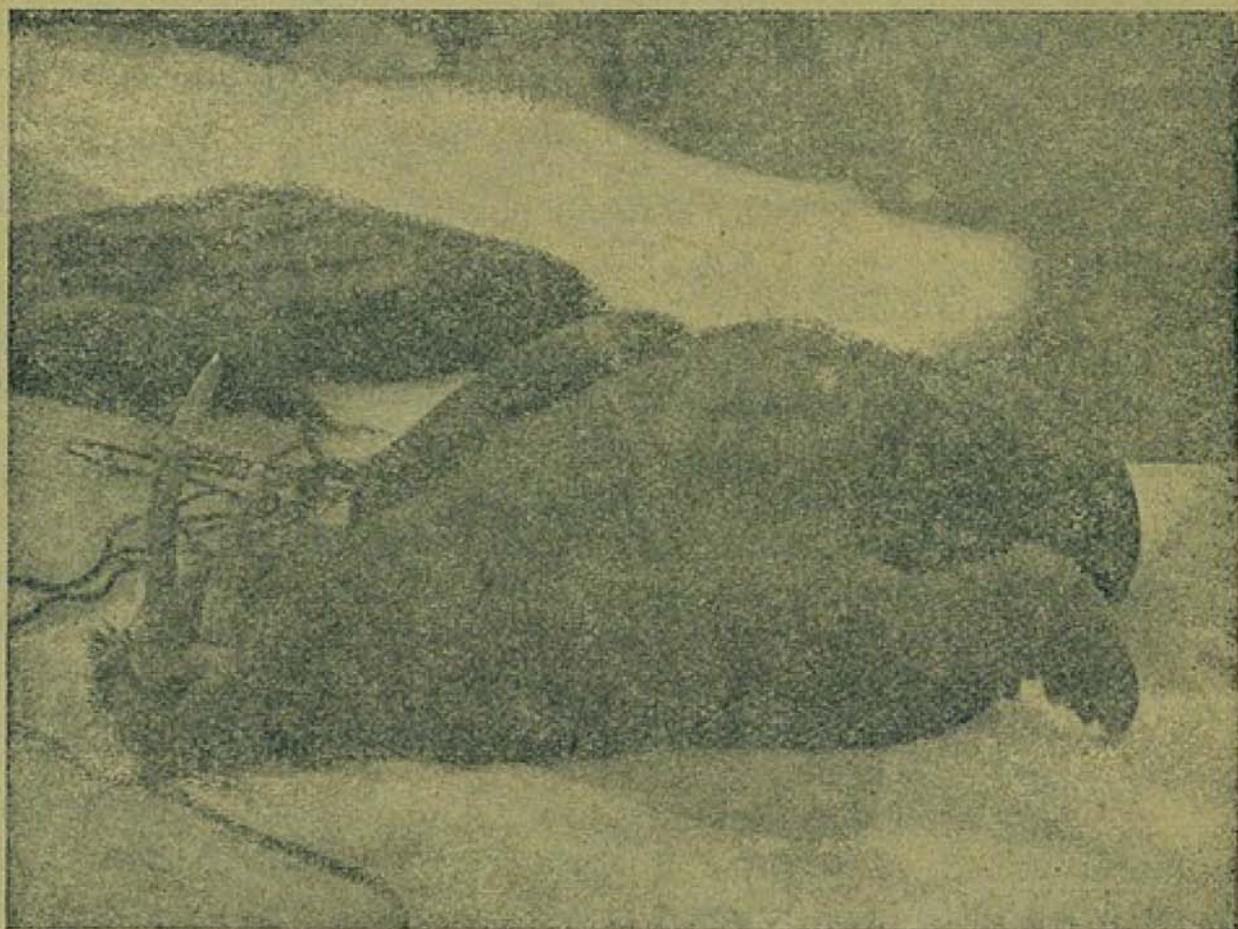
Отозвалась самка, а за нею и все стадо.

Моржи вернулись и шли к нам. Нноко продолжал звать стадо, а мы приготовили винчестеры и гарпуны. Нужно было подпустить моржей вплотную, чтобы стрелять наповал и гарпунить. Подранков в таких случаях не должно быть по правилу, иначе моржи разобьют вельбот. Моржи вышли из тумана и стали приближаться к нам. Впереди шел огромный самец; глаза его были

свирепо выпучены, голову украшали широкие, короткие, могучие бивни. За ним шло стадо — самки, детеныши, самцы.

Грохнул залп и засвистели гарпуны. Моржи с ревом нырнули под вельботы, вельботы заплясали на вспенившейся воде. Нноко, стоявший на скамейке, свалился

в воду, к нему тотчас же бросился раненый освирепевший самец-вожак.

Мы выхватили напуганного Нноко из воды. Морж нырнул под вельбот, вельбот приподняло, двухтонная туша в припадке ярости пыталась опрокинуть вельбот, эскимосы растерянно зашептали «Кай. Нэнивчак эй-вок уилик».¹

---

¹ Ой, старый морж, вожак.

На воде плавали три убитых и загарпуненных моржа. Стадо вынырнуло опять и бросилось на вельботы, но, встреченное выстрелами и криками, повернуло назад, нырнуло и ушло в туман. К счастью, не был ранен ни один детеныш, морженос, — пришлось бы много хуже, если бы рассвирепела самка.

На воде плавало еще два удачно убитых наповал моржа. Они не успели выдохнуть воздух, и поэтому плавали как пузыри, опустив головы в воду. Загарпунили и их.

По приказу начальника я поменялся местами со Скурихиным, который пересел в вельбот № 2. Вместе со мной в вельбот № 1 сел еще и эскимос Кивьяна. Вельбот № 2 взял на буксир двух моржей и пошел к острову. Вскоре он скрылся в молочной мгле тумана.

РАНЕННЫЙ ВОЖАК

Мы начали разделывать прямо на воде трех убитых моржей и грузить мясо в вельбот. Вдруг в тумане всплеснул вынырнувший морж и, громко вдохнув в себя воздух, заревел и опять нырнул.

— Учуйся, — сказал Иосиф, — нужно кому-нибудь постеречь с винчестером, чтобы он не ударил в борт.

Не успел Иосиф закрыть рот, как в дно вельбота что-то сильно ударило. Днище жутко затрепало, и где-то под настилом забулькала вода.

Мы оцепенели. Второй удар — вельбот закачало. Мы с винчестером бросились к бортам и увидели в глубине моря в метре от киля вельбота разъяренное страшное животное. Это был раненый старый морж.

Зверь величиной с вельбот извернулся в воде и опять ударил, но попал в железную оковку киля и сломал клык, вельбот качнуло. Глаза разъяренного зверя были налиты кровью и страшно выпучены. Мы беспомощно смотрели в воду, не зная что делать. С нами всеми, кроме Иосифа, это случилось впервые. Эскимос Кивь-

яна шептал залкивания. Стрелять в зверя, находившегося под водой, было бесполезно.

Иосиф крикнул:

— Пускай мотор! полный вперед! Руби ремни с моржами. Готовь гарпуны и поки.

Все было быстро и четко исполнено, недорезанные туши моржей скользнули в глубину моря, затакал мотор, и мы бросились удирать от обезумевшего зверя.

Морж кинулся за нами, вынырнул с левого борта, над бортом высунулась свирепая морда с выкатившимися кровавыми глазами, с одним клыком и со щетинистыми усами. С хриплым ревом он ударял по борту. Хрустнула еще одна шелевка.

Раздалось два выстрела в упор, — стреляли Минеев и Власова. Морж фыркнул кровью в вельбот, рывкнул от злобы и боли и затонул, скользнув в зеленую глубину.

Трусливый Кивьяна радостно оскалился, но, прислушавшись, как булькает под обшивкой вода, заскучал опять. Мы с тревогой старались разглядеть в тумане берег острова, все было бело и молчаливо.

После многих часов блуждания в тумане мы вышли к скалам мыса Говай. Радость была большая, — теперь мы знали, куда нам идти, ориентир был найден.

Зарядили бензином мотор, и он снова запел свою песенку. Через два часа вошли в гавань Роджерса, выгрузили мясо на кошке,¹ чтобы вечно голодные эскимосские собаки не растащили мяса, часть мяса оставили в вельботе и пошли к видневшимся на противоположном берегу хижинам и палаткам.

ДЕНЬ БОЛЬШОЙ ЕДЫ

Собаки, усевшиеся на берегу в ряд, встретили нас диким воем и взвизгиванием. Велико было их разочарование, когда люди вынесли немного мяса.

---

¹ Кошка галечная отмель.

Не нажраться им доотвалу, не таскать куски мяса и жира в зубах, чтобы где-нибудь спрятать на черный день. Увы, им дали только по небольшому куску, чтобы для первого раза не разболелись животы. Обозленные собаки зарычали на людей и подняли свирепую драку между собою. Пришлось разнимать и буянов сажать на цепь.

Поставив на якорь вельботы и прибрав снаряжение, команда эскимосов разошлась в палатки есть мясо и пить чай. Настал день большой еды, когда эскимосы наедаются мясом и жиром до боли в животе.

Мы вошли в нашу кают-компанию, быстро наделали котлет и с аппетитом поели.

Мы были сильно смущены тем, что много моржей утонуло. Это было похоже на хищничество. Хищники, настреляв большое количество моржей, берут только клыки, а жир, шкуры, мясо бросают в море. Такой охотой можно быстро истребить моржей, как произошло у берега Свальбарда.¹

Для эскимосов и чукчей моржи — основная база питания; поэтому, исчезни моржи — значительно ухудшится и положение туземцев.

Когда морж лежит на льдине, его легко добыть, но нужно убить его с одной пули, целясь в глаз или в затылок. Еще хорошо стрелять моржа чуть-чуть повыше ушного отверстия.

Если морж ранен, он непременно сползает в воду, в родную стихию, и там, выдохнув воздух, тонет. Поэтому на воде, когда моржи на-плаву, охотиться очень трудно, здесь приходится пускать одновременно и винчестер и гарпуны.

Чукчи охотятся на моржей в байдаре. Байдара — это кожаная лодка из моржовой шкуры. На деревянный, прочно связанный ремнями остов натягивается туго мокрая моржовая шкура, разделенная пополам. Бывают

¹ Свальбард — Шницбергев.

байдары длиною до двух метров: есть байдары, которые вмещают до тридцати человек пассажиров и снабжены даже руль-моторами «Архимед» или «Эвенруд».

Все байдары плоскодонные и очень неустойчивы на воле: охота на моржей в байдаре — опасное занятие.

Нередко днище байдары моржи пробивают клыками; нередко сами охотники через днище стреляют наугад на нападающего моржа, а дырки, сделанные пулей и ударом клыков, затыкают взятым на такие случаи моржовым жиром, чтобы избежать течи.

Гребут на байдаре туземцы однолопастным веслом. Гребут странно на взгляд европейца. Впродолжение не-

скольких минут гребут, напрягая все силы, не выпуская трубок изо рта. Байдара несется вперед очень быстро. Но вот гребцы выдохлись, они прекращают греблю, останавливаются, начинают разговаривать, петь. Потом вдруг опять налегают на весла с новым напряжением. Это характерно для всей их жизни.

Чукчи очень боятся, что моржи исчезнут. Они ненавидят хищников американцев и японцев, уничтожающих большие количества моржей.

Нужно быть очень крепким человеком, чтобы выдержать отвратительный сладковатый запах внутренностей разрезанного моржа. Морж разлагается быстро, так же как и белый медведь. Чукчи и эскимосы к запахам нечувствительны, они могут есть зловонное, гнилое, прокисшее мясо.

Чукчи и эскимосы прекрасно умеют использовать моржей. Моржовая кожа идет на байдары, на юрты, на полы в юртах, на ремни. Моржовый жир идет в пищу, а главным образом на жировые лампы. Мясо съедается. Желудком моржа обтягивается бубен.

ОХОТА НА УКОЛ

На моржей охотятся и на укол — с гарпунами. На байдарке выезжает человека три в море; заметив моржа на воде, тихонько подгребают к нему, стараясь не шуметь и держаться против ветра.

Морж с любопытством оглядывает невиданную байдарку и даже подплывает ближе. В этот момент со свистом бросается гарпун и впивается в шею зверя. Морж с ревом ныряет. Летит второй гарпун и впивается в живот. Жала гарпунов становятся поперек раны, разворачивая внутренности от резких движений зверя.

Чтобы не потерять моржа из виду, к ремню привязывается пузырь из цельноснятой шкуры тюленя, надутый воздухом. Этот пузырь, называемый по-чукотски пок, указывает охотнику, где находится раненый и разъяренный зверь.

Если же ремень гарпуна прикреплен к лодке и раненый морж тащит ее бешено за собою, зверобои стараются замучить зверя, чтобы подойти к нему вплотную для нанесения окончательного удара копьем в шею.

Нужно внимательно следить за тем, чтобы ремень не ослабевал; если ремень ослабел, — значит морж, обезумевший от боли, повернул для атаки байдарки, нужно как можно скорее отгребать назад и приготовиться к защите. Разъяренные моржи, самки и самцы, с оглушающим ревом нападают на байдару, и нередко люди гибнут от клыков освирепевших животных или тонут в холодных водах полярного моря.

**ВТОРОЙ
ГОД ЗИМОВКИ**

НЕСОВЕРШЕННАЯ ТЕХНИКА

Счастливая мысль объединить всех туземцев для совместной охоты пришла Минееву. После окончания охоты мясо решено было забросить на северную сторону на вельботе и на буксируемом кунгасе-трехтонке.

Охота шла хорошо, моржи были в изобилии. Только один раз мы вернулись с моря, ничего не убив. На море поднялся шторм, нас захватило штормом у кромки дрейфующих льдов, и мы добрались домой поздно.

В двадцатых числах августа охота была закончена, мяса заготовили вдоволь и себе, и собакам.

Полетели в обратный путь с печальным криком гуси. Приближалась осень, начались туманы; еще несколько недель — и завоют зимние пурги. Море скуется льдом, и опять настанет великая полярная ночь.

С мыса Бюссом прибыли промышленники во главе с Таяной; они тоже много убили моржей.

Одно только всех угнетало — потеря связи с океанским миром. Мы никого не слышали, наше радио звало всех, всех, всех, но эфир молчал. Потеря связи в Арктике — большое бедствие. Наше радио молчало три месяца. Объясняется это тем, что летом в полярный день воздух сильно ионизирован, поэтому слышимость плоха. Радисты бились, бились, но у них ничего не получалось, природа оказалась сильнее еще не совершенной техники.

Моржовый промысел был почти окончен. Встал вопрос о переброске мяса и людей на северный берег острова. Эскимосы сложили палатки, мясо перевязали в тухтуки. На утро в море должен был выйти моторный вельбот, который должен был взять на буксире трехтонный кунгас, нагруженный мясом, палатками, скарбом и людьми.

ШТОРМ

Уже стемнело. Я кормил собак около дома радики. Ко мне подошел младший радист, который должен был идти в море на вельботе за механика, и сказал:

— Знаешь, я не еду.

— Как не едешь? А кто на моторе?

— А мне какое дело? Не еду, мне и доктор не советует ехать, тем более Власова едет, а с бабой в море сам знаешь...

— Да ты с ума сошел. С людьми может случиться несчастье.

— Не поеду. Какая мне польза? Когда зимою охотились, мне даже мяса на приманку не дали и вместе охотиться не захотели. Это что-ж, по-товарищески? Пусть теперь попляшут.

— Да ведь это же доктор тогда сорвал коллективную охоту. При чем тут Минеев? И теперь этот доктор смеет тебе советовать не ехать. Ты подумай.

Радист продолжал упорствовать и пошел к начальнику. Я потопал вслед, в недоумении, что же будет.

В кухне, которую мы называли кают-компанией, сидели Минеев и врач, о чем-то весело разговаривая.

Минеев встретил радиста словами:

— Ну, Валентин, завтра на рассвете в море, нужно спешить, а то вот Константин погоду испортить хочет, говорит — большие шторма идут.

Валентин тяжело плюхнулся на стул и буркнул:

— Я не еду. Ни завтра, ни послезавтра, никогда.

Минеев молча смотрел на него, а врач живо спросил:

— Ведь ты же обещал?

— Да не могу просто, у меня радиосвязь, а старик один оставаться не хочет.

Минеев спокойно сказал:

— Хорошо, вы останетесь, радиосвязь — это самое ответственное в нашем положении. Завтра утром вы меня подучите запускать и останавливать мотор. Управляюсь без вас.

На рассвете Валентин обучал Минеева и Павлова. Эскимосы грузили мясо и скарб. В двенадцать дня моторный вельбот взял на буксир кунгас и вышел в рейс на север. В вельботе были Минеев, Павлов, Власова и врач Валентин остался.

Ночью начался свирепый шторм. Я проснулся от сильного свиста и шума.

Палатка надулась, как парус, и веревки, крепящие ее к кольям, дрожали. Оборвись одна — и от моей палатки остались бы клочья. Ветер душил сильным потоком.

Я спешно оделся, меня охватила сильная тревога. Едва я вышел из палатки, меня чуть не свалило с ног. Выбежавший вслед за мною ездовой кобель «Корсар» был сбит ветром и на брюхе уполз в палатку.

Я взял топор и укрепил еще крепче колья. Нагнувшись, я пошел к колонии посмотреть, все ли закреплено, не наделал ли шторм бед.

Навстречу шла по берегу Асенго, жена Павлова. Мы почти поровнялись, когда мимо нас со свистом пронесло кожаную лодку-байдару, ее сорвало ветром с берега. Байдара едва не сбила в воду и нас.

Вслед за байдарой полетело ведро, ящики, шкура моржа, сушившаяся на раме, брезент. Я с Асенго бросились укреплять вещи, лежавшие на берегу и у склада фактории. Нам помогал вышедший из старого дома Петрик, — он не мог спать, потому что в трубах выл ветер и ему чудилось, что какие-то голоса зовут его в горы.

Последнее время Петрик часто разговаривал сам с собою, в его поведении было много странностей.

Окончив все, мы встали с подветренной стороны склада фактории на горке и молча смотрели, как бушевало вспененное море, как несло небольшие смерчи и срывало гребни с волны.

О сне совершенно не думалось: мысли были там, с товарищами. Что-то они делают, каково их положение? Шторм крепчал, собаки прятались под стенами домов и тоскливо выли.

Шторм бушевал несколько дней и так же внезапно стих, как начался.

Наступили тихие, ясные штилевые дни, стало заметно холоднее.

И вот, к моей большой радости, вельбот вернулся вместе с кунгасом; вернулись Минеев, Власова, Иосиф и врач.

После расспросов мы узнали, что их захватил шторм в море. Стали подбираться к берегу, но в вельботе вспыхнул пожар, а на корме была бочка бензину. Пожар начался в моторе, Минеев вмиг выключил подачу бензина, ликвидировал пожар. Вельбот и кунгас понесло по воле ветра и волн, с грохотом разбивающихся вокруг.

На кунгасе поднялась паника, женщины и дети дико кричали, старухи выли, царапая лица. Европейцы растерялись, — только Минеев молча чинил мотор. Власова ему помогала. Мотор чихнул раз, другой и вновь заработал.

Но шторм усилился, и вельботу было очень трудно выгребать и тащить на буксире кунгас. Эскимосы это видели и боялись, что европейцы, не желая погибать вместе, обрубят буксир и бросят их погибать в море.

— Лопни в этот момент буксирный канат, произошла бы катастрофа, — рассказывал Иосиф.

После многих трудов добрались до берега, наполовину валитые водой; на море стеной несло брызги. Разбили палатки, напились чаю, поели мяса и благодарили Минеева

за спасение. На рассвете около палаток убили зашедшего в лагерь медведя. Шторм бушевал с большой силой.

Едва шторм стих, караван отправился дальше на север и дошел до мыса Литке. Дальше не пустили льды. Мясо, увязанное в тухтуки, и часть скарба пришлось выгрузить и сложить на косе до санного пути, а всей эскимосской деревне вместе с собаками идти пешком в свои юрты на северный берег. Так было и сделано, а вельбот и кунгас вернулись домой.

НЕДОВОЛЬСТВО РАДИСТОВ

Прошло несколько дней, вспыхнула ссора у радистов с Петриком, который все больше и больше проявлял странностей.

Радисты были недовольны столом в кают-компании. Им казалось, что Петрик слишком неэкономно расходует продукты.

Старый радист, брюзжа, говорил:

— Петрик бешено расходует масло, молоко, сахар, закупает в складе фактории продукты, не считаясь с экономией. Ведь мы тоже платили денежки, зачем же их бросать на ветер? Можно урезать, можно сжаться...

Минеев ответил:

— Экономить за счет желудка в полярных условиях, когда нет необходимости, нельзя.

Радисты заявили о своем уходе из кают-компании.

Они начали столоваться сами, и почти сразу началось их бессистемное питание; они сидели на хлебе с маслом, на консервах и шоколаде. Почти ничего не варили, грязная посуда неделями стояла на кухне, начали редко мыться, не брились, перестали менять постельное белье и приводили себя в порядок только тогда, когда от них начинало пахнуть грязным бельем и потом.

Я с изумлением смотрел, как легко опускаются люди в Арктике, если они отрываются от товарищеского коллектива зимовщиков, перестают поддерживать дисциплину.

плину и режим. Пробовал советовать чаще мыться; один раз даже воды согрел, чтобы люди обмылись, но мне посоветовали не лезть не в свое дело. Я обозлился и вместо них выкупался сам.

ПЕТРИК СОШЕЛ С УМА

Прошло еще несколько дней, — вдруг с Петриком буйный припадок. Он перебил всю посуду, бросился на Минеева. Его с трудом успокоили.

Мы собрались в комнате радистов. Когда все были в сборе, врач сообщил страшную весть:

Петрик сошел с ума. Причиной помешательства была тяжелая наследственность, от которой страдал Петрик. Помешательство буйное, может разыгаться трагедия, нужно быть осторожным.

Минеев молча оглядывал нас поочереди и, остановив взгляд на старом радисте, сказал:

— Нам нужна ваша общая помощь.

Старый радист поспешил:

— Нет, нет, я лично отказываюсь, я ничем не могу, у меня семья, он может меня убить. Нет...

Минеев холодно ответил:

— Хорошо, будь по-вашему, умывайте руки, обойдемся без вас, — и посмотрел на младшего радиста.

Тот ответил на немой вопрос:

— Помогу, согласен.

Во мне Минеев не мог сомневаться и меня не спрашивал. Тут же на совещании было решено изолировать буйного, перевести его в баню, приспособив ее под жилье.

Работа закипела, и все было сделано. Гораздо труднее было перевести самого Петрика. Он буйствовал и отказывался, но в конце концов и это было сделано.

ПОГОДА — ЭТО Я

В конце сентября завывли мятели, подкрадывалась полярная ночь. Намело сугробы снега. Туман клочьями

полз с черных гор. Море замерзало. На горизонте медленно двигались высокие торосы. Больше не слышно

Повар Петрик.

было крика птиц, рева моржей, свиста молодых чаек. Вельботы были поставлены на зимовку.

Наши хижинки засыпало снегом. Собаки по ночам

были в ожидании перемены погоды или чуя проходившего в горах медведя.

Больше года мы были на ледяном острове. За этот год было много сделано для освоения и изучения острова, его природных особенностей и богатств. Изучение гидрометеорологического режима Арктики имеет очень большое значение. Работа эта интересная, но и ответственная. Ошибка метеорологической сводки может привести иногда к большим бедствиям в море и на материке.

Моим помощником стал второй радист Валентин. Я хорошо его проинструктировал, подготовил и, когда уезжал, был спокоен, — вахта не прерывалась, в работе пробелов не было, в мое отсутствие он вел все гидрометеорологические наблюдения; составлял и подавал на материк сводки.

Мне приходилось заготавливать мясо, ходить в море на промысел моржа, ездить в горы на охоту на медведя, для прокормления мясом себя и собак, — это лучшее средство не заболеть цынгой.

Незаметно подкралась зима. Началась невеселая жизнь. В трубе выл ветер, за окном пурга такая, что носа нельзя высунуть, мир в четырех стенах. Тесно и тоскливо. Только и радости — работа, книги, дневник и преданные собаки. С собаками я разговаривал в длинные зимние ночи, пел им песни.

Петрик буйствовал, он дико кричал по ночам:

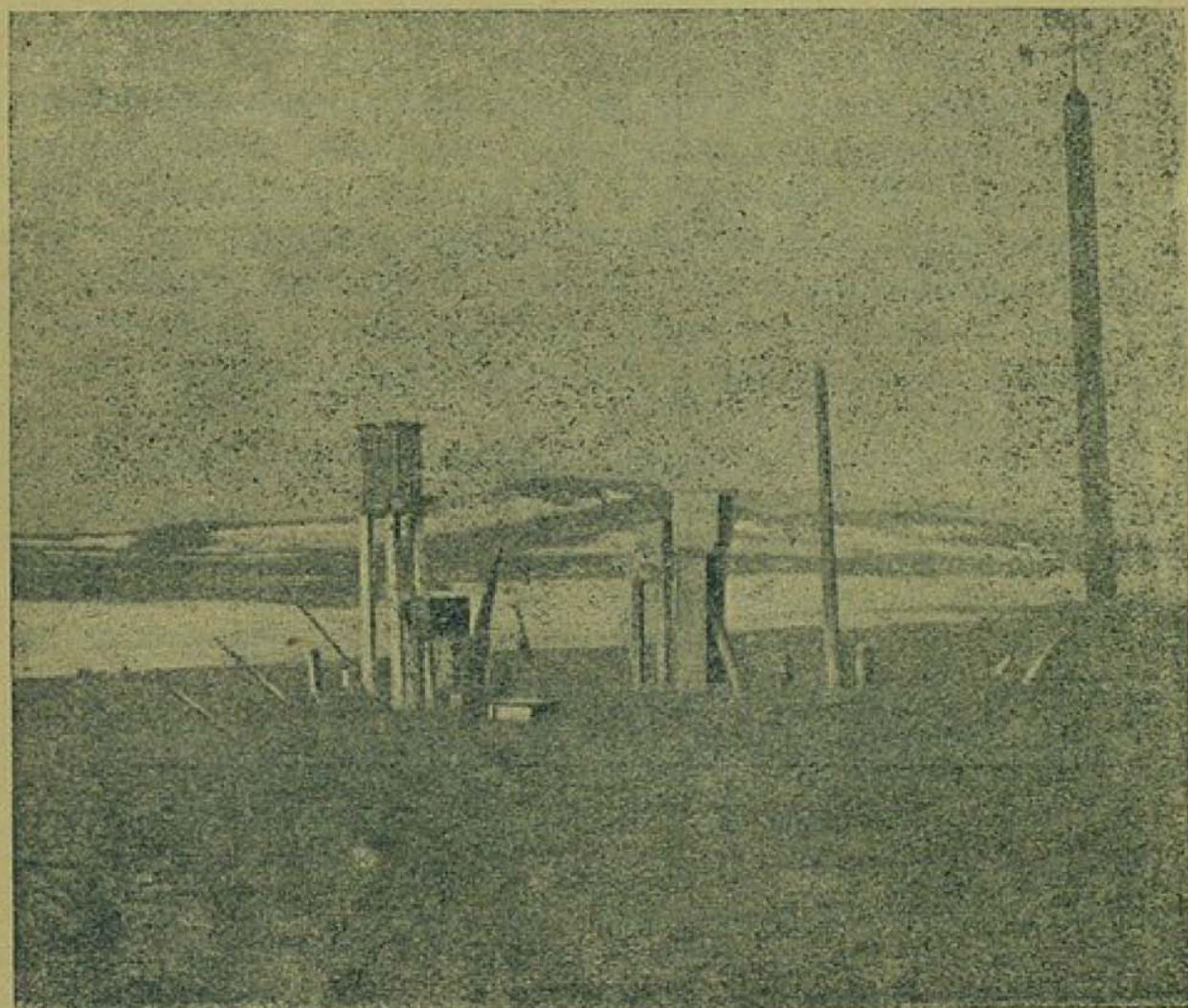
— Уйди, уйди, проклятая! Убью! Убью!

Ему чудились голоса из-под земли, эти голоса звали и мучили его. Врач вторично предупредил всю колонию, чтобы повара опасались. У Петрика в прошлом была тяжелая жизнь. Он страдал тяжелой наследственностью. На почве обострения этой болезни и началось у него помешательство. Врач поставил диагноз — полярная ночь, отсутствие интересов, суровая природа вконец расшатали нервы, подорвали здоровье.

Перевод в баню привел повара в ярость, и он стал

грозить сжечь радиостанцию. Старый радист в ужасе прибегал к Минееву и требовал, чтобы его защитили и оградили от близости сумасшедшего. Минеев его спрашивал:

— Что вы предлагаете сделать?

Старый радист кричал:

— Это не мое дело находить выход, это вы обязаны знать, вы советская власть, мы люди маленькие, мы не можем вам указывать...

Тогда Минеев спокойно говорил:

— Вы что же, требуете застрелить больного?

Старик возмущенно, задыхаясь кричал:

— Это преступление!

Доставалось и мне от Петрика. Меня больной называл «Погодой» и грозил убить меня за то, что я нагоняю тоску, пургу и большую ночь.

ЯРАЙ, ЯРАЙ...

15 октября я вернулся из гавани Сомнительной. Какое справедливое название! Гавань имеет массу островов, входов, выходов, бухт. Не знаешь точно, где же истинная гавань, куда летом ставят эскимосы свои парусные вельботы на якорь для защиты от непогоды и морской волны. Не знаешь, где находится эскимосская деревня. Все схоронено под белым покровом, — ни одной черной точки.

Я знаю, что около выхода в море должна быть эскимосская деревня. Много времени плутал я среди лабиринта островков. Изъездил всю двадцатикилометровую систему гаваней, бухточек, а гавань Сомнительную найти не мог. Пришлось заночевать под открытым небом около могилы американца Найта.

Перед этим произошел случай, чуть не стоивший мне жизни.

Не успел я отъехать саженой тридцать от низкого тундрового берега, который был почти на одном уровне со льдом, как почувствовал, что лед у меня под нартами заколыхался и стал прогибаться. Соленый морской лед обладает большой вязкостью и эластичностью. Будь это на пресном льду, я давно бы провалился, но здесь я качался, как на волне.

Как только я почувствовал, что лед качается и потрескивает, как сухой плавник в пламени костра, я сразу понял, какой большой опасности подвергаюсь. Я знал о страшных течениях гавани Сомнительной. Гибель казалась неизбежной.

В сильном волнении, почему-то шопотом, я остановил собак, слез с нарт и пополз. Лед подо мной преда-

тельски потрескивал. Сердце в груди колотилось, как будто хотело выскочить. Мучила жажда, и я лизал снег.

Я знал, что, если я провалюсь, меня подхватит быстрым течением и никто не придет ко мне на помощь. Кругом мертвая ледяная пустыня, раскинувшаяся на громадных пространствах.

Никто не услышит меня в этом безмолвном холодном мире, — только эхо повторит мой последний предсмертный крик, да полярная сова ухнет от страха.

Я полз по старому следу саней к берегу. Страх перед смертью был так велик, что охота была лечь на лед, зажмурить глаза, чтобы ничего не видеть, и покорно ждать участи.

Но инстинкт самосохранения толкал меня вперед, и я очень осторожно, очень медленно подвигался к берегу. До берега осталось сажень десять; это расстояние казалось бесконечно длинным. Вот еще сажень — и я спасен. Лед стал крепче, а с ним окрепла и моя надежда на спасение. Я поднялся на колени, но лед стал прогибаться, и я снова стал передвигаться ползком. Вдруг я наткнулся на бревно плавника, которое я раньше, когда проезжал, не заметил.

— Ярай! ярай! — невольно вырвался у меня эскимосский возглас ободрения и радости. Я спасен. Мои собаки, смотревшие, прижавши уши, удивленными глазами на мои странные движения, услышав возглас, очевидно поняв, что это относится к ним, — с радостным лаем бросились ко мне и чуть было меня не погубили.

Лед от их прыжка треснул, и мы бултыхнулись в воду. С трудом преодолевая течение, стоя по грудь в ледяной воде, я схватил переднюю собаку — «Врангеля» — и стал подбираться к берегу. После больших усилий мы выбрались и первые минуты от радости не знали, что нам делать.

Собаки с радостным лаем бросились ко мне на грудь, стараясь лизнуть меня; я от радости целовал их славные, добрые морды.

Когда прошли первые минуты восторга, я почувствовал, что замерзаю. Все на мне обледенело и как будто бы было покрыто блестящим тяжелым панцирем. Я энергично принялся выкапывать из-под снега сухой плавник, накопал его целую гору. Спички, хранившиеся в специальном резиновом кисете, оказались сухими.

В полярном мраке запылился костер. Затем я достал кожаный мешок из шкуры нерпы, вынул смену теплого шерстяного белья, носки, полотенце и стал перед костром переодеваться.

Вытерся полотенцем, одел шерстяное белье, носки, запасные торбазы. Затем я высушил меховую одежду, оделся и стал готовить себе ужин из бобов и мяса. Поужинав, накормив своих четвероногих друзей моржовым мясом, залез в спальный мешок и крепко уснул.

В БУХТЕ СОМНИТЕЛЬНОЙ

Проснулся я только на рассвете. Собаки мое пробуждение встретили радостным лаем. Позавтракав, мы тронулись. Часа через три мы попали на старый санный путь, ведущий в гавань Сомнительную.

Скоро мы наткнулись на крышу занесенной снегом юрты, из трубы вился легкий синеватый дым. Собаки, учуяв этот дым, и привели меня к юрте. Это было эскимосское жилище.

Эскимосские собаки встретили нас яростным лаем. Мои лайки им ответили не менее яростным воем. Собачий лай шел откуда-то из-под снега, и я остановился в недоумении, как попасть в это таинственное подземелье. Собаки, свирепо воя, начали копать снег на крыше юрты. Скоро из-под снега вылез Ан-яйлик — молодой эскимос — и провел меня по снежному туннелю в свое жилище.

О моих собаках позаботилась девушка-эскимоска Нанехак, — это была миниатюрная, смуглая и темногла-

зая девушка. Она была в нарядном кухливоке (меховая одежда, где штаны сшиты вместе с рубашкой с широким воротом). Кухливок из пестрого оленя был опущен россомахой и узорно расшит. Маленькие ноги девушки были обуты в меховые, стянутые у щиколотки, расшитые торбаза. Талию перетягивал изящный пояс с сумочкой для женских мелких вещей. Нанехтак пристально взглянула на меня темными глазами и звонко засмеялась. От ее смеха стало будто бы веселее и бодрее на душе.

— Привет, Нанехак. Как живешь?

— Пинехтак, Кайуне, кавсягнен Нойгойя цука тазе каюгль кин.¹

Она улыбнулась и стала гладить моего жожака-собаку.

Когда я с Ан-яйликом входил в юрту, сзади меня прозвучал голос девушки:

— Угомина кину накалику цука тазе.²

Добрые гостеприимные эскимосы сытно накормили меня и моих собак. Остановился я в юрте Ан-яйлика, куда собрались эскимосы из других юрт. О приезде гостя они узнали по дикому вою собак, разносившемуся по всей эскимосской деревне.

Приезд гостя — большое происшествие в ледяной стране, где редко бывают какие бы то ни было события.

За чаем и за разговорами незаметно подошла ночь. За юртой что-то шелестело: шла поземка... Приближалась пурга.

Я оделся и по снежному туннелю вышел к своим собакам. Собаки давно успокоились и теперь спали, свернувшись клубками, засунув носы под хвосты. Услышав шаги, они поднимали головы и наострили уши, но, узнав меня, вскочили и стали ласкаться.

Ничего так не любят эскимосские собаки, как ласку. Стоит приласкать одну, как вся свора жалобно заскулит или зарычит на ту, которую ласкает хозяин. Ножом я

---

¹ Хорошо, ой, ой. Розовая чайка, иди скорее и грейся.

² Чорт возьми, какой быстрый он!

сделал им ямки глубже и уютнее, отпустил длинные цепи. Собаки, точно поняв, что я делаю им удобные спальные ямы, благодарно виляли хвостами и старались лизнуть меня в лицо.

Ямки делаются для собак перед пургой для защиты их от ледящего арктического ветра. Когда они лежат, их заносит снегом. Почувствовав тяжесть снега, они приподнимаются, ворочаются, уплотняя снег над собой, и потом опять ложатся. Таким образом вокруг них образуется пустота, и они лежат, как в берлоге. В такой своеобразной собачьей берлоге тепло и уютно.

В пурге собаки делаются сонливыми и почти ничего не едят по двое, трое суток. После пурги не всегда им удастся самим выбраться из спальной ямки, — тогда им на помощь приходит человек. Хозяин отрывает их, осторожно ударяя ножом по крепкому, убитому ветром снегу, и помогает вылезти одуревшим от пурги и шелеста снега животным. После трех-четырехдневной пурги собаки шатаются от усталости.

Пурга идет...

Вся эскимосская деревня делала последние приготовления: пилили и кололи крепкий как лед снег для чаю и воды, втаскивали запасы топлива, собирали бегавших резвящихся щенков. Гортанно перекликались друг с другом во мраке полярной ночи.

Снег шелестел сильнее и сильнее...

На некоторое время все стихло, точно замерло в ожидании чего-то страшного и неотвратимого.

Пурга идет...

Не успели обитатели юрты Ан-яйлика скрыться в снежный туннель, как с гор налетела пурга.

Завыл, застонал снежный студеной хиус. В юрте все приумолкли, только Ан-яйлик тихо произнес:

— Ой, ой, какой сильный пурга, духи сердятся. Плохо сейчас тому, кто в пути.

Не любят и боятся эскимосы пурги: по их поверью, в пургу злые духи стараются погубить человека.

Над юртой, казалось, мчалось несколько тысяч белых снежных оленей; они мчались с вершины черных гор. Кругом грохотало и свистело, не смолкая ни на минуту.

В туннеле заскулила какая-то собака; жена Ан-йлика Каврахак нервно прикрикнула, и собака смолкла. В юрте все притихли, слушая пургу. Полярная пурга подавляюще действует на человека: она заставляет себя слушать и молчать.

Чтобы рассеять угнетенное настроение моих суеверных хозяев, я начал рассказывать о жизни на большой земле. Постепенно я увлек их своим рассказом. Я говорил им:

— Нет, это не Аляска, и не Фриско¹, это не Гонолулу, где ты бывал, Ан-йлик, плавая на американских хищнических шхунах, где тебя мог толкнуть и брезгливо отряхивать свой смокинг любой человек в цилиндре, где полисмен гнал «цветного» из парка, где можно гулять только господам и их собакам. Там ты был «цветной», значит низший, недостойный, а в нашей стране твои собратья полноправные граждане. Они учатся в Институте народов Севера, из них выходят врачи, учителя.

— Это Ленин, Ленин, Ленин, — пронеслось по юрте.

Затем я стал рассказывать, как люди больших городов никогда не видели на свободе моржа, белого медведя. Они не знают, как кричат чайки, боятся собак, очень боятся холода, а многие женщины мажут губы яркой краской, покрывают белой пылью щеки и лоб, а черной краской рисуют брови и ресницы. Эскимосы со смехом спрашивали меня:

— Это очень страшно? .. Красный, как кровь, рот, белое, как покойник, лицо и черные, как у злого духа, глаза. . .

Мы оживленно провели остаток вечера. Нанехак, сидевшая против меня, не сводила глаз, не все понимая.

Поздно ночью стали мы укладываться спать. Я расте-

---

¹ Фриско — Сан-Франциско.

Нанотан.

лил свой кукуль и лег в него¹. Эскимосы легли в ряд, положив головы на деревянный брус, шедший во всю длину юрты, покрытый оленьими шкурами; все укрылись двумя общими одеялами.

Светильники из моржового жира погасили, в жиру затрепали и зачадили фитили из мха, наполняя животным смрадом юрту. Хозяева этого смрада не замечали. Остался гореть только один светильник, в юрте стало сумрачно и тоскливо.

Засыпая, Ан-ййлик сказал мне:

— Ночью пурга стихнет, один день будет тихо, потом пройдет большой ветер с севера, с гор.

Эскимосы редко ошибаются в предсказании погоды. И я решил на рассвете выехать из эскимосской деревни, чтобы до большой пурги попасть в Роджерс.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Близилась вторая полярная ночь — «большая ночь», как ее называют эскимосы.

Во время моей поездки в гавань Сомнительную из гавани Роджерса Петрик в припадке безумия чуть было не покончил с собой. Ему помешали.

Странно он вел себя перед этим: пошел на радиостанцию и, подойдя вплотную к старику радисту, протянул ему записку, в записке было написано: «Дорогой сын, прощай, сошел с ума, кончаю с собой, береги сестру». Радист принял записку и обещал отправить, когда будет работать радиостанция. Петрик закричал:

— Что ты меня обманываешь? Сейчас же пускай мотор и посылай на материк, а то и ты со мной издохнешь вместе, собака!

Радист, напуганный, выскочил из радиорубки и побежал к начальнику острова. Начальник острова послал

---

¹ Кукуль — меховой мешок, спитый мехом внутрь, из шкур молодых оленей, служит для сна и защиты от холода.

врача успокоить больного, а записку передавать запретил.

У Петрика отобрали винчестер и большой топор, неведомо как к нему попавший. После этого Петрик долго плакал и кричал, что его сговорились извести на этом «ледяном» острове.

Вернувшись, я заглянул в хижину Петрика.

В хижине тускло горела свеча. Петрик лежал на постели в меховой шубе, в валенках, в шапке и в рукавицах. Глаза были открыты и дико блуждали.

На шум моих шагов он даже не повернул головы. В хижине неуютно, холодно, грязно. Я сбросил меховую тужурку, принес дров и затопил ему печь. Весело затрещал огонек, тепло медленно наполняло хижину. Потом принес снегу, вскипятил чай, подогрел мясные консервы и стал его кормить. Он все принимал безучастно.

НОЧЬ СУМАСШЕДШЕГО

15 ноября, окончив работу по гидрометеорологии, отправив сводки на материк, я по обыкновению запряг собак и уехал до вечера в горы осматривать капканы. Вечер чудесный, вызвездило. На севере играли сполохи. Снег, плотно убитый пронесшимся ветром, был твердый и скользкий.

Собаки весело мчали нарты, повизгивая, радуясь близкому отдыху и порции мяса. Вот промелькнула Совиная речка, маленькая, почти незаметная, берущая начало в тундре у подножья Красного камня. Крутой спуск на лед бухты — и нарты весело заскользили по гладкой поверхности Роджерса.

Собаки свернули к дому со стороны лагуны, пошли тише и скоро остановились у дверей.

Мой передовой — «Врангель» — заворчал. Я встал с нарт и заметил, что из-за угла дома метнулась какая-то тень. Собаки рванули, я вскочил в нарты, но, когда подъехал, никого уже не было. Во всех окнах было темно, но чувствовалось, что кто-то следит.

Это мог быть только сумасшедший.

Распряг собак, накормил их, посадил всех на привязь, вошел в дом, зажег лампу и, взяв винтовку, тихонько снова вышел на улицу.

Было тихо, только море дышало и лопался с треском лед. Вероятно, шел прилив. Приливные волны поднимают и опускают лед, — он от этого лопается.

Тихий шорох; скрипнула дверь — и из хижины вышел Петрик. В полосе света из окна Петрик стоял с топориком и банкой. У меня мелькнула мысль, что он хочет поджечь радиостанцию, нашу связь с внешним миром.

Вдруг Петрик дико захохотал и начал кривляться, размахивая топориком. Потом он начал кого-то гнать, замахиваясь топором, и заплакал.

— Ой, не мучьте меня, лучше убейте. Лед. Лед. Лед. Ну постой ты, собака, начальник ледяной земли.

Он побежал в сторону дома фактории. Я тихонько последовал за ним и, спрятавшись за моторным вельботом, следил, что будет дальше. В окнах Минеева было темно, они были наполовину занесены снегом. Петрик встал на четвереньки и подполз к окнам.

Спавший в снежной лунке вожак из запряжки Иосифа — «Нукен», увидев ползущего человека, испуганно вскочил и залаял, предупреждая об опасности. Затем завyla вся свора.

Петрик начал по-собачьи рыть руками снег под окнами и тоже завыл. Он взял положенную на снег банку и, звякнув ею о топорик, стал зарывать. Окончив, он встал, тихо пошел к своей хижине.

«Нукен» смолк, а я, крадучись, незаметно вернулся опять на старое место, за сугробом, к пороховому складу.

Петрик подкрадывался к моему окну. Окно бросало яркий свет. Вдруг он круто повернул и быстро пошел в мою сторону. Снег хрустел под его ногами, в руке он сжимал топорик и тихо смеялся. Еще немного — он откроет мое присутствие и, вероятно, бросится на меня.

Чтобы предупредить, я поднялся и пошел ему навстречу. Он дико закричал и убежал к себе в хижину. Из хижины в молчании ночи вырывались дикие крики:

— Покойник, покойник из-под льда! Помогите!

У меня холодок пробежал по спине. Всю ночь он ходил под окнами, завывая и смеясь безумным смехом.

В эту ночь я не мог сомкнуть глаз.

16 ноября утром я встретил Минеева в складе фактории. Минеев и Иосиф отпускали товары эскимосам, приехавшим обменивать моржовые клыки и песцовые шкурки. В складе был и врач. Я рассказал Минееву о ночном поведении сумасшедшего. Минеев спросил, обращаясь к врачу:

— Доктор, слышишь?

Врач, не оборачиваясь, ответил:

— Слышу.

В этот же день Минеев предложил нам всем остерегаться, так как за больного ручаться было нельзя.

Началась напряженная жизнь. Все ходили настороженными. Старик радист, видя вокруг возбужденных людей, приходил в ужас. Ему казалось, что кто-нибудь нечаянно может застрелить или поранить его. Ночью он обкладывался шубами, одеялами, лез в спальный мешок, а сверху клал тулуп, чтобы пули не смогли пробить и поранить его. Во сне он вскрикивал и стонал. Ему снилось, что его уже ранили или он попал во власть сумасшедшего. Это может быть смешно, но это очень страшно в ледяной стране.

НА КРАЮ ГИБЕЛИ

В конце ноября я поехал со своим другом Нноко на северную сторону острова за медвежьим мясом. Нноко осенью и в начале зимы убил одиннадцать белых медведей, — ему повезло. Мясо моржа, выгруженное осенью на восточной стороне острова, послужило прекрасной приманкой для медведей. Они шли на запах моржового

мяса и натыкались на Нноко, который открыл во-время хищничество медведей и стал добровольно, не без выгоды для себя, караулить мясо.

Он разбил на скале палатку, попивал чаек, курил трубочку и ожидал гостей. Как только появлялся медведь, Нноко спокойно, в безопасности прицеливался со скалы и убивал вора, спускался вниз и спешно снимал шкуру, так как встречаться с медведями внизу Нноко не любил.

Я запрет собак, передал метеорологические наблюдения младшему радисту, и мы выехали.

К нашей досаде, ночь была хмурая, темная, только где-то вверху, сквозь клочья облаков, полыхало северное сияние. От этого неровного, вспыхивающего света по снегу, по льду, по тундре, в ущельях перебегали бесшумные таинственные тени.

Собаки бежали быстро, изредка взвизгивая от нетерпения, когда какая-нибудь начинала отставать. Нарты легко скользили по ледяному насту. Проехали медвежий перевал. Меня стало клонить ко сну. Я завернулся в меховое одеяло и уснул, — я знал, что собаки не отстанут от нарты Нноко. Проснулся я от свиста ветра и остановил собак. Нноко тоже остановил свою упряжку и, подойдя ко мне, сказал:

— Потерял дорогу в пурге.

Я достал компас, посмотрел и увидел, что мы едем уже не на север, а на восток. Сколько времени мы так ехали, не знаю.

Нноко сказал:

— Все равно, едем к морю, там вдоль берега найдем юрты, а то пурга еще больше задует, спешить надо.

Поехали, пурга усилилась, ветер рвал, эскимосские собаки не шли впереди, ложились в снег, прячась от ледяного ветра.

Пришлось впереди ехать мне. Мои собаки выносливее, легут, только головы к снегу наклоняют. Собаки Нноко с трудом шли за моими нартами.

Так проехали еще часа два. Я доверился собакам, по-

тому что в этой свистящей мгле ничего не видел, но я упустил из виду, что передовиками у меня идут молодые горячие собаки. Они случайно попали на свой же след и гоняли по большому кругу.

Узнал это я по стрелке компаса и по ветру. Остановился. Подъехал Нноко. Мы решили, что он поедет впереди, так как у него впереди опытный старый вожак.

Только он разогнал и помчался — я услышал из мглы крик. Я понял: Нноко сорвался с упряжкой со стаметровой высоты на морской лед.

Остановив собак, я подбежал на край, лег и стал глядеть вниз; в темноте я еле различил — на выступе что-то копошилось.

Я окрикнул: — Нноко! Нноко! Что с тобою? Ты жив? Слабый голос ответил:

— Жив, голову разбил да морду. Сдохну наверно, узко, вниз лететь далеко. Скорей спасай, друг, помогай.

— Держись крепче, Нноко, не сорвись.

Я подбежал к своей нарте, взял остол¹ с железным шипом, веревку и при помощи собак вытащил Нноко и его упряжку.

Удивительно умные у него собаки. Когда они упали, одна из них повисла в воздухе, а остальные уцепились когтями за карниз выступа и, полулежа, не шевелились, понимая, какая страшная опасность им грозит, если хоть одна сорвется вниз.

Оказалось — вместо пологих перевалов мы заблудились и выехали к мысу Уэринг на восток. Здесь скалы отвесны.

Если бы не выступ, от моего Нноко и его собак получились бы мешки с изломанными костями. А если бы впереди ехал я, то на выступе не удержался бы, у меня тяжело груженная нарта и широкие полозья. Отдышавшись от испуга, Нноко произнес какое-то эскимосское

---

¹ Остол — палка с железным наконечником для торможения нарты (саней).

заклинание и наотрез отказался ехать впереди, так как около нас ходит «старушка тень».

Поехал впереди я, и не скажу, чтобы я хорошо себя чувствовал. Собаки мчатся, нарта скользит, раскатывается, а вокруг мгла, пурга.

Часа через три мы выехали на крышу юрты Иноко. Эскимосская деревня была схоронена под снегом. Распрягли и накормили собак, поели сами, выпили чаю, и мой эскимос уже храпел с обрадовавшейся его приезде женой Хтыкакх. Оба сопели довольно внушительно.

Я не спал, несмотря на то, что сутки находился в пути. С моря со льдов неслась со свистом пурга, за стенами юрты выл ветер.

Я впустил в юрту своих собак. «Корсар», молодой вожак, мой любимец, был очень доволен, он разлегся около огня, протянул лапы и смотрел на меня долгим, проникающим взглядом.

ЗИМНИЕ БУДНИ

Через несколько дней я приехал с северной стороны острова домой в гавань Роджерса. Каким уютным, милым показался мне мой чистый уголок после дымных юрт! Принял ванну, одел чистое белье, постелил хрустящие простыни, побрился, позанимался гимнастикой.

Стакан красного вина, апельсин в сахаре, сигаретка, книжка «Море родное» Бласко Ибаньеса, тишина моей комнаты, кресло и отдых под напевы ветра за окнами — все это действовало успокаивающе.

Возвратясь домой, я узнал, что наш повар в забросе, врач не обращает на него внимания и занимается ловлей песцов.

Я зашел к Петрику. Он сидел грязный, заброшенный. В помещении грязь, холод, полумрак. На стене прибит огромный белый крест.

Я написал начальнику записку, в которой был слишком резок. Начальник вызвал меня и спросил, что я могу предложить, так как врач, по его собственному заявлению, с этим делом один не справляется, а другим никому нельзя показаться на глаза душевно-больному. Я сказал, что буду помогать врачу в уходе за товарищем.

Начальник согласился, согласился и приехавший с добычей врач.

И вот я начал ходить за больным. Больной стал бояться, что его отравят. Взявшись за уход, я делал это добросовестно и несколько ночей подряд провел в хижине Петрика.

Врач относился ко мне иронически и всех уверял, что я скоро брошу это дело.

Я ходил за больным один. Врач стал беспечен и появлялся только для того, чтобы вспрыснуть больному морфий, усыпить его и дать ему возможность отдохнуть. Остальное время он ездил на приманки и в гости на мыс Бюссом к охотнику эскимосу Таянна, за сестрой которого — эскимоской Пувзак — он усиленно ухаживал. Пувзак была женой охотника эскимоса Югунхака.

Однажды вечером врач сидел у больного, пока я ходил обедать и отдыхать перед предстоявшей бессонной ночью. Вернувшись, я сказал врачу, что он может идти, к нему приехали гости Таянна и Пувзак.

Уходя, он мне оставил инструкцию: «Если больной начнет буйствовать, вспрысни ему два кубика морфия».

Я дежурил и читал. Больной спал; ночью стремительно вошел испуганный врач и встревоженно спрашивает:

— Укол морфийный делал?

— Нет.

Врач облегченно вздохнул и обрадованно сказал:

— Слава тебе господи, ты его мог убить, отправил бы в селения горние, — ведь я ему уже вкатил большую дозу.

Я чувствовал, как побледнел. Я мог убить больного.

Незаметно подошел новый 1931 год. После многих бессонных ночей я не выдержал. Мне захотелось пойти к людям, послушать граммофон, выпить стакан рому, поговорить и посмеяться, хотелось услышать настоящий веселый смех.

Пошел встречать новый год на фабрику. Я знал — там будет Нюко и мы сможем сыграть в шахматы, повеселиться.

Новый год встречали весело. Эскимосы пели охотничьи песни, плясали, играли, говорили сказки, ходили в тундру стрелять.

Власова угостила всех прекрасным ужином.

В феврале я снова вошел в состав кают-компаний. Нас было четверо: Минеев, Власова, врач и я. Иосиф Павлов столовался со своей семьей отдельно.

Мы готовили почередно, и, нужно сказать, стол был отличный. Только со мною бывали казусы: я никак не мог уловить меру и всего приготавливал с излишком — «на маланьину свадьбу», как говорил Минеев.

Начну кашу варить — каша у меня, как в сказке, вылезала из котла и лезла с плиты на пол. Минеев и Варя смеялись моим неудачам и помогали переготавливать обед снова. Постепенно я научился готовить на несколько человек.

Я был рад тому, что мы будем опять вместе: одинокое житье мне надоедало, а возня и уход за сумасшедшим безумно утомляли.

В наш маленький коллектив опять внес раздор врач. Он находил все невкусным, плохим и поговаривал о том, чтобы уйти из кают-компаний. В это время было уже известно, что врач решил жениться на эскимоске Пувзяк, жене охотника Югунхака. Пувзяк ушла от Югунхака и перешла жить к врачу. Врач попросил разрешения, чтобы Пувзяк перешла к нам на стол. Минеев и мы согласились.

Нас стало пять, но лучше от этого не стало. В конце

Начальник острова тов. Минеев, врач и радист
тов. Боганов.

февраля с душевно-больным был буйный припадок, и мне с врачом пришлось его связывать, одевать смири-тельную рубашку.

Незаметно подошел март, полярная ночь кончилась, выглянуло солнце, дни стали длинные, светлые, вместе с солнцем бедняге Петрику стало легче.

15 марта Минеев предложил мне отдохнуть и проехаться на медвежью охоту вместе с эскимосом Кивьяной. Я обрадовался. На медвежьей охоте я пробыл шесть дней — и не с Кивьяной, а со своим другом Нноко. Как я был счастлив снова дышать чистым воздухом, спать под открытым небом в кругу своих собак, видеть звезды и полярное сияние над головой, греться у пламени костра после длинного пути!

Я прекрасно отдохнул и окреп за шесть дней охоты на медведиц в горах.

В апреле Минеев и Павлов поехали на съемку острова и сбор геологических материалов, а мы с Варей остались. Врач, официально еще не ушедший из состава кают-компаний, редко выходил к столу, питаясь с невестой консервами и чаем у себя в комнате.

Минеев вернулся из поездки в середине апреля. Он привез интересный материал: заснял на кинопленку массу кадров. Власова и Минеев собирали коллекции птиц, животных, насекомых, составляли гербарий, собирали геологические образцы.

Кроме всего Минеев пополнял карту острова.

20 апреля прилетели зяблики, а 26 апреля прилетели кайры-пискуны, или краснолапки, как их называли туземцы. Кайры-пискуны — вестники близких теплых дней.

6 мая врач заявил, что он выходит из состава кают-компаний. Доктор с Пувзяк стали питаться отдельно. Мы остались трое — Минеев, Власова и я. Мы стали еще дружнее.

19 мая врач пришел к Минееву и попросил его зарегистрировать его брак с Пувзяк. Минеев зарегистрировал.

Охотник Югунхак прямо голову терял от отчаяния. Он ходил по юртам и всем эскимосам говорил: «Как можно так жить? Как жить охотнику без жены? Где взять жену? Нет на острове женщин. Надо бежать с острова».

Нам было жаль беднягу Югунхака, но что поделаешь? Препятствовать уходу Пувзяк к врачу мы не имели права.

После того как врач ушел из состава кают-компаний, он опять тесно сошелся с радистами.

25 мая прилетели гуси, на тундре в горах лежал снег, было холодно, весна ожидалась поздняя, холодная.

2 июня мы получили с материка радио о том, что шхуна «Чукотка» выходит из Владивостока и направляется к нам на остров после захода на северное побережье Чукотки. Радиостанции острова предлагалось держать связь со шхуной.

Мне начальник предписал давать ежедневные ледовые сводки и метеорологический бюллетень. Я знал эту шхуну еще во Владивостоке, знал льды полярного моря, видел состояние льда и не верил в возможность прихода шхуны. Мы все очень хотели избавиться от душевно-больного. Мы с нетерпением ждали газет, писем, журналов. Главное — нам был необходим уголь. Уголь у нас был на исходе. За зиму Петрик сжег много угля, он топил почти круглые сутки, а натопив, открывал дверь, и тепло уходило.

СНЕЖНАЯ СЛЕПОТА

8 июня Минеев, Власова и младший радист поехали за гусиными яйцами. Иосиф поехал в другую сторону тоже за яйцами, а врач по приказу Минеева остался в Роджерсе.

10 июня старый радист пришел ко мне в комнату и сказал:

— Званцев, у меня есть важная телеграмма для Минеева, она получена давно, но я не имел возможности ее передать. Нужно во что бы то ни стало доставить телеграмму Минееву. Весь вопрос — кто сможет.

Я пошел запрягать собак, времени терять на упрёки нельзя было.

Собаки запряжены. Я предупредил врача, что уезжаю вглубь острова искать Минеева, и просил, чтобы он один последил за сумасшедшим. Минеева я не нашел, но зато набрел на место их старого лагеря на перекрестке тропинок.

Там я оставил записку, а сам на следующее утро стал спешить домой — у меня безумно болела лобная и височная кость. Я сначала не знал, что со мной. Оказалось — я ослеп от нестерпимой белизны снега и ярких лучей солнца.

Только я успел повернуть назад, как уже ничего не видел, открыть глаза было безумно больно.

Я ощупью добрался до собак, сел в нарты и крикнул: Харди, Фрам, домой, домой!»

Упряжка поняла. Фрам вел упряжку по старому следу, по весеннему рыхлому снегу, до Роджерса.

Снежная слепота — страшная штука. Европейцы ей поддаются труднее, чем туземцы; туземцы каждую весну страдают снежной слепотой. Главное предупреждение заболевания — темные очки-консервы. Эскимосы часто носят наглазники — тонкие дощечки с маленькими дырочками по середине.

Бывают, что люди, которых снежная слепота поразила в пути, погибают от случайностей, которые подстерегают их в Арктике на каждом шагу.

Вернувшись в Роджерс, я лег в постель в темную комнату, чтобы дать отдохнуть глазам.

Не успел я лечь, как залаяли собаки. По их тону я понял, что вернулся кто-то свой. Оказалось — приехали Минеев и Павлов.

Минеев нашел мою записку у креста и поспешил в Роджерс. По дороге он нашел ослепшего Павлова и привез его в Роджерс. Иосиф чуть было не погиб: он, слепой, потерял след и провалился в трещину, наполненную рыхлым снегом и водой.

Счастье Иосифа, что его собаки не убежали с нартами и не бросили его одного.

Минеев, как заботливая нянька, устроил нас, ответил на телеграмму и уехал обратно в лагерь.

Весна была поздняя и холодная, с частыми метелями. Гусям и другим птицам было плохо. Тундра лежала под снегом. Наши колонисты находили яйца прямо на снегу.

5 июля мы получили известие, что шхуна «Чукотка» затерта льдами в устье Ванкарема, выгрузиться не может.

6 июля радисты связались с «Чукоткой».

После нескольких заходов на северное побережье Чукотки шхуна должна была во что бы то ни стало добраться до острова, снабдить нас углем и снять сумасшедшего.

ВЕСНА

С 22 июля, под влиянием ветра, началась подвижка льда. Лед взламывало особенно в восточной части острова, где были устья рек «Клер» и «Нашей». Пресные воды, выносимые бурными потоками с гор, размывали лед; полыньи росли, ширились и, наконец, соединившись, ушли за горизонт.

На востоке в больших разводьях около мыса Говай кричали моржи; их рыкающий рев доносился к нам. Собаки волновались, слыша крик мяса: их должны кормить свежим мясом, а люди даже вельботы не спускают в воду после зимовки. Что случилось?

Бухта Роджерс была покрыта восьмибалльным льдом.

ЛЕДОВАЯ РАЗВЕДКА

Однажды утром начальник позвал меня к себе и сказал:

— Ну, Званцев, шхуна «Чукотка» у мыса Северного; вероятно, скоро мы ее увидим на рейде в Роджерсе.

Минеев встал из-за письменного стола, посмотрел через окно на море, покрытое пловучими ледяными полями, затем пристально взглянул на меня.

Я понял: начальнику хотелось верить, что «Чукотка» достигнет острова, что будет у нас уголь, свежие овощи, газеты и научные приборы, а главное — шхуна заберет с собою сумасшедшего повара. Этого хотелось нам всем.

Но я верить в это не мог; я видел, что льды, окружавшие остров кольцом, не уйдут, и ответил:

— Нет, Минеев, еще год тяжелой борьбы с невзгодами обеспечен: в этом году ни шхуна «Чукотка», ни какое-либо другое судно к острову не пробьется. Мы в ледяном плену.

Начальник положил руку мне на плечо и просто сказал:

— Ты прав, пожалуй. Сделай ледовую разведку.

Я взял у него альтиметр (высотометр), компас, карту, маузер и ушел в горы на ледовую разведку.

Нерадостная картина открылась моему взору с вершины Аттернона. До горизонта, насколько хватал глаз, стоял девятибалльный сплоченный лед полями; только узким пятимильным поясом остров окружала полоска воды. В полынье плавала шуга — мелкобитый лед — и моржи.

Тоскливо сжалось сердце. Мы в ледяном плену. Что-то будет!

Я пошел в метеорологическую станцию — в свой любимый угол.

Моя метеорологическая при радиостанции сверкала чистотой, порядком и приборами. Один взгляд на приборы — и я вылетел пулей...

— Шторм! Шторм! Шторм идет!

Нужно предупредить начальника, чтобы скорее убрали сотни шкурок песцов, висевших на солнце для просушки; чтобы крепили брезенты, байдары, палатки, шкуры белых медведей, висевшие на вешалках, — иначе все сорвет и утопит в бухте.

— Начальник! Минеев! Шторм идет! Скорее крепить брезенты, байдары, палатки, убирать песцов, пушнину! Беда идет!

Минеев, ковыляя на короткой ноге, перебитой в восемнадцатом году басмачами, выскочил без шапки и закричал:

— Ивась! Ивась! Убирай песцов! Званцев шторма ждет!

Поднялся переполох: метались как угорелые, убирая в склад фактории песцов — валютную драгоценность... Эскимосы крепили брезенты, байдары.

Не успели окончить, как налетел шторм. Все засвистало, завывало, в воздухе пронеслось ведро. Помогая товарищам, я совсем забыл про свое охотничье хозяйство, и оно погибло в шторме.

Покончив с работой, Минеев подошел ко мне и просто сказал:

— Спасибо, Константин Михайлович, во-время.

Павлов усиленно мне моргал, показывая глазами на палатку. Я понял — Иосиф звал пить ром.

Шторм крепчал. На доме радиостанции снесло трубу. В береговой полосе чистой воды ходили гребни волн.

Я пошел в палатку Иосифа. Обо многом переговорили мы в ту солнечную ночь под грохот и вой шторма. Неоднократно до нас доносился хохот, и вопли Петрика. Безумец старался перекрычать шторм, стоя на берегу бухты. Ветер трепал его волосы и длинную бороду.

ГИБЕЛЬ «ЧУКОТКИ»

Уже лежа в постели, я увидел в окно, что холодная ясная полярная летняя ночь с ярким красным солнцем сменилась свирепой снежной пургой. Слушая грохот шторма и плеск волн, я думал, что шхуну «Чукотку» шторм задержит надолго, и, кто знает, каковы будут последствия!

Ночью я проснулся от резкого стука в дверь.

— Войдите!

Вошел второй радист. Лицо его было бледно, глаза как-то странно расширены:

— Что случилось?

Он глухо сказал: — «Чукотка».

— Что «Чукотка»? — вскрикнул я, сразу догадавшись.

— Да, «Чукотка» гибнет, дает сигнал бедствия, срочно просит помощи. Пойдем в радиорубку, там есть сводки, покажу.

Я вскочил, спешно оделся и, стиснув зубы от сильного волнения, пошел в радиорубку.

Шхуна «Чукотка» гибнет во льдах вместе с командой и пассажирами. На море свирепый шторм... в снастях и мачтах ветер воет на тысячи голосов, в двери радиорубки сквозняк врывается с тихим визгом...

Шхуна гибнет.

Бедняги! Мы, перехватившие случайно их сигнал бедствия, не в силах помочь. Что могли сделать мы? Мы стали звать станцию материка; позывные услышала корабельная станция «Колыма».

С напряжением ждали, что будет дальше. В радиорубке установилась круглосуточная вахта по приказу начальника острова, который ничем не выдал своих переживаний, — только стальные глаза еще больше углубились и замкнулись.

Шхуна, не переставая, звала на помощь.

Проклятие! Сидеть вот так в радиорубке, слышать призыв о помощи, знать, что во льдах холодного моря медленно гибнут товарищи, и быть бессильными...

26 июля начался шторм норд-вестового направления силою 10 баллов. Шхуна попала в сжатие льдов, льдом шхуне повредило рулевое управление, корму выжало на лед на восемь футов. А когда сползли, то повредили винт.

Лед сжимал сильнее, борта трещали; наконец были повреждены оба борта. Мачтовые ванты ослабли, в кормовой части полопался ледовой пояс. Пошла сильная течь обоими бортами. Все это в течение двух-трех часов. Течь стала сильнее, мотор для откачки воды работал

беспрерывно. Были мобилизованы все водоотливные средства шхуны.

Положение шхуны с каждым часом ухудшалось. Течь ликвидировать было невозможно. Находящиеся вблизи пароходы «Колыма» и «Лейтенант Шмидт», шедшие ежегодным рейсом в Колыму с товарами для Якутии и советского Севера, помочь не могли из-за шторма.

Шхуна терпела бедствие в 12 милях от парохода «Колыма» и в 7 милях от транспорта «Лейтенант Шмидт».

Еще короткое радио со шхуны:

«Пока держимся в сплошном штормующем льду, из всех сил стараемся спасти шхуну, пассажиров, есть женщины, дети. Паники нет».

Всю ночь и день 27-го июля просидели мы в радиорубке.

Боганов самоотверженно нес вахту во время связи с «Чукоткой». Он показал, как он умеет хорошо работать.

28 июля вечером опять поймали призыв на помощь. Шхуна еще держалась. В радиорубке Боганов круглые сутки ловил эти призывы о помощи и, включая мотор, передавал их кораблям, материковым станциям, которые теряли связь со шхуной. Все мы были напряжены.

Минеев ходил задумчивый, что-то подсчитывал, решал: его тревожил топливный вопрос, — ведь уголь был на исходе...

29 июля Боганов лег немного уснуть, попросив меня, как только шхуна начнет звать, разбудить его. Для меня это было трудное занятие, так как я почти ничего не понимал в радиопередаче и на-слух принимал из пятого в десятое. Но я все же остался на вахте.

Шхуна молчала. Работали только радиостанции «Колыма» и «Лейтенант Шмидт». Трагедия в полярном море все еще продолжалась. Шхуна и люди напрягали последние силы, а шторм все крепчал... Льды неумолимо давили шхуну, пришедшую из теплых вод солнечного

океана. Гибель была неизбежна. Мы с тревогою следили за борьбой.

Почти никто из нас не думал о еде. Минеев едва уговорил меня пойти и поесть как следует. Я послушал его и, так как изголодался, то съел девять котлет из медвежьего мяса.

30-го вечером молчавшая шхуна неожиданно сообщила:

«Потеряли остатки гребного винта, просим немедленно помощи»...

Шхуна пыталась выбраться из льдов к кромке льда вручную, при помощи ледяных якорей и брашпиля. На шхуне боялись, чтобы не стал мотор, работающий на откачке воды. Вода прибывала. Четвертые сутки экипаж проявлял неимоверные усилия спасти пассажиров. О спасении шхуны нечего было и думать.

Ночью 31 июля борьба за жизнь подошла к решительному моменту. Шхуна дала радио:

«Положение безнадежно. Если не подойдете, затонем... Слушайте каждые десять минут... Скажите, сколько время...»

Шхуне ответил «Лейтенант Шмидт»:

«Советую оставить шхуну, спасайте пассажиров, команду, себя. Высаживайтесь на лед. Вышлю, если позволит лед, на помощь команду. Берегите людей. Судно помочь бессильно, с опасением ждем шквалов. Капитан Миловзоров».

Ночью капитан шхуны «Чукотка» т. Фонарев сообщил, что выгрузит команду, пассажиров на подходящую льдину. Просил в бинокли следить за льдиной с людьми, чтобы не затерялись в море. К счастью, пароход «Колыма» под командой Сергеевского пробился к шхуне на расстояние одной мили и по движущимся льдам принял на борт пассажиров и команду «Чукотки». По пути

со шхуны на борт «Колымы» люди проваливались в ледяную воду, обмерзали под дыханием снежного Норд-веста.

Шхуна легла на борт, протянув свои мачты к людям ватем выпрямилась и, склонившись на корму, начала погружаться. У людей вырвался крик...

РЕЙС «ГАГАРЫ»

Промысел моржа подвигался туго: льды не пропускали большие стада моржей.

12 августа я приехал в Роджерс на каяке и не успел войти в комнату, как ко мне постучал радист и передал правительственную молнию:

«Целях успешного продвижения тралера «Гагара» к острову Врангеля, сообщайте ежедневно состояние льдов, направление, силу ветра, термометр — полдень, полночь. «Гагарой» командует Дублицкий».

Из дальнейших сводок мы узнали, что Дублицкий взял с собою эскимосов, собак, сани для экспедиции к острову по льду.

Это было неожиданно. «Гагара» была уже в пути. Я разбудил Минеева и сообщил новость. Было очевидно, что тральщик «Гагара» не дойдет, его затрет льдами и, вероятно, раздавит. Нельзя допускать второй полярной драмы. Нужно просить правительство, чтобы вернули «Гагару» назад. Остров не терпит бедствия.

Минеев сказал:

— Званцев прав, а уголь мы поделим на пайки, и пусть каждый экономит, — как-нибудь прозимуем.

Большинством голосов было решено отказаться от прихода «Гагары». К нашим голосам не присоединились только радисты. Правительству была дана телеграмма об отказе от судна, Дублицкому — благодарность от островитян.

Я продолжал давать сводки. Старый радист пытался замедлить их передачу, так как в сводках был «восемьбалльный сплоченный непроходимый лед». Он ссылаясь на то, что сводки больше сорока пяти слов. Пришлось просить помощи Минеева.

Через несколько дней получили ответ правительства. Рейс «Гагары» отменен.

Мы приготовились мужественно встретить третью полярную зиму и большую ночь.

**ТРЕТИЙ ГОД ЗИМОВКИ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА МАТЕРИК**

ИСТОРИЯ С ЛОПАТОЙ

Настала осень. Почувяв близость зимы, моржи стали уходить в южные широты. Грустно стало на острове.

Однажды мы вытаскивали вельбот на берег. Минеев, я, Иосиф Павлов и эскимосы. К нам подбежал Петрик и стал кричать:

— Спускай назад. В воду! В воду! Еще нет зимы. Зачем зиму кличете?

Я уговорил Петрика уйти в хижину. Войдя вслед за ним, я увидел в углу большую угольную лопату. Нужно было забрать ее. На тундре гуляли дети Павлова. Власова была близорука, к ней можно было подойти вплотную, только тогда она могла узнать — кто. Подкрадется к ней Петрик и убьет.

Петрик жарил лепешки. Масло на сковороде кипело.

Я потянулся за лопатой, лениво проговорив:

— Пойду угля накопаю.

Неожиданно Петрик, схватив ухват, поднял сковородку с кипящим маслом и бросил ее в меня; я едва успел закрыть лицо широким рукавом меховой куханки. Масло растеклось и испортило ее, за то я спас глаза.

Лопату все же взял и вышел, не оглядываясь, боясь, что Петрик стукнет меня топориком, лежащим у печи.

БЕГСТВО ВРАЧА

3 сентября, рано утром я пришел завтракать в кают-компанию.

Зашел к нам пить кофе и Иосиф. Мы кончали завтрак, а врач с женою еще лежали в постели.

Минеев несколько раз будил его. Врач продолжал валяться, а солнце было уже высоко, — часы считанные.

Минеев возмущенно крикнул в дверь:

— Да скоро ли ты?

Врач вызывающе ответил:

— Мотор заливать бензином я не пойду, и вообще на охоту не пойду, я бросаю работу.

Минеев, видимо, не был удивлен:

— Уходи, — спокойно сказал он, — управимся без тебя.

Распахнулась дверь, вышел врач и швырнул на стол заявление об уходе со службы. Повидимому, заявление было заготовлено заранее и врач ждал удобного момента.

Минеев спокойно взял заявление и приказал:

— Званцев, Павлов; идите, готовьтесь к отходу; через десять минут выходим в море, рулевым пойдет Власова.

Врач уехал на северную сторону острова, в юрту Таянги. Приезжающие туземцы со смехом говорили: «С доктором весело жить, все время говорит. Хорошо врет».

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Однажды я выбрал теплый вечер после шторма, сел в каяк и заскользил вдоль берега. Под веслами светилась вода.

Я сидел в каяке не шевелясь, отдавшись на волю течения. Меня относило все дальше от берега. Вошел во льды, меня медленно проносило мимо льдин, на которых лежали и стонали моржи. Под килем каяка прошел тюлень и оставил фосфоресцирующий след в глубине.

Мне хотелось выстрелить в эту сопящую, стонущую темноту, выстрелить и закричать. Сотни моржей ринулись бы в воду. От волнения стали бы рушиться высокие льдины. С ревом вздыбился бы медведь. Кинулись бы

в воду нерпы и морские зайцы. Закричали бы взбудораженные чайки. Я сдержался и тихо начал грести, скользя из полосы льдов на чистую воду.

Вернулся поздно. Светало. На воду опустился тяжелый туман.

Выспавшись, встал свежий, отдохнувший.

СТЕПАН СТАРЦЕВ

С материка пришло радио:

«Обязать врача под страхом лишения пайка приступить к своим обязанностям».

С уходом врача, Минеев взял помощником промышленника Степана Старцева.

Это был огромного роста, страшной силы парень, исполнявший ранее на Чукотке обязанности районного милиционера. Очень добродушный и застенчивый.

Однажды Степан вернулся с охоты, вошел к себе в юрту обрадовать жену убитым песцом. Винчестер оставил он на санях. Собаки увидели пробежавшего песца и, таща за собой сани, бросились догонять его.

Смеркалось, а Степан сидел, попивал чаек, ел мясо и с больной женой, эскимоской Синеме, разговаривал.

— Вот, Синеме, хорошо бы сейчас медведь попался. Продам бы шкуру на факторию и мясо свежее было бы.

Вдруг в коридоре треск, кто-то идет и недовольно ворчит.

Думал Степан — гости приехали, и кричит через дверь по-эскимосски:

— Кинямо — таге? Кто там? войди!

У дверей хруст. «Ну, думает Степан, не найдет гость дверей». Встал Степан, подошел, открыл и закричал в страхе. Даже присел у захлопнутой двери. В дверь на него глянула любопытная морда медведя, случайно забредшего в занесенную юрту.

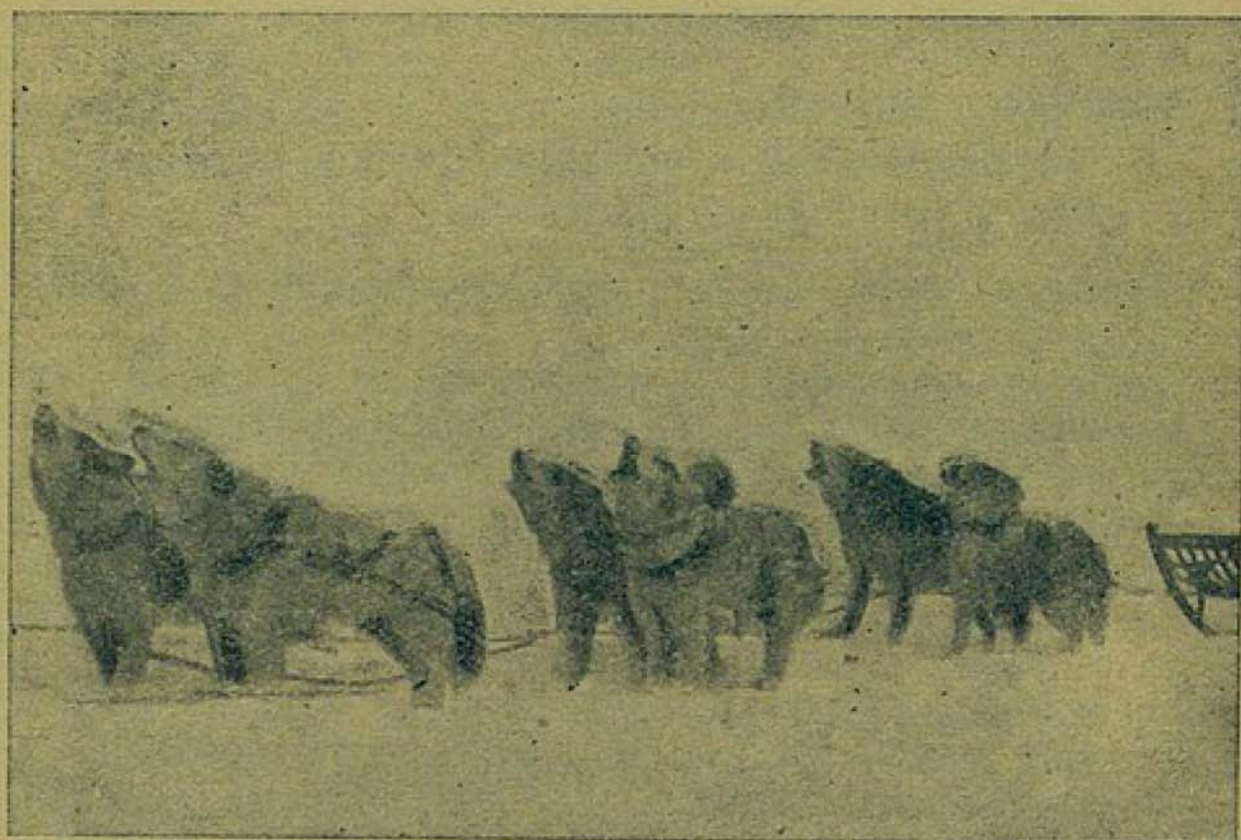
Жена закричала.

И винчестера нет, и медведь в снежном коридоре.

Так и лежал медведь сутки, пока не приехали из гавани Сомнительной эскимосы, поймавшие собак Степана, они убили медведя.

Мне Степан помогал во время буйных припадков связывать Петрика.

Петрик сжег все свои вещи, печь пытался топить камнями, землей и бесился, что все это не горит.

Поймал как-то в коридоре ездовую собаку Вари Власовой и повесил ее. Едва спасли несчастное животное.

После ухода врача, его обязанности взял на себя Минеев; он сам лечил эскимосов. Они удивленно говорят:

— Зачем тебе нужен доктор, когда ты, умилек-начальник, помогаешь лучше и скорее?

За фармацевта работала Варя, а Иосиф — переводчик и фельдшер.

Началась полярная ночь. Северное сияние срывало прием радиосводок, сигналов и депеш. В наушниках стоит дьявольский треск и шипенье, как при атмосферных разрядах.

Врач, подчинившись приказу с материка, вскоре приехал обратно и приступил к работе.

КАШЕЛЬНЫЙ ЧОРТ

Заболел эскимос Нувок. По поверью — в него вошел чорт. У туземцев легион чертей. Эпилептиков мучит кривой плюющийся чорт... Чахоточных красный чорт. Если у кого-нибудь распухла нога, то шаман говорит: «Невидимый дутый шар прокатился по юрте и во время сна влез в ногу».

Эскимосы верят, что, когда человек умер, после него остается «память». Эту «память» стараются задобрить в дни «кормления покойников».

Когда здесь стоял «Литке», все чукчи и эскимосы начали кашлять; шаман объявил, что пароход привез «кашельного чорта».

Лечит шаман так. В юрте гасят светильники. Перед шаманом сидит голый больной. Шаман бьет в бубен и дует больному между лопаток. Под рокот бубна шаман поет песню. Находящиеся в юрте женщины помогают ему.

Бубен гремит все сильнее, во мраке юрты слышны крики чаек, рев моржей, рычание медведя, хриплый лай песца. Эскимосы цепенеют от страха...

На острове шаман Аналька.

Он шаманил на меня гибель, болезнь, тоску и... боялся меня ужасно.

Когда эскимос убьет белого медведя, снимая шкуру, он снимает и череп. Дома шкуру расстилает и, срезав с нее жир, раздвигает черепу челюсти, вставив между ними палочку.

Перед черепом ставит угощение, играет в бубен и

время от времени говорит: «Не я тебя убил, пуля убила... кушай, кури, спасибо, только не сердись...»

«Я ВИЖУ»

Я и Нноко решили вдвоем охотиться на белого медведя. Я хочу научить туземцев охотиться коллективно, так как они еще твердо следуют закону «кто увидел».

Закон следующий: эскимос, увидя зверя, произносит: «Я вижу».

Спрашивают — что видишь?

— Медведя. Пойдите и убейте, у нас будет мясо, много мяса, большая еда.

Если зверя увидел ребенок, женщина или старик, тогда сильные охотники идут и убивают зверя, шкура зверя принадлежит увидевшему, а мясо — всем.

Этот закон открывает широкие возможности для эксплоатации. Бывает так: сильный, зажиточный туземец, вооружившись биноклем или трубой, восседает на крыше юрты или где-нибудь на медвежьем пути и выглядывает зверя. Увидя двух-трех медведей, он указывает их направление охотникам, которые, сломя голову, несутся на собаках вслед. Нередко охотник теряет в этой охоте несколько собак, которых разрывает медведь. Убив медведя, охотник получает часть мяса, а шкуру отдает увидевшему медведя. Так родовой закон «кто увидел» обращивается против бедняков. Вот почему я хотел приучить туземцев к коллективной охоте.

Мой выбор остановился на Нноко, и я решил, что мы убьем вместе большое количество медведей и будем считаться первыми охотниками на острове.

Минеев очень сочувственно отнесся к моему плану и разрешил нам охотиться на восточной части острова. Он даже указал места, где видел множество медвежьих следов. По его словам, мы попадем в новую вахлю Карвайен — «Медвежья деревня». Он очень просил меня быть осторожнее и зря не рисковать, говоря, что у меня горячая голова.

ПУРГА

12 марта на рассвете я и Нноко после легкого завтрака оставили Роджерс. Наши нарты легко скользили по льду гавани. Весеннее холодное солнце нас с Нноко не пугает. Мы были одеты тепло: меховые штаны, меховые рубашки, меховые носки, меховые сапоги-торбаза. Рукавицы и меховые шапки.

К вечеру добрались до реки Клер и сделали привал. В старой юрте Тагью вскипятили чай, разогрели консервы, выпили спирту.

Поехали дальше. Только перевалили через Северную речку, — нас захватила пурга.

Собаки сильно устали; снегом им слепило глаза, и они часто останавливались, протирали лапами морды или облизывали друг друга. Дальше ехать было нельзя. Мы остановили собак и решили заночевать.

Развязали груз и установили хлопающую на ветру палатку, укрепили колья, окопали снегом. Потом Нноко принялся за приготовление чая, ужина, а я накормил собак и вырыл им в снегу ямки для спанья и защиты от ветра.

Влез в палатку. Меня сразу же охватило тепло, плывущее от примуса. Палатка наша прочная, просторная и теплая. Я шил ее по типу той палатки, которая была у Амундсена во время его знаменитой экспедиции к южному полюсу.

Весело гудела керосиновая плитка, шипело варившееся мясо, трепетало пламя свечей; было уютно.

Мы стали ужинать. Я весело смеялся, слушая рассказы моего Нноко о том, как он был влюблен в американку Мэри Томсон и как он разочаровался после того, как узнал о ее коварстве.

Мэри Томсон угостила Нноко вареньем, которое прислали ей на Чукотку из Аляски. Нноко ел варенье с белым хлебом; это была вкусная, веселая еда.

А после Нноко чуть не изощел поносом, так как ва-

ренье оказалось слабительным для детей. Целую неделю он не затягивал ремня на меховых штанах.

К утру пурга утихла. Мы уложили груз на нарты и запели веселую эскимосскую охотничью песню, собаки в такт песне взвизгивали и веселее тянули нарты.

Лагерь разбили в восточной долине. Убил двух медведиц. Медвежат взял живьем. Решил отвезти в подарок Варе. Медвежата шли за мной, как собаки, до самой палатки. Когда они уставали, то принимались кричать, чтобы обратить на себя мое внимание. Я присаживался, а они ложились возле меня и лизали мне руки.

Нноко был поражен, но истолковывал все по-своему. Он говорил, что во мне течет медвежья кровь, — медвежата это чувствуют и идут за мной.

ОХОТА НА МЕДВЕДИЦУ

Нноко был напуган моим обмороком. Но замечательнее всего то, что он, помня мою страсть к фотографии, первое, что сделал, подоспев ко мне на помощь, — сфотографировал меня, лежащего без сознания, с придавленной левой ногой и рукой, вместе с убитой мною медведицей.

Когда я пришел в себя и оправился, он сделал еще два снимка для себя на память, хотя мне и больно было стоять.

Я все же не мог отказаться постоять, пока он, сопя и кряхтя, наводил аппарат. Если бы эту картину видели люди с материка, они были бы здорово изумлены, видя эскимоса-фотографа. Сняв, он попросил:

— Вот, парень, прояви, пожалуйста, когда приедешь в Роджерс, и сделай мне карточку. Ты вышел живой из берлоги из лап медведя. Таких я больше не встречу, мне это запомнится.

Я засмеялся:

— А если ни черта не вышло?

Нноко возмущенно буркнул:

— Что может быть, я все сделал как надо. Если не выйдет, значит ты плохо учил.

Ого! Вот это парень! Ему бы кинооператором быть.

Случилось все вышеописанное так. Утром около небольшой речки, по недавно выпавшему снегу мы нашли свежий след и вскоре увидели две берлоги в расстоянии километра одна от другой.

Подъехав к первой берлоге, я сошел с нарти и пошел к ней со своим «Харди» и «Фрамом». За мной ковылял Нноко с лопаткой для раскапывания берлоги и с веревкой, но без ружья. На снегу ярко отражалась его тень.

Я засмеялся и сказал:

— Нноко, ты что же винтовку не взял?

Он сплюнул и глянул на меня своими добрыми глазами.

Я покачал головой, мне льстила его вера в мое хладнокровие и меткость, но все же я ему сказал:

— Ну, Нноко, а если я промахнусь?.. А медведь будет «сухой», не жирный? Пропадем оба.

Нноко засмеялся:

— Ну, твой смерть — старуха веселая, идет пляшет, да не скоро припляшет.

Мы поднялись на гору к облакам.

«Харди» около берлоги поднял лай. Шерсть на нем дыбилась, — он брал медведя. Только залаял «Харди», шагах в десяти от нас выскочила свирепая матуха и кинулась в сторону Нноко. Тот от неожиданности плюхнулся в снег и проглотил табачную жвачку.

Я вскинул винтовку и свалил зверя пулей в голову. «Харди» остервенело стал рвать его, я его отгонял. А у Нноко... сильно заболел живот от этой неожиданности. Приключилась с ним «медвежья болезнь».

Когда он наконец оправился, то стал снимать шкуру и петь о том, какой смелый охотник, какой хитрый и злой медведь, как жаль проглоченной от страха жвачки.

Я стоял и хохотал над этой импровизацией.

Нноко выпрямился и с упреком сказал:

— Ну, что же ты не убиваешь другой медведь? Зверь

не любит ждать смерти, он станет очень сердитый, захочет твоей крови. Спешу, неси ему смерть.

Я закурил папиросу, позвал «Харди» и, наполнив магазин винтовки патронами, пошел к берлогу. Оборачиваясь, я видел, как мой Нноко тянулся вслед мне взглядом, потом бросил снятую шкуру и пошел к нарте за винтовкой. Фотоаппарат нелепо болтался у него за плечами. Мой Нноко ковылял, как утенок. Чорт возьми, я его люблю, а он как тень всюду за мной... мой друг.

Поднялся я на гору, под карнизом нашел берлогу и остатки убитой и съеденной собаки. Кто-то уже пытался убить матуху, да потерял собаку, а может и не одну. Значит, очень сторожкий зверь, берегись, «Харди»...

«Харди» стал лаять в темное отверстие берлоги. Не успел я опомниться, выскочила с ревом матуха. Я нажал спуск... выстрела не слышал, так как была осечка. Я резко почувствовал боль, толчок, удар и мигом очутился наполовину затащенным в берлогу.

Нноко говорил:

Я схватился за кобур кольта, но матуха придавила меня лапой к стене и отбивалась от «Харди», яростно налетавшего на нее; его зубы — волчьи клыки, рвали матуху. «Харди» вскочил в берлогу и вцепился матухе в нос и губу.

Медведица взревела и выпустила меня. Я мигом вскочил и упал. Нога нестерпимо болела, ныло все тело.

Лежа на боку, я выхватил кольт и выстрелил три раза подряд в голову медведице, которая, отбросив залитого кровью «Харди», опять кинулась ко мне.

Больше я ничего не помню. От боли закружилась голова, меховая одежда промокла от крови... Помню только, что мертвая медведица рухнула на меня. И еще помню подползающего «Харди».

Нноко рассказал, как он бежал ко мне.

Подбежал он и видит, что я жив, но только попал в очень короткий сон. Медведь смотрит мертвым глазом. Тогда Нноко и решил сфотографировать.

МЕДВЕЖАТА

В конце апреля кончилась медвежья охота. Для медвежат начинается суровая жизнь. Они должны пройти сложную школу. До сих пор они питались молоком матери да молодым мхом из-под снега, а теперь они должны попробовать крови свежего мяса.

Завизжат от страха медвежата, внезапно сброшенные толчком материнской лапы в студеную воду полыньи. Забарахтаются, зафыркают и от сильного испуга вздыбят шерстку на затылке, ощерятся и поплывут к матухе, которая кинется вслед за своими пестунами, зорко глядя, куда и как поплывут медвежата. Что поплывут медвежата, знает матуха наверняка: смутно вспомнит себя в этом возрасте и свою огромную облезлую тощую старую мать с лысой переносицей, с множеством шрамов, безухую и хромающую от гарпуна голодного эскимоса с плохим американским ружьем, давшим осечку.

Научит матуха по запаху определять опасность. Поведет в сильный ветер с берега пестунов к жилью человека, потянет сильно волнующим теплым запахом, зарычит, оскалит клыки и начнет подталкивать медвежат на запах.

Заволнуются, испугаются пестуны, инстинктом поймут значение запаха и волнение матери. Вздыбят шерсть на спине, поднимутся на задние лапы, потянут поглубже запах, доносимый ветром, и заурчат, подражая матери. А матуха тем временем незаметно шлепнет увесисто одного, другого и бросится, что есть силы, бежать.

Кувырнутся со льдины медвежата, заверещат от боли и страха, зафыркают, вскочат, оглушенные, и кинутся вслед с плачем, стараясь догнать.

ЗАПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Прилетели кайры-пискуны, чайки и гаги.

У Пали умерла дочь, маленькая эскимосочка, моя

любимица Пврона. Это четвертая смерть за три года на ледяном острове.

В прошлом году погиб мой воспитанник, эскимосик Махлютай. Он в туман попал на молодой лед, провалился и его затянуло под лед.

Зимовщики пеняли мне на холод и пурги. Хотя я и метеоролог, «начальник погоды», как меня называют эскимосы, но я ведь не мог изменить климатические условия этого полярного клочка земли.

Приезжал Нноко из северного становища. Рассказал, как там плохо живет моему воспитаннику Нанивгаку. Бедный мальчик почти голодает, износил одежду, часто прихварывает. Я говорил с Минеевым. Мы решили пока поселить его у меня. Я займусь его развитием; обедать он будет в кают-компании; мы его приоденем.

Я послал ему с эскимосом письмо, написал:

«Нанивгак, как только получишь мое письмо, сейчас же собирайся и приезжай ко мне вместе с Нноко. Слушай его, он скажет, что нужно тебе делать, как поступать. Не слушай ваших стариков, не обращай на них внимания, пусть работают сами или наймут работника. Ты устал, изголодался, они о тебе не думают. Бросай все и сейчас, как только Нноко поедет в большую дорогу, поезжай с ним на моей нарте, собак он даст. Приедешь ко мне, у меня отдохнешь, поправишься, а затем вместе поедем на материк, где ты будешь учиться. Ну, прощай, не медли, желаю тебе счастливого пути, мой славный мальчик.

Твой Званцев».

Минеев получил телеграмму из Москвы от Савенкова. Тот сообщает, что экспедиция выйдет из Владивостока в этом году. Настаивает, чтобы ей был придан гидросамолет. Пишет, что на остров пойдет новое судно, имеющее крепкий ледовый пояс и сильное крепление. Просит

сообщить ему ледовые бюллетени с 20 октября по 10 ноября. На что ему такие поздние числа?

Я попрежнему хожу за больным... Удивительно непоследовательный этот врач... То он говорил, что он не может со мной работать, кляузничал, всячески старался скомпрометировать меня. А сейчас, когда сумасшедший его напугал, он нашел возможным работать со мною и даже читает мне лекции по психиатрии и по уходу за больными.

Нам пришлось насильно освобождать больному мочевой пузырь: он трое суток держал мочу, пришлось прибегнуть к помощи катетера. Больной грозился кровавой расправой, рубашку с него еще не сняли.

Он себя называет 82. Мы тоже называем его 82. «82, ложись спать!», «82, садись обедать!», «82, не скандаль!»

С северного берега острова привез мне мой эскимос Нанивгака. Мальчуган был рад, что вырвался из лап родственников. Живет он у меня. Утром пришел ко мне, я еще лежал в постели, поздоровался и говорит:

— Званцев, можно взять у тебя немного моржового мяса?

Я спросил:

— Для чего тебе?

— Мне нужно покормить собак.

— Сколько же у тебя собак?

— Один.

Я рассмеялся, разрешил ему взять мяса и затем послал на факторию к Иосифу за мочалкой.

Нноко перебивается к Драм-Хеду. Сюда в Роджерс перебивались Паля, Етуй с семьями. Их палатки рядом с Скурихинской юртой. Прилетели черные гуси, поморники, белогрудые кайры... А за окном пурга.

РАДИОГРАММА

16 июня получили радиogramму: на остров Врангеля идет уже другое судно — «Совет» — под командой Дуб-

лицкого. На острове будет новая радиостанция, электростанция, утилизационный завод моржового и тюленьего жира и шкур, культурное разведение пушного зверя, большой промысловый парусно-моторный флот. Едет много европейцев. Начальником острова назначен Савенко, он зимовал здесь три года до нас. Едет с женою Антониной Сергеевной. Затем врач, фактор, горный инженер, три метеоролога, три радиста, переводчик. Всего должно приехать 14 государственных служащих и 14 колонистов (чукчей) — все с семьями.

Я размечтался... Пройдет еще полсотни лет. В этой пустыне засвистят поезда, загорятся маяки, загудят цеппелины, зазвонят в кинематографах скрипки, а на аэродромах будут стрекотать аэропланы. Скоро мы и на полюсе зажжем гигантскую лампочку Ильича.

СМЕРТЬ НАЛЬХУТКАК

17 июня привезли с запада больную аппендицитом эскимоску Нальхуткак. Врач еще в 1931 году собирался ее оперировать, но почему-то откладывал.

Теперь, через несколько лет после начала болезни, когда Нальхуткак стала терять сознание от боли, он решил делать операцию.

Он пришел ко мне и стал просить помочь.

Я растерялся от неожиданности. Врач говорил, что на меня он может положиться, так как я такой парень, что резаным человеком меня не удивишь. Пораздумав, я согласился. Врач ушел, крепко пожав мне руку.

В памяти всплыли далекие картины моей первой полярной зимовки на мысу Маре-Сале в 1925 году. Зимовало нас трое в Карском море. Радио у нас не было, жили в полуразрушенном домике.

Мне было всего восемнадцать лет.

У нас не было хорошей, теплой одежды. Наши запасы наполовину подмокли, часть унесена штормами, топливо тоже смыло волнами. Несмотря на бедствия, мы жили

дружно, нас это не сломило. Мы смело смотрели в глаза будущему. Жизнь на нашем мысу была построена на товариществе, взаимном уважении, на человеческой чуткости и выполнении долга.

Мы выжили, несмотря на то, что наш третий, повар, заболел цынгой, несмотря на то, что старшему в полярную ночь взорвавшейся берданкой выбило глаз и искалечило голову.

Я впервые тогда делал операцию потерявшему сознание товарищу. Я удалил разбитый, болтающийся глаз, дезинфицировал рану.

Потом потянулись долгие ночи ожидания кризиса...

Я пошел к Минееву и сказал, что согласен помочь оперировать.

Утром прибежал Нанивгак и сказал, что доктор ждет, все готово.

Это моя вторая операция, и все за полярным кругом. Какая нелепость, — я так брезглив.

Я провел хлороформирование. Пульс стал плох, вспрыснули камфару... Окончив, поручили «Степану» держать маску и поддерживать нижнюю челюсть. Стали оперировать.

Врач сделал разрезы, из брюшины хлынул гной... По комнате поплыл запах трупа, гной залил нам халаты, перчатки, лица... Меня сразу стошнило... но я быстро оправился, стал ощупывать опухоли и вычищать рану. Оттуда шел тяжелый, густой трупный запах... Желчный пузырь воспален, почка и печень плавают в гною...

Операцию закончили... Врач стал накладывать швы, а я расправил складки и края раны. Вставили дренажную трубку для стока остатков гноя. Сняли Нальхуткак с операционного стола, уложили в постель и влили в ногу физиологический раствор...

Врач ждал, что Нальхуткак скоро умрет...

Эскимоска была плоха. Сильные рвоты, боли, бред... Тошноту можно было бы считать последствием нар-

коза, но... делали перевязку, она вся плавала в гною. Есть ничего не могла. Дали три ложки молока, — вырвало... Делали впрыскивания кофеина и камфары. Вливали физиологический раствор в вену. Все впустую. Врач говорил, что помрет, да это и так видно.

Эскимоска умирала от перитонита.

Ее родственники ворвались в комнату, как сумасшедшие. А Паля прямо с кулаками полез к врачу. Они обвиняли врача, что он больных морит, чтобы перевести их всех. Раз он не дает больным мяса, значит, он их убивает голодом.

Я был очень взволнован.

Ночью Нальхуткак умерла.

«ГОЛОДОВКА»

В начале августа врач заявил Минееву, что он уезжает на сбор гидробиологических материалов, и потребовал маленький вельбот с мотором.

Минеев отказал: подошла пора моржевой охоты и вельбот был нужен для промысла в море. Мотор на большом вельботе был испорчен.

Врач хватил спирту и сболтнул подвыпившим радистам:

— Объявляю голодовку; нет возможности так работать, Минеев самодур.

Радисты моментально сочинили паническую телеграмму с извещением о голодовке врача.

Протрезвившись, врач на самом деле перестал есть.

Мы были взволнованы этой полярной голодовкой, но ведь отдать вельбот — значит оставить колонию Роджерса без мяса на целый год.

Через пару дней с Петриком случился буйный припадок. Помня просьбу врача — ставить его в известность о состоянии Петрика, я побежал в палатку и застал врача доедавшим жареного гуся. Перед ним лежала груда гусиных косточек.

Врач смутился, а я улыбнулся, от сердца отлегло: значит, не помрет врач от голода.

«СОВЕТ» В ДРЕЙФЕ

«Радио. Владивосток. Акционерно-Камчатское Общество.

Копия. Совфлот Евгенову.

16 августа 20 часов широта 71° 11' северная, долгота 175° 25' восточная. Туман, лед 7 баллов, есть повреждения и течь носовой части.

Пароход «Совет» капитан Дублицкий.

Мы с напряжением ждали на острове, чем кончится борьба парохода и людей со стихией. Невеселые это были дни.

Сдерживал всех всегда спокойный и логичный Минеев. Я помню его невысокую широкоплечую фигуру, хорошее простое лицо с огромными, ясными глазами. Он ходил прихрамывая и улыбаясь говорил:

— Друзья, не нервничайте.

С раннего утра мы уходили в море к кромке льда и били моржей, заготавливая мясо.

«Совет» стоял в тяжелом сплошном крупнобитом полярном паковом льду. Этот лед был не только непроходим для парохода, но и опасен. «Совет» находился в дрейфе.

Двадцатого августа, пользуясь небольшими разводьями, «Совет» начал пробиваться в направлении острова Врангеля, но через несколько часов на пароходе лопнули болты гребного вала. Пока на судне исправляли повреждения, разводья прекратились, льды еще теснее сомкнулись, опять опустился туман.

Сменился ветер, и лед стало прижимать к берегу. Нам пришлось прекратить охоту на моржей, хотя мяса было мало.

Стало холоднее, вдоль гор полетели гуси. Неприветливо свистел в антеннах ветер, плескалась взбудораженная вода бухты, покачивались на якорях вельботы.

Мы собрались в комнате у Минеева. Минеев, Павлов, Варя и я склонились над картой, отметили координаты «Совета», проложили курс и тяжело призадумались. «Совет» опять отнесло от острова. Что же дальше?

Запасы есть, с натяжкой год можно продержаться при условии, если самолетом будет заброшена часть припасов.

Минеев ввел строгий рацион в выдаче продуктов, с расчетом на все население острова. Со склада фактории продукты отпускались строго по раскладке. Эскимосы и европейцы получали поровну. Старик радист влетел к Минееву и начал кричать:

— Я не могу жить на этот паек, сократите его чукчам, они могут жить без сахара, без масла, без молока, а я не могу, я старик...

Мы были удивлены этим непониманием серьезности создавшейся обстановки. Минеев сказал спокойно:

— Я отдал приказ, и он должен быть выполнен. Вы старик, это верно, но на острове имеются женщины, кормящие грудью детей. Вы не в капиталистической колонии. К тому же я знаю, что вы откладываете продукты про запасец. Вот кушайте их, — не храните.

Я невольно улыбнулся. Это было тоже верно.

На «Совете» 21 вечером состоялось заседание судового морского совета. Обсуждался вопрос «о положении парохода в дрейфе, на пути к острову Врангеля». На заседании совета была установлена совершенная непригодность парохода для рейса в тяжелых льдах.

Однако, постановили согласиться с капитаном Дублицким: добиваться возможности достичь острова Врангеля до последней крайности.

Минеев дал на «Совет» радио, в котором сообщал, что мы можем продержаться еще год, но испытываем острую нужду в соли, овощах, огнеприпасах. Просим доставить перечисленные продукты самолетом и вывезти душевнобольного в случае недостижения пароходом «Совет» острова Врангеля в эту навигацию.

В ночь на 22 августа Минеев получил радио от Дублицкого.

«Состояние льда, также техническое состояние судна гарантии достижения острова не дают, поэтому всемерно поддерживаем проект оказания помощи острову самолетом, о чем уведомили материк, также начальника Колымской экспедиции Евгенова. Учтите, что «Совет» может неограниченно снабжать аэропланы горючим. «Совет» тем не менее последней возможности будет продолжать попытки достижения Врангеля. Пробираемся на нордост, намерением подойти Врангелю район Геральда. Сообщите ваше мнение о целесообразности отправления для вас части продуктов на Геральд, а также северо-восточной части Врангеля. Сообщите сколько времени потребовалось бы пройти собакам от Роджерса до района косы Врукса настоящий сезон. Сколько имеете собак? Желательно иметь связь с вами два раза в сутки, время согласуют радисты. Имеете ли прямую связь с материком? Сообщите Евгенову точно минимальное количество снабжения, а также калибр патронов. Привет.

Дублицкий

АКРОБАТ

Получив эту радиограмму, Минеев предложил мне отправиться с ним на разведку льда с вершин гор. Мы взяли револьверы, бинокли, высотометры, карту и мелкокалиберный винчестер.

Едва мы вышли на крыльцо, к нам подошел Скурихин и спросил:

— Что нового, товарищ начальник?

— Пока ничего определенного, сегодня получил телеграмму от Дублицкого, вероятней всего придется пользоваться только самолетом. ☉

Наблюдая с высоты 135 метров, мы видели лед до горизонта. Небо было свинцово-серое, только на зюйд-осте небольшая треугольная темная полоса на небе. Это говорило о присутствии полыньи.

Нанеся все на карту, Минеев устало опустился на камень. Я тоже сел, потом лег и, глядя на невеселый ледяной горизонт, уснул.

Проснулся я от толчка и шопота Минеева:

— Смотри, смотри, Константин, какой зверь!

Я вскочил, глянул вниз и обмер от удивления.

Огромный моржище проплывал на льдине, став на передние лапы и уткнув морду в лед. Он силился задрать задние лапы кверху. Это ему удалось, он подрыгал ими в воздухе, затем почесал за ухом.

Опустился передними лапами, потер свою свирепую морду с широкими короткими клычищами и опять сделал стойку. Минеев не выдержал и расхохотался.

— Ну, и фрукт, — акробат. Давай, Костя, подразним этого быка.

Вскинув мелкокалиберный винчестер, Минеев пальнул моржу в затылок. Морж от неожиданности и страха рывкнул и свалился через голову в воду. Пуля его не могла ранить, это был для него только сильный щелчок, после которого должна быть шишка. Мы оба расхохотались.

Морж вынырнул и заорал от бешенства и боли. Гаги, плавающие между льдин, снялись и улетели.

Я взял у Минеева винчестер и стукнул моржа еще раз по загривку. Зверь взбеленился и начал крушить льдины, с треском ломавшиеся под его клыками. А я все щелкал да щелкал по его загривку.

Мы оба весело хохотали. Впервые за много месяцев Минеев и я так весело посмеялись.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Вернулись мы в Роджерс поздно, поужинали, и Минеев сел писать радиogramму:

«Совет», Дублицкому.

Благодарим, привет. Горючего острова много, на рации имеем несколько тысяч кило бензина. Связь с нами не теряйте. Телеграммы направляйте только на мое имя, противном случае рация задерживает передачу. Результаты разведки льда даю отдельной сводкой. С острова необходимо вывезти валютную пушнину, а также умалишенного. Забросьте самолетом молоко, фрукты, патроны, кое-какие мелочи. Привет. Минеев».

Тем временем эскимосы с северной стороны острова на байдарах пробирались вдоль береговой полыньи в гавань Роджерса. Лед задержал их у залива Дублицкого. Это перекочевывали те эскимосы, которые хотели с парходом переехать на материк, — кто лечиться, а кто за женой, например, охотник Югунхак, жену которого, эскимоску Пувзяк, взял себе в жены врач.

26 августа была получена телеграмма от Евгенова с «Литке»:

«Может быть возможной частичная вывозка людей самолетом «Савойя» один человек за рейс. Не зная, каком состоянии душевнобольной, летчики высказывают сомнение возможности его вывоза. Привет. Евганов».

Сообщение, что летчики сомневаются в возможности вывоза сумасшедшего, нас несколько ошеломило. Ведь главная беда — он. Мы-то наконец и еще год просидим.

Сумасшедший Петрик в тот же день бросил железный лом в проходившего мимо эскимоса Кмо, к счастью только ушиб ему бедро. По ночам он дико хохотал, бил в свой колокол и пел молитвы.

31 августа мы получили радиogramму с борта «Совета»:

«31 полдень под влиянием вест-зюйд-вестового ветра начали образовываться полыньи. Пробились

несколько миль в ост-зюйд-остовом направлении. Ветер стих, пароход затерло. Барометр падает. Ожидаем ветра».

Это были тревожные дни на острове. Радисты и врач часто совещались; а что если не придет «Совет»? На нас смотрели недружелюбно.

СПАСЕНИЕ ВЕЛЬБОТА

С гор внезапно налетел ночью шторм, ветер засвистал в антеннах, в щелях дома. В бухту стало нагонять волны. На рассвете, выйдя из палатки, я увидел картину, которая заставила закричать от отчаяния: наш вельбот «Константин Дублицкий» било льдинами и волной. Уже был поврежден борт, — того и гляди, потонет. Вельбот беспомощно болтался на якоре, льдины с треском бились в борта. Маленький «Роальд Амундсен» был выброшен на берег с поломанным фальшбортом.

На мой крик выскочили из палаток эскимосы. Мы бросились к берегу, из дому выскочил проснувшийся Минеев и, хромя, побежал вслед за нами. Волны с яростью бросались на берег.

Раздумывать некогда, я бросился в воду и поплыл к вельботу. Ледяная вода жгла, но страх потерять вельбот был сильнее. Влез через борт в вельбот и выбрал якорь. Вельбот мигом прибило к берегу, там его подхватили несколько рук и бережно сдержали.

В вельбот влез Минеев, мокрый до нитки, за ним Павлов, несколько эскимосов. Я выскочил в воду и помог им отойти от берега, стоя в воде по грудь.

Они отвели вельбот в тихую лагуну, а я бросился, сломя голову, домой переодеваться.

МАЧТОВЫЙ ОГОНЬ НА ГОРИЗОНТЕ

Получили радиogramму:

«Сегодня имел беседу прилетевшим Уэлен самолете Комсеверпути типа Дорнье Валь начальником

экспедиции арктического института Обручевым, который совместно Петровым, Страубе соглашаются обеспечить его горючим лететь на Врангель. Сможет вывезти шесть человек. Окончательно не мог договориться перерывом связи Уэленом. Самолете имеется радиостанция. Работает волне 600 метров. Настоящее время подмочена, высушивается, подлежит установке, позывные А. Н.

Евгенов».

А «Совет» был близко, всего в 19 милях от острова. Вечером с вершины холма мы видели мачтовый огонь, днем видели дым и силуэт парохода, затертого во льдах. Даже не верилось, что это небольшое расстояние не одолеет корабль.

Льды стояли сплошной стеною.

Вечером 2 сентября нам сообщили, что самолет Комсевверпуть № 1 нужно ждать 5 сентября. На острове началась спешка, подготовка почты, пушнины песцовых шкурок.

Вечером 3 сентября мы опять увидели мачтовый огонь с затертого во льдах «Совета». По радио нам сообщили, что «Совет» в 17 милях от острова, но пробиться не может, а поэтому пробивается на чистую воду к острову Геральд, чтобы принять самолет с пассажирами.

Мы разожгли на горе большой костер, с борта «Совета» заметили этот маяк и сообщили нам.

Сумасшедший Петрик, выйдя из своей хижины, увидел огонь на горе и закричал:

— Ледяной остров горит!

Сумасшедший буйствовал и кричал всю ночь, а на горе во мраке осенней полярной ночи догорал костер на черном нерадостном острове.

4 сентября у Минеева на совещании было уточнено, кто должен вылететь с острова. В первую очередь Петрик, которого нужно будет связать перед перелетом, чтобы он не наделал бед в самолете. Затем врач с женою

эскимосской и грудным ребенком. Промышленник Скурихин, которому очень хотелось попасть на Камчатку к жене и дочери после трехлетней разлуки. И еще двое радистов.

Рация должна была замолчать, так как отапливать радиостанцию было нечем; то небольшое количество

Мы увидели мачтовый огонь

угля, которое имелось в запасе на ради, не могло спасти положения.

Кроме того физическое состояние старого радиста требовало немедленной отправки его на материк: он редко мылся, редко менял белье и это сильно сказалось на старом организме; второй радист сам не хотел оставаться и настаивал на возможно скорейшей отправке на материк.

Подошла очередь до меня. Минеев спросил:

— Званцев, ты летишь или остаешься?

— Остаюсь.

Иосиф пожал мне руку, а Минеев буркнул:

— Подумай, ты молод, пользы мало от того, что ты останешься, ведь рация замолчит.

Я остаюсь. На этом и порешили.

Радисты спешно забивали ящики, упаковывали вещи, я помогал Минееву и Иосифу зашивать в брезентовые мешки пушнину.

САМОЛЕТЫ

5 сентября на горизонте стоял густой туман; ну, значит самолет не прилетит.

Улетающие приуныли, а нас опять охватила тревога. Ведь полеты возможны только до 10 сентября, — уже ледок, снег, туманы.

В 4 часа дня раздалось далекое гудение моторов:

— «Самолет!» — закричали эскимосы, выскакивая из палаток. Им знаком этот шум: остров Врангеля неоднократно посещался покойным Кальвицем и другими летчиками.

Скоро мы увидели огромную птицу, которая вышла из тумана и пошла к бухте Роджерс. Сделав несколько кругов, самолет Дорнье-Валь сел на гладкую поверхность бухты.

Не успел самолет сесть, как с запада из тумана вылетел второй, типа «Савойи» 62-бис, лодочный. Сделав круг, он сел рядом.

Из самолетов вышло много людей в шлемах, нам показалось, что их невероятно много.

На берегу собрались чукчи, эскимосы, европейцы.

Среди прилетевших на Дорнье-Валь были профессор Обручев, геодезист Салищев, — его помощник. Командир самолета Петров, летчик Страубе, тот Страубе, который в 1928 году вместе с Чухновским и Алексеевым летал на «Красном медведе» над льдами Арктики в поисках экспедиции Умберто Нобиле. (Это было в 1928 году, когда погиб старик Амундсен, героический норвежец,

обладавший большим отзывчивым сердцем; когда имя «Красина» прозвучало во всех странах мира.) Это тот Страубе, о хладнокровии которого писали в книгах, — краснознаменец, весельчак Страубе, опытный полярный пилот.

О Страубе я слышал еще в 1928 году в школе морских летчиков в Севастополе, в которой я учился и которую Страубе окончил в 1927 году. О Страубе я читал в книгах. И вот Страубе прилетел к нам на остров. Во втором самолете прилетели Красинский, Кошелев и Вася Задков, мой однокурсник по школе морских летчиков.

Васька, улыбаясь, орал:

— Костюша, Званцев, за тобой я прилетел, — старых друзей не забывают!

В тон ему орал Афанаска Шелехов:

— Костя, друзей не признаешь?

Начались объятия.

После трех лет одиночества на ледяном острове — и вдруг столько народу!

Гости пошли в старый дом фактории завтракать и совещаться. Минеев и Власова, оба взволнованные, угощали гостей свежей жареной печенкой моржа. Страубе ел вначале с недоверием, а после потянулся еще за кусочком и уже не отставал от других.

ЛЕЧУ ЛИ Я?

Во время совещания, когда выяснилось, кто летит с ними, Страубе и Петров обратились ко мне:

— А ты, Званцев, что же не хочешь? К чему эта ненужная жертва? Ты молод, ждет жена, отстал от жизни, устал от возни с сумасшедшим. Ты должен лететь, — кстати тебе письмо у Задкова.

Письмо я получил и узнал нерадостные вести: жена в тяжелом положении. Друзья писали, что я должен в этом году вернуться, если дорожу ее жизнью.

Я сказал об этом Минееву и Варе. Минеев положил руку мне на плечо и сказал:

— Костя должен лететь. Мы сделали все, что было в силах, и мы немного издергались. Но я не могу бросить остров и сдать его неопытному человеку. Моя жена остается со мною, Иосиф с нами. А ты лети, отдохни и поезжай снова в Арктику.

Я вышел с тяжелым сердцем.

Что же делать!

Вечером все собрались у меня в комнате, я распаковал ящик с вином, раскрыл консервы, шоколад, прекрасные папиросы, и мы стали пировать.

Наконец летчики легли спать, уснули и радисты, уснул весь остров.

Я с собакой «Харди» сидел на берегу бухты и смотрел, как в воде отражаются далекие звезды, слушал, как плещется и журчит вода, как шумят дрейфующие льды и где-то далеко кричат моржи.

На утро приготовились к отлету. Ко мне подошли Минеев со Страубе и в голос спросили:

— Летишь?

Я молчал. Одно слово могло решить все, я боялся этого слова.

Страубе стиснул мне руку и тихо сказал:

— Послушай нас, Костя, лети. На посту за тебя остается Минеев.

Я сказал:

— Да, я лечу, но только с «Харди». Хорошо?

— Лети с «Харди», — улыбнулись оба.

ОТЛЕТ

Началась погрузка вещей в самолет. Радисты взяли полный груз, положенный на человека, я — только научный материал, собаку и чемоданчик с необходимыми вещами. Остальные вещи я роздал своим друзьям эскимосам и воспитаннику Нанивгаку, который, прощаясь со мною, залился слезами.

На борт «Совета» дали последнее радио:

«Выпускайте густой, черный дым, сейчас вылетаем, будем ориентироваться по дыму».

«Совет» ответил:

«Стою острова Геральд чистой воде, жду прилета. Дым есть».

На «Совет» летел и Минеев для личного сообщения Дублицкому.

Дошла очередь грузить сумасшедшего, который сидел, спрятавшись в хижине. Когда мы вошли, он выскочил, но мы поймали его, одели смирительную рубашку, связали его и положили в гондолу самолета.

Летчики смотрели с тревогой на него. Им предстояло совершить первый в истории полярных полетов рейс с сумасшедшим на борту.

Начали прощаться с собравшимися на берегу эскимосами. Команда. Я сел в самолет последним, поцеловавшись с Варей, которая сегодня мерила за меня температуру воды поверхности бухты.

Я сел в кабинку, за мной влез «Харди».

Мои собаки изумленно бегали по берегу. «Фрам» самый умный из них, вдруг завыл и полез в самолет. Его прогнали. «Харди» лизнул меня в лицо. Затрещали моторы, самолет вырулил на середину бухты и после третьей попытки оторвался.

Внизу проплывали знакомые очертания острова, гавани Роджерс, маленькие домики, маленькие люди. Вскоре все скрылось, под нами расстилались сплошные поля торосистого льда.

Во время полета я делал ледовую разведку, нанося на карту льды.

Наконец, открылась чистая вода, у кромки льда стояло судно, из трубы валил густой дым.

Благополучно сделали посадку, от борта «Совета» пошел мотор и подвел к левому борту.

Поднялись на борт. Сразу к нам бросилось огромное количество людей. ○

На совещании Минеев отказался сдать остров повичку начальнику в таком бедственном положении.

На самолет грузили снабжение и, как только кончили погрузку, стали нажимать льды, все бросились на самолет, Минеев даже не успел проститься. Я бросился в борт, «Харди» за мной.

Но самолет уже отошел от борта.

Я закричал:

— Минеев, я не хочу возвращаться один на материк, я остаюсь, вернись за мной.

Мой крик утонул в шуме моторов. Минеев снял шапку и поклонился.

Самолет улетел.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Рейс на остров Врангеля	
„Если ты уходишь в плавание“	13
Гражданин „Заяц“	15
Япония	16
Сын солнца	17
Петрик	20
В залив Лаврентия	22
Гости	24
Фактория	25
Любящая рука	27
Яндогай	28
Кладбище	31
Красавица Мэри	32
В Чукотском море	35
Льды у корабля	37
Дрейф	40
„Все люди, все человеки“	42
Гибель „Элезиф“	44
В ледяном поле	44
Первый год зимовки	
Встреча с группой Г. А. Ушакова	51
Выгрузка	53
Счастливого пути!	57
Подготовка к зиме	58
Радиограммы	59
Чуждый Наркомпочтелю элемент	61
Знакомство с Нюко	63
Полярная ночь	65
Экспедиция Слепнева	67
Гамильтон 100.002	68
Праздник	71
Гуси	73
Тревога	77

Подготовка к охоте	78
Моржи	80
Первая охота	83
Раненый вожак	85
День большой еды	86
Охота на укол	89
Второй год зимовки	
Несовершенная техника	93
Шторм	94
Недовольство радистов	97
Петрик сошел с ума	98
Погода—это я	98
Ярай, ярай	102
В бухте Сомнительной	104
Возвращение	109
Ночь сумасшедшего	110
На краю гибели	112
Зимние будни	115
Снежная слепота	120
Весна	122
Ледовая разведка	122
Гибель „Чукотки“	124
Рейс „Гагары“	128
Третий год зимовки. Возвращение на материк	
История с лопатой	133
Бегство врача	133
Ночная прогулка	134
Степан Старцев	135
Кашельный чорт	137
„Я вижу“	138
Пурга	139
Охота на медведицу	140
Медвежата	144
Записки из дневника	144
Радиограмма	146
Смерть Нальхуткак	147
„Голодовка“	149
„Совет“ в дрейфе	150
Акробат	152
Тревожные дни	153
Спасение вельбота	155
Мачтовый огонь на горизонте	155
Самолеты	158
Лечу ли я?	159
Отлет	160

Цена 60 коп.

00522

